

Ф. Р. РОЗИН - АЗИС

СТРАНИЦА
ИЗ ИСТОРИИ
КРЕСТЬЯНСТВА

ИСТОРИКО - ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ АГРАРНЫХ
ОТНОШЕНИЙ В ПРИБАЛТИКЕ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
И. СТУЧКИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД - 1925

ФР. РОЗИН - АЗИС

СТРАНИЦА
ИЗ ИСТОРИИ
КРЕСТЬЯНСТВА

ИСТОРИКО - ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ АГРАРНЫХ
ОТНОШЕНИЙ В ПРИБАЛТИКЕ

С ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ
П. СТУЧКИ

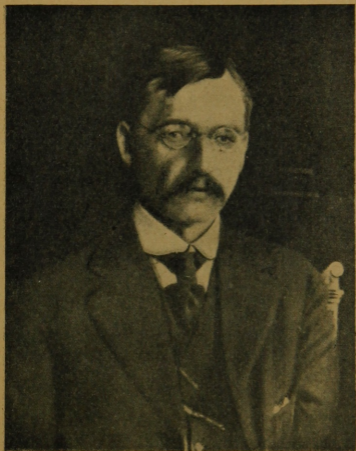
ПЕРЕВОД, ПРИМЕЧАНИЯ И ПРЕДИ-
СЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ
А. Я. КЛЯВС-КЛЯВИНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1925

Заказ № 201.

Фр. Розин-Азис

Родился 7-го марта 1870 г.; умер 7-го мая 1919 г.

ПАМЯТИ АВТОРА.

Имя Фр. Розин-Азиса всегда будет связываться с земельным вопросом в Латвии. С одной стороны, ответственность за всякий неуспех в земельном законодательстве будут взваливать на его плечи; с другой же стороны, в будущем, когда в Советской Латвии можно будет наблюдать расцвет сельского хозяйства, мы с гордостью будем вспоминать Розин-Азиса, как первого пионера в этом деле. Не умаляя его великих заслуг в области популяризации вопросов коммунизма вообще, мы, однако, должны признать, что Фр. Розин-Азис избрал своей специальностью аграрный вопрос и вопрос о положении сельско-хозяйственных рабочих; следовательно, ничем мы не можем оказать покойному большего внимания, чем выяснением перед массами, что именно он хотел сделать, и что он сделал в этой области.

«Аграрный вопрос — говорит Фр. Розин-Азис в одном из своих трудов — является основным вопросом социализма. Недостаток земли и присвоение ее частным собственником создают основание для наемного рабства». С этой точки зрения Розин-Азис и рассматривал аграрный вопрос повсюду и всегда.

Вчитайтесь в его труд «Латышский крестьянин»^{*)}). Он написан в эмиграции в Швейцарии, без достаточных материалов, и все же является единственным серьезным научным трудом, написанным по этому вопросу на латышском языке. Основная идея «Латышского крестьянина», красной нитью проходящая через весь труд, это — убеждение, что у латышского крестьянина воровским способом отнимали обрабатываемую им землю. При этом самым бесцеремонным грабежом явилось так называемое «освобождение» крестьян от крепостной зависимости — без земли.

Достаточно прочесть его статью о положении безземельных, о «мошках, или десятичных людях», которые на волостных собраниях имеют только десятую часть того голоса, которым обладают дворохозяева, или его статьи, направленные против мечты о «своем уголке и своем участочке земли», которая

*) Такое название носит предлагаемый труд в оригинале.

Прим. переводчика.

пробуждает в каждом безземельном зачатки рабства, чтобы узнать Фр. Розин-Азиса, как борца за дело сельско-хозяйственного пролетариата.

Я хорошо помню небольшую его агитационную брошюрку, которая в свое время нелегально была выпущена в Риге против предшественников теперешнего общества дворохозяев-собственников с их планами о «нормальном (уравнительном) хозяйстве». Он начинал свою брошюрку с анекдота о самоеде на дальнем севере, чьи собаки, впряженные в сани, смертельно устали и не могут двинуться с места. Самоед вешает перед их носом кусок колбасы, и собаки снова, забывая усталость, начинают движение, гоняясь за этим куском. «Совершенно так же,—говорит Розин-Азис,—наших безземельных крестьян обманывают подвешенным к их носам «своим уголком и своим участочком земли». «Вконце концов собаки получили колбасу,—говорит Розин-Азис,—но получили ее после того, как сломали сани и изорвали упряжь».

Революция «ломает сани и рвет упряжь» в интересах безземельного крестьянина и сельско-хозяйственного рабочего... Мы приближаемся к тому, за что боролся Фр. Розин-Азис. Но ему самому не дано быть в наших рядах: его путь прервала смерть.

Из сочинений Розин-Азиса нам, однако, известно, как он представлял себе эту борьбу раньше, и как он считал возможным ее вести в последнее время после разрушений, причиненных империалистической бойней и гражданской войной, которая все еще продолжается. Мысли Розин-Азиса по этим вопросам нуждаются в нашем подробном разборе, изучении и осуществлении.

Городской рабочий-коммунист не представляет свое освобождение, как захват для себя отдельного колеса машины, молотка или другого орудия фабрики, как своей части при «великом дележе»: это было бы только глупостью; фабрики, как и все орудия труда, должны быть отняты у их собственников-эксплоататоров и взяты целиком во владение рабочего класса; таким образом, раз навсегда будет отменено рабство. Совершенно так же надо отменить это рабство и в аграрных отношениях; и тут ничего не может помочь дележ между всеми земли или других средств производства, — может помочь только общественная обработка, общий труд на общей земле.

Быть может, эта мысль слишком нова, чтобы она была понятна для всех. Только при помощи живых образцов и практических примеров мы сумеем показать, в какие формы это выльется в действительности. Но одно должно бы быть ясно для всех: при обеспечении более короткого рабочего дня и предоставлении необходимых средств к жизни,—не может ведь очутиться безземельный крестьянин в худшем положении, чем он был до сих пор. И пример хотя бы одного только года приучит аграрных рабочих чувствовать себя хозяевами собствен-

ной судьбы так же, как это уже теперь чувствуют городские рабочие.

Мысли Розин-Азиса касались также того, как бы сделать сельско-хозяйственный труд более производительным, легким и приятным. Розин-Азис с удовольствием останавливался на мысли, как после трех-пяти лет все водопады и водные течения превратятся в электричество и не только осветят жилища сельско-хозяйственных рабочих, но также потянут плуги и телеги и этим облегчат труд и, таким образом, сделают сельско-хозяйственного рабочего лишь руководителем машин и господином природы.

Коммунистическая революция в деревне, это—пробуждение самых темных уголков, до которых не дошли еще никакие лучи революций. Эту революцию провозгласил Розин-Азис в своем «Латышском крестьянине» и во всей своей литературной деятельности, но он хорошо сознавал, как трудно ее провести.

Стоило послушать, как горячо Розин-Азис защищал сельско-хозяйственных рабочих, но интересно также было слышать, с какой любовью говорил он о самом предмете спора! Он не называл его иначе, как «землицей», так как видел перед собой картину будущего: дружное сожительство земли с сельско-хозяйственным рабочим—сожительство средств производства с рабочей силой.

Аграрная революция, это—последняя социальная революция, и Фр. Розин-Азис—вождь этой революции в Латвии.

П. Стучка.

Май 1919 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ.

Предлагаемая ныне вниманию русского читателя книжка Фр. Розин-Азиса сыграла большую роль при оформлении рабочего движения в Прибалтийском крае: старое поколение латышских коммунистов училось по ней и, если латышские рабочие в Октябрьской революции смогли играть хотя бы ту скромную роль, которая выпала на их долю, то немалая заслуга в этом деле принадлежит Фр. Розин-Азису, автору предлагаемой книги. Значение книжки не утеряно до сих пор, и с именем ее автора латышские рабочие будут связывать также свои будущие успехи и победы.

Для русского читателя эта книжка ценна не только потому, что она освещает историю классовой борьбы в Прибалтийском крае; гораздо важнее то значение, которое она имеет для развития марксистской мысли вообще. Стройная система марксистского мирозерцания, приведенная не в виде отвлеченных тезисов и формул, а в виде марксистской разработки конкретного исторического материала, охватывает те основные положения марксизма, которые связаны, главным образом, с крестьянским вопросом и аграрными отношениями. Эти вопросы приобретают особое значение в связи с усилением интереса к деревне, работой Крестьянского Интернационала и желанием понять те условия, в которых протекает борьба рабочего класса за пределами Союза Советских Республик.

Книга Розин-Азиса по своему содержанию и методу может служить для нашего читателя в одно и то же время и материалом по истории земельно-классовых отношений, и руководством по изучению марксизма. В этом отношении книжка эта может быть особенно полезна нашим коммунистическим университетам.

С целью облегчения чтения книжки я разбил главы по их содержанию на части, снабдив каждую соответствующим заголовком (в некоторых местах это потребовало перегруппировки материала), и не остановился также перед сокращением тех мест, которые могли бы оказаться непонятным для русского читателя.

Желая дать возможность интересующемуся читателю проследить хотя бы некоторые исторические и экономические

факты по небогатой в этих вопросах литературе — так как автор писал свою книжку исключительно по немецким источникам и непосредственным архивным материалам — я, наравне с немецкой литературой, имеющейся в Ленинградской Публичной Библиотеке, просмотрел и всю имеющуюся по данному вопросу на русском языке и частично указания автора на немецкие источники дополнил указаниями на русские сочинения, посвященные истории и экономике Прибалтийского края. Наконец, чтобы не загромождать книгу цитатами и ссылками, я привожу все литературные примечания в виде соответствующих выносок вне текста.

Фр. Розин-Азис, составляя свою книжку, не руководствовался, конечно, одними научными целями. Как партийный работник, он всегда оставался революционером и защитником интересов рабочего класса. Прошлое в руках Фр. Розин-Азиса служит настоящему, служит классовой борьбе пролетариата против господствующих классов. Его книжка, написанная в 1904 и пополненная в 1906 году, является самым ярким обвинительным актом против аграрной политики нынешней белой Латвии. Вот почему латвийская буржуазия не разрешает в Латвии переиздать эту книжку, хотя (и это весьма интересно сопоставить) второе ее издание вышло в царской России (первое вышло в Швейцарии, где жил в эмиграции автор и где было сосредоточено все партийное издательство).

Латвийская буржуазия относится к книжке Фр. Розин-Азиса с яркой ненавистью не напрасно: в ней много мест, читая которые, кажется, что они написаны только сегодня и направлены против политики белой Латвии. Достаточно сослаться только на один пример: вопрос об искусственном образовании мелкого крестьянства путем продажи сельско-хозяйственным рабочим мелких земельных участков. Фр. Розин-Азис еще двадцать лет тому назад раскрыл тайный смысл такого «прикрепления к земле» сельско-хозяйственного пролетариата, произведенного ныне в белой Латвии. Новый слой мелкого крестьянства лишен возможности вести самостоятельно свое хозяйство, так как у него нет ни инвентаря, ни рабочего скота. Он целиком и без остатка находится в лапах крупных дворохозяев-собственников, которые на кабальных условиях ссужают его земледельческими орудиями и рабочим скотом. Цель при проведении подобной реформы одна — заставить сельско-хозяйственных рабочих «закупиться», чтобы их сделать неподвижными и послушными, умеющими уважать частную собственность. «Закупившийся» сельско-хозяйственный рабочий в город из кабалы зажиточного дворохозяина не уйдет и будет верно ему служить, перебиваясь изо дня в день в долгах и нужде. Смысл такого «облагодетельствования» сельско-хозяйственных рабочих становится особенно понятен, если иметь в виду, что прибалтийские дворохозяева всегда вопили о недостатке рабочих рук

и о выкачивании промышленным капиталом сельско-хозяйственных рабочих из деревень в города.

Приведенный факт и много ему подобных, сделали то, что книга Розин-Азиса и в наши дни сохраняет свой злободневный характер.

Я хочу еще немногими словами коснуться личности автора книги. Фр. Розин-Азис был организатором левого крыла латышской социал-демократической партии. Из маленьких рабочих кружков, в организации которых он участвовал в восьмидесятых годах прошлого столетия, выросла латвийская коммунистическая партия, и Фр. Розин-Азис был ее лучшим идеологом и теоретиком. Начиная с 1899 года, под его редакцией в Лондоне, а затем в Берне выходили партийные издания («Латышский Рабочий», «Социал-Демократ», «Социал-Демократическая Библиотека»). Его статьи, брошюры и книги были самыми дорогими страницами для партийного пропагандиста-агитатора. Сначала как молодой студент-юрист, затем в тюрьме и эмиграции Фр. Розин-Азис всегда верно служил латышскому рабочему классу и его партии. В русском рабочем движении тоже ему принадлежит далеко не последнее место. Достаточно сослаться на то, что в 1907 году на V Лондонском съезде российской с.-д. партии Фр. Розин-Азис, вместе с Лениным, был избран в президиум съезда, получив максимальное число голосов (272; остальные члены президиума получили — 188, 187, 144 и 143 голоса из 279).

Книга Фр. Розин-Азиса давно уже имеет право быть переведенной на русский язык и сослужить нашим рабочим ту службу, которую она в свое время оказала латышским. Намерение перевести ее давно уже высказывалось в группе латышских коммунистов, но трудные условия революционной работы затянули это дело до сегодняшнего дня.

А. Клявс-Клявин.

Ленинград
9 марта 1925 г.

ВВЕДЕНИЕ.

Современный крестьянский быт и аграрные условия развились из крепостных отношений. Все современные европейские государства развились из феодального (крепостнического) общества. Поэтому по всей Европе мы находим остатки феодализма так же, как повсюду находим развалины рыцарских замков. Сотни мелочей, которыми определяются отношения между разными классами и группами общества, ведут свое начало от феодализма. Остатки крепостных отношений сохранились особенно в деревне, где капитал—господь бог современного общества—не успел еще пересоздать все по своему образу и подобию, как он уже сделал это в городе.

Нельзя поэтому ни в одном европейском государстве рассматривать аграрные отношения и условия их развития без того, чтобы не начать с крепостных отношений.

На это условие натолкнулся и я, когда пожелал дать обзор положения латышского крестьянства и перспектив его будущности с экономической точки зрения. Оказалось, что современные хозяйственные отношения не поддаются объяснению без того, чтобы не рассмотреть их происхождение и развитие в условиях феодального прошлого. Это заставило меня погрузиться в изучение исторического прошлого Прибалтийских стран.

Я натолкнулся при этом на множество совершенно новых исторических фактов, и только недостаток времени и места удерживает меня от искушения написать большое исследование по этому вопросу.

Я попытаюсь только в общих чертах останавливаться на результатах своих исследований.

ГЛАВА I.

Приход немцев и первая «культура».

Рассказ историков об «открытии» Латвии и «порабощении» ее немцами.

Буржуазные писатели, разбирая вопросы истории Прибалтийского края, начинают обыкновенно с 1158 года, когда бременские купцы, гонимые ветром, случайно и против собственной воли, попали в устье Западной Двины, где они встретились и начали торговлю с диким народом — ливами.

Спустя пару десятков лет купцы привезли с собой из Германии монаха, возвестившего впервые на побережье Балтийского моря евангелие и учение о распятом боге, как и учение о радостях загробной жизни, уготованных для тех, кто верует; для приобретения права на загробные радости необходимо было только, чтобы ливы позволили окропить себя святой водой, носили бы на шее крест и обязались бы работать на слуг распятого бога и отдавать им десятую часть плодов своего труда.

Еще через пару десятков лет слугам истинного бога надоело работать одним крестом и святой водой. Они пригласили закованных в железо рыцарей-меченосцев, которые покорили всю страну, превратили местных жителей в рабов и заставили их креститься, а сами сделали их господами.

Вот, вкратце, тот рассказ, который еще в самые последние годы преподавался в наших гимназиях как «история». Я полагаю, что даже и теперь только небольшое число читателей не удивятся, если я скажу, что весь этот рассказ—чистейшая выдумка, лишенная всякого исторического основания и придуманная единственно для того, чтобы прибалтийские помещики могли оправдывать свои привилегии: 1) тем, что они ведут свое происхождение от другого, более культурного народа, и, что в их жилах течет другая кровь; 2) тем, что они на войне победили местных жителей и потому господствуют, как более сильные и развитые над слабейшим и умственно менее ценным народом; 3) тем, что они принесли местным «темным язычникам» культуру и «свет» христианства.

Как выше сказано, это—басня; притом басня, которая придумана с определенной целью.

Сношения латышей с датчанами, шведами и русскими до прихода немцев.

Моя задача состоит не в том, чтобы писать историю Прибалтийского края, и потому я могу оставить без внимания не проверенные сведения, отчасти сказочного происхождения, которые приводит Фр. Крузе в своей «Древней Истории»¹⁾, основываясь на сочинениях Птоломея и Геродота. Я не буду также останавливаться на рассказе Тацита об эстах²⁾, и на сочинениях целого ряда писателей, чьи сведения о прибалтийских народах включены Фойгтом в его «Прусскую Историю»³⁾, а также Шлецером в его «Историю Северных Стран»⁴⁾.

Большей ясностью и точностью отличаются те сведения, которые дают о Прибалтийском крае Римберт и Адам Бременский. А от них мы узнаем, что шведы и датчане уже в IX веке знали куров*) и эстов и не только находились с ними в постоянных сношениях, но даже брали с них дань.

Уже в 1048 году, следовательно, за 110 лет до «случайного» приезда бременских купцов в устье Западной Двины, датский король Свен III Эстритсон приказал построить в Курляндии первую христианскую церковь. В 1093 году датский король Эрих Добродушный основал мужской монастырь Св. Михаила на том месте, где ныне находится г. Ревель. Правда, эти сведения кое-кем оспариваются; однако, нельзя опровергнуть тот факт, что уже в начале XII века датский король назывался эстонским герцогом, и этот титул мы находим также в булле, посланной Эриху Добродушному папой в 1104 году⁵⁾.

Есть основания предполагать, что в середине XII века куры свергли или, по крайней мере, пытались свергнуть христианское иго и господство датчан, так как настоящим основателем христианства в Курляндии более поздние документы считают сына датского короля Абея, который в 1161 году окружил замок Паланген, разбил куров и назначил священника Эрнеморда курским епископом с резиденцией в Пильтене. На этот факт курляндские епископы всегда ссылались в своих спорах с ливляндским рыцарством⁶⁾.

Как на западе датчане, так на востоке русские князья брали дань с прибалтийских народов; последние строили крепости, чтобы легче можно было взимать дань, строили церкви и распространяли христианство за двести, приблизительно, лет до приезда бременских купцов.

Русский летописец Нестор рассказывает, что в 1030 году Ярослав, принявший по крещению имя Юрия, основал г. Юрьев, чтобы таким образом взимать дань с жителей «Варяжского (Балтийского) побережья». О данниках русских князей Нестор говорит следующее: «А се суть инии языци, иже дань дают Руси: Чудь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Мордва, Пермь, Печера,

*) Куры—племя, населявшее нынешнюю Курляндскую губернию.

Явь, Литва, Зимигола, Корсь, Нарова, Либь — си суть свой язык имуще от колена Афетова, иже живут в странах полунощных» *).

Правда, Нестор ничего не говорит о постройке церквей в Юрьеве и не называет имен первых священников, но Ярослав, который отличался большим рвением в деле основания церквей, и, по словам летописца, любил видеть вокруг себя христиан, без сомнения, заботился о распространении христианства среди прибалтийских народов. В этом нас не может разубедить также летопись Генриха Латышского, который утверждает, что русские князья не принуждали туземцев к принятию христианства, а только собирали дань.

Дело в том, что в начале XIII столетия к юрьевской православной церкви были прикреплены 24 деревни. Кроме того, еще во времена господства ордена меченосцев в Риге была православная церковь, подчиненная псковскому епископу; то же самое было в Пернове¹⁾.

Можно, значит, считать вполне доказанным, что латыши были «открыты» уже давно, и о них заботились, крестя их и собирая с них дань, как с запада, так и востока. Немцы (бременские купцы) могли спокойно оставаться у себя, не заботясь о том, чтобы принести латышам «культурные ценности».

Вывод: общественные отношения изменяются только тогда, когда изменяются способы производства.

Вся сказанное, конечно, мало относится к моей теме непосредственно, но я считаю возможным на этом остановиться, так как полагаю, что это для многих будет ново. Кроме того, обнаружение этого исторического факта поможет искоренению ненаучного взгляда, что не сегодня-завтра, совершенно случайно может появиться герой (все равно, в лице ли правителя или философа), который при помощи меча, святой воды или умных идей изменит самые основы существующего общественного строя.

Задача этих страниц как раз состоит в том, чтобы доказать, что общественные отношения меняются только тогда, когда меняется их основа — способы производства, которые в свою очередь меняются вследствие изменения средств производства, то-есть техники. *

Как закованные в железо воины, так и лицемерные священники, равно церкви, монастыри и крепости, были известны в Прибалтике за несколько сот лет до прихода немцев. Однако, несмотря на это, быт населения в течение целого ряда веков оставался неизменным. В дальнейшем мы увидим, что также в течение последующих двух столетий после их прихода он изменился очень немногим.

*) Полное собрание русских летописей, т. I, стр. 5.

Приход немцев, их меч и крест, не оказывал на развитие страны сколько-нибудь заметного влияния. В лучшем случае, появление немецких колонистов немного ускорило ход естественного развития.

Чтобы вполне понять ход естественного развития, а также последующие исторические события, необходимо ознакомиться с производственными и общественными отношениями у древних латышей, то-есть узнать, как они приобретали средства к жизни и какие, благодаря этому, установились у них общественные отношения.

ГЛАВА II.

Волость, деревня, двор, имение.

Некоторые предрассудки об особенностях общественного строя у латышей.

Одним из наиболее распространенных предрассудков, мешающих пониманию истории латышского крестьянства, является мнение, распространяемое с давних пор, будто бы латыши, по причине расовых особенностей, уже с незапамятных времен жили отдельными дворами или усадьбами, не зная деревень и сел, равно как и общественной собственности на землю, более или менее походившей на русский мир или немецкую марку. Этим предрассудком затемняется взор даже таких серьезных историков, как Ф. Г. фон-Бунге и А. фон-Рихтер. Они натолкнулись на неоспоримые исторические доказательства, что еще в XV веке как в Курляндии, так и Лифляндии были распространены деревни, и что уклад жизни этих деревень полностью походил на уклад немецких марок. Однако, ученые не знали, как использовать эти доказательства, так как последние расходились с догматом, утверждающим, что латыши никогда не жили деревнями и не знали общественной (мирской) собственности на землю.

Так, например, А. фон-Рихтер⁸⁾ столкнулся с фактом, что в «Средне-Лифляндских Рыцарских Законах», как и в «Ленных Уставах Вик-Эзельских волостей» находятся статьи и положения о мирских отношениях и общественной собственности на землю. Статьи эти включены туда из более древних лифляндских законов⁹⁾; ими регулировались волостные (мирские) отношения, права жителей волости, условия пользования общей землей и правила, по которым разбирались споры о границах и межах.

Рихтер совершенно правильно утверждает, что эти законы могли быть в употреблении только там, где были на-лицо деревни с совершенно замкнутыми волостями (Mark), территория которых отчасти находилась в частной собственности, а отча-

сти в общем пользовании. Этими законами регулировались и охранялись права каждого жителя волости. Всякий, кто принадлежал к волости и при помощи свидетелей мог доказать, что ему в данной волости принадлежит участок земли, охранялся волостью против претензий всякого третьего лица, за исключением только случая, если это третье лицо доказывало правоту своих претензий, беря в руку раскаленное железо, и оставалось при этом неведимым.

Придерживаясь ложного взгляда, что латышам не были известны деревни и, похожие на немецкие марки, волостные общества, Рихтер не может объяснить, каким образом указанные статьи и положения могли попасть в старые сборники прибалтийских законов. Рихтер в своей истории Прибалтийского края даже готов допустить, что они просто-напросто перенесены туда из немецкого сборника (*Sachsen-spiegel*), из которого, как доказал Бунге, взяты вообще многие статьи лифляндских рыцарских уставов.

Но в последнее время Бунге, соглашаясь в этом с Гельмерсеном, высказывает убеждение, что законы, касающиеся волостных и мирских отношений, не находятся в органической связи со старинными рыцарскими законами, что они возникли самостоятельно и только в более позднее время включены в сборник рыцарских законов¹⁰). Гельмерсен полагает, что эти статьи законов ведут свое начало от предписаний папского посла епископа Вильгельма, которые были даны в XII столетии. Но, надо признать, что папский посол мог дать подобные предписания только потому, что они были необходимы, т.-е. потому, что на самом деле существовали деревни и волости с замкнутой территорией, находящейся отчасти в частном, отчасти в общественном пользовании.

Ниже мы увидим, что имеем полное основание утверждать, что названные законы были не чем иным, как записью распространенных обычаев, которых местное население придерживалось с древнейших времен.

Таким образом, существование «мирских уставов» может служить доказательством, что латыши, где только природные условия это позволяли, жили обособленными деревнями и придерживались мирской конституции; последнее доказано Ганзеном по отношению ко всем западно-европейским народам¹¹) и подтверждено Карлом Каутским¹²).

Помимо всего этого, у нас имеются вполне убедительные доказательства того, что латыши, по крайней мере, часть их—еще в XVI, XVII и даже в XVIII веках жили деревнями, и что эти деревни (по 2, по 3 вместе) составляли волости.

Вот о чем, например, в своей летописи говорит Русов¹³): «В Лифляндии все помещичьи деревни входят в состав волостей (ваков); большие и зажиточные деревни в отдельности или по

две вместе составляют волость, а небольшие и бедные деревушки объединяются по нескольку вместе. Таким образом, каждому помещику, в зависимости от числа их деревень, может принадлежать несколько волостей (ваков); при этом волости должны устраивать для своих помещиков богатые пиры, на которые собираются крестьяне и все свободное население волости».

Рассказ этот относится к середине XVI столетия.

Что здесь под названием «деревни» не фигурирует отдельный хутор или усадьба, а деревня в полном смысле слова, т.-е. состоящая из нескольких дворов, доказывает, между прочим, также самый старый кадастр (список населенных мест), который составлялся в 1599—1601 г.г. по приказанию шведского правительства; он составлен неизвестным автором и открыт Ф. Шиманом среди рукописей Юрьевского университета. По поручению феллинского литературного общества в 1882 г. Шиман издал названную рукопись¹⁴). Из нее мы можем извлечь много ценных сведений о хозяйственном положении крестьян в конце XVI века.

По поверхностному подсчету в кадастре можно найти 26 названий деревень и 11 названий местностей, которые оканчиваются на «кил», что на ливском языке обозначало деревню. Я называю число 26, но считаю его минимумом, так как некоторые места текста указывают на название местностей, к которым относится несколько деревень, между тем как я принимал это за одну деревню. Так, например, к Лемзалену кадастр относит деревни Пурмаль и Асбертцем с 15 дворами, затем Назен и Кавайс, по отношению к которым не дано число дворов, а только отмечено «это две деревни». Из названий имений Лемзаленского прихода три оканчиваются на «кил».

В ревизионных листах XVIII столетия также часто употребляются названия деревень. Так, например, в описи 1774 г. по Ропажской волости упоминаются три деревни: Пультцем с 11 дворами, Аугшцем с 19 и Вангаж с 28¹⁵).

Таким образом, нет никаких оснований сомневаться, что латыши, как и все остальные народы, достигши определенного культурного уровня и перейдя к оседлой жизни, селились и жили деревнями везде, где этому не препятствовали природные условия. Но даже там, где последние (реки, озера, болота и леса) заставляли строить дома поодаль друг от друга,— даже там существовали мирские отношения *).

Несмотря на то, что пахотная земля еще с давних времен, по большей части, находилась в частном пользовании, не-

---

*) На это, между прочим, еще и теперь указывает слово «kaimini» (соседи), которому еще недавно в деревнях было присуще более глубокое содержание, нежели, например, в городах, где также соседи, живущие на одной улице, могут взаимно называться «kaimini». В городе оно сделалось пустым словом, но в деревнях ему был присущ глубокий экономический смысл, а еще раньше оно указывало на кровное родство.

которая часть ее все же считалась общественной. С лесами и пастбищами, озерами и реками это было так всегда, а с лугами очень часто¹⁶⁾.

Сейчас еще старики, чья память охватывает несколько десятилетий, помнят много остатков старинного мирского уклада: общие пастбища, общие луга, с которых, однако, сено собирали хозяева в отдельности, но которые осенью превращались в общие пастбища (как нередко и ранней весной до Вознесения, которое поэтому и называлось днем заграждения или днем креста; до Вознесения такие луга были общими пастбищами, и пользовались ими все крестьяне одной деревни—каймини).

Основным элементом общественной организации у латышей были двор, деревня и волость. Хозяйство одной семьи складывалось из следующих элементов:

**Двор или дом
и деревня.**

1. Жилой дом и хозяйственные строения с садом. Все обносилось обыкновенно изгородью, почему называлось двором («seta»), что в первичном смысле означает изгородь, а затем и огороженное место; в настоящее время этим словом обозначают двор как хозяйственную единицу. Немецкое слово «Накен», о котором в последнее время появилось много исследований, обозначает то же самое, как это вполне доказал Яннау¹⁷⁾. «Слово «Накен» происходит от древненемецкого слова «Hage», — говорит Яннау, — что обозначает изгородь...». По числу этих «Накен» (изгородей или дворов) в Померании, например, так же как в Пруссии и Польше, определялась величина деревень.

2. Некоторое количество пахотной земли, которая может быть разбросана (а в более раннюю эпоху непременно была разбросана) в многих местах. При этом отдельному двору отводилось в каждом поле такая полоса, которая может быть распахана одной сохой в течение рабочего дня. Во многих местностях ширина полосы определялась именно числом борозд, сколько работник может распахать в течение дня. Отдельный крестьянский двор таким образом имел под обработку в каждом поле своей деревни один участок пашни (полосу). Именно по этой причине пашню, которая принадлежит одному двору, почти на всех европейских языках обозначают тем же словом (или очень похожим на него), которым обозначают соху или для одной сохи необходимую рабочую силу (ярмо волов). Для примера приведем римское «Jugerum», швейцарское «Juchert», австрийское «Joch», немецкое «Pflug», средневековые латинские «caruco», «carucata», «bovata», «aratrum» и латышское «arkls»—соха.

3. Каждый двор имел право косить под сено один участок в лугах данной деревни так же, как пользоваться лесом, пастбищами, реками и озерами наравне с остальными соседями. Порядок пользования устанавливало общее собрание соседей (мир).

Хозяйственная единица, обладавшая указанными правами и собственностью, и называлась у латышей двором или домом «таја», у датчан «Bool», у англичан «hide», а у немцев «Hufe» или «Hufe». Средневековые монахи обозначали то же самое латинским словом «mansus».

Чтобы дать точный ответ на вопрос, каким образом общественные отношения латышей приняли указанную форму, рассмотрим те условия, при которых развивалась их хозяйственная жизнь.

Волость и деревня. Более древним видом общественной организации, предшествовавшим только что описанному, основанному на общем пользовании мирской собственностью и проявлявшемуся в мирских отношениях, была организация по кровному родству—племя и род. Древние латыши принесли с собой племенной быт, когда оседали на побережье Балтийского моря.

Пока скотоводство, рыболовство и охота составляли главные источники жизненных средств, а земледелие являлось лишь подсобным видом хозяйства, латыши жили прочными племенными и родовыми организациями. Современем, когда скотоводство, рыболовство и охота не могли пропитать всего населения, они принуждены были уделить больше внимания земледелию, чтобы покрывать недостаток в средствах питания. Совершенно так же, как члены одного рода до того сообща охотились, ловили рыбу и охраняли свои стада, совершенно так же они взялись, по заветам предков, общими усилиями обрабатывать свои поля. Но вследствие того, что земледельческая техника стояла очень низко, не требовала и даже не допускала общего, кооперативного труда, приходилось делить пашни на столько полос, сколько в роду было работоспособных членов.

Само собой понятно, что там, где земля поддавалась более легкой обработке, полосы отличались большей шириной, чем там, где ее обрабатывать было трудно: совершенно так же, как в наше время на участки делят дороги, при чем длина участков зависит от удобства исправления; потом уже участки по жребию делят между дворохозяевами.

Можно поэтому предполагать, что деление пашен на полосы началось еще тогда, когда наши предки только что приступали к земледелию; может быть, даже в то время, когда полукочевые племена не успели еще крепко осесть на занимаемые ими места.

Когда же земледелие стало важнейшим способом добытия средств к жизни, наши предки мало-по-малу были вынуждены отказаться от кочевого образа жизни и занять раз навсегда участки под пашню и места для постоянного жилья. Участок земли, занятый одним родом, и представлял то, что принято называть волостью.

Само собой понятно, что к такой волости относилась не только пахотная земля, но также леса, луга, пастбища и воды. Заняв свой участок (волость), род выбирал наиболее прикрытое от ветра и глаз противника место для деревни. По плану, установленному на общем собрании рода, строились дома, огораживались дворы и т. п. Все это предпринималось только с общего решения, по строго установленному плану, так как все дворы—жилые дома, хозяйственные строения, огороды и сады—не переходили в частную собственность, а оставались собственностью всего рода, и во владение ими члены рода вступали по очереди, сначала через год, а затем через 3, 6, 9 и т. д. лет.

Жилые дома с «огородом», однако, скоро перешли в частную собственность, так как становилось неудобным часто перебираться из дома в дом. Таким образом, двор в старом смысле (seta, ограда) превратился в дом (majа), в частную собственность, закрытую от чужих глаз.

Внимательный читатель мог заметить, что выше нами употреблялись в одинаковом смысле слова «деревня» и «волость», говорилось попеременно, без различия, то о членах волости, то о жителях деревни. Чтобы рассеять возможное недоразумение, я принужден объяснить, что первоначально смысл этих слов совпадал.

Каждый род, оседая на постоянное жительство, строился в одной общей деревне, если только это позволялось природными условиями. Таким образом границы деревни совпадали с границами волости или рода. Но там, где естественные препятствия (болота, горы, воды и т. д.) не позволяли всем членам рода устроиться в одном месте, построить одну деревню, там с самого начала члены рода делились на несколько групп. Такие группы занимали отдельные участки земли и строили деревни поблизости от остальных деревень рода. Таким образом появились деревни, в более узком значении слова. Жители каждой такой деревни (соседи) находились между собою в более близком родстве, чем с жителями других деревень данного рода, несмотря на то, что и те и другие принадлежали к одному роду и населяли одну и ту же волость.

Влияние первобытного земледелия на рост собственнических тенденций. Пахотная земля, луга, пастбища, леса, болота и воды оставались в общей собственности всего рода и в общем пользовании еще долго после того, как двор, т.-е. жилой дом с огородом и садом, уже давно перешел в частную собственность.

Выше уже было сказано, что средства земледельческого труда и методы землепользования данной эпохи благоприятствовали делению пашни на полосы или участки, в видах равномерного распределения труда. Отсюда оставался всего один шаг до передачи пахотной земли в частную собственность. С достаточным основанием можно было предположить, что каждый

домохозяин будет с большим усердием обрабатывать тот участок, который навсегда будет закреплен за ним.

Вследствие этого установился порядок не ссыпать собранный с полей хлеб в общие волостные амбары, а каждая семья оставляла у себя то, что она собирала со своего поля. Чтобы избежать обогащения или обеднения отдельных семейств из-за разного плодородия почвы, полосы или участки менялись по жребию или по определенному порядку между членами волости.

Спустя некоторое время прекратился и обмен участками и за каждым домом закреплялась одна полоса в каждом поле данной деревни, переходя, так сказать, в частную собственность. Все же надо признать, что права такой собственности не отличались полнотой прав частной собственности в нашем смысле слова: они ограничивались в каждом отдельном случае общим собранием волостей применительно к условиям хозяйства.

Таким образом, земледелие при тогдашней технике заставляло делить пашни на полосы, а также помогало перейти пашням в частную собственность. В эту сторону клонилось общественное развитие под влиянием условий земледелия.

Но на-ряду с земледелием существовало скотоводство, как один из важнейших источников пропитания. А скотоводство, если стада большую часть года пасутся под открытым небом, не терпит частной собственности и деления земли на участки. Поэтому пастбища оставались в общей собственности волостей до самых последних времен. Даже пахотная земля, под влиянием скотоводства, оставалась в частной собственности лишь до тех пор, пока она находилась под хлебом. Но как только хлеб собирался, или поле оставлялось под паром, каждый член волости мог пасти свой скот на всех полях своих соседей. То же было и с лугами.

При таких порядках все члены волости, безусловно, должны были хозяйничать по одному плану: надо было засеять поля в одно и то же время и одним и тем же хлебом, чтобы время сбора совпадало для всех соседей.

Пахотная земля обрабатывалась по трехпольной системе; из трех полей одно пустовало и употреблялось всей деревней под пастбище (находилось под паром), второе засевалось озимым, а третье яровым хлебом. Расстроить этот порядок не было в силах отдельного домохозяина. Если бы кому-либо из них пришло в голову засеять свой участок в том поле, которое всей деревней было отведено под пастбище, то это привело бы к тому, что его полоса была бы истоптана скотом. Совершенно так же яровой хлеб, посеянный на том поле, где вся деревня посеяла озимые хлеба, не мог бы поспеть к определенному сроку, когда поле отходило под пастбище.

Таким образом, условия и жизнь отдельного хозяйства всецело зависели от общих решений волости. Хозяйственная (а вместе с тем и общественная) жизнь отличалась консерватизмом, сковывая волю отдельных лиц. Зато, однако, этот порядок, в рамках общепринятых норм, обеспечивал спокойствие и жизнь отдельному члену волости.

Каждая волость со своим лесом, своими лугами, пастбищами и пахотной землей, разделенной по трехпольной системе, представляла собой совершенно самостоятельную, независящую от внешнего мира, хозяйственную единицу; она сама производила все необходимое для жизни.

Кроме того, пользование общими лесами, пастбищами и лугами порождало чувство солидарности, которое обеспечивало всех членов волости от эксплуатации. Только впоследствии, когда развитие городов с их торговлей, ремеслами и денежным хозяйством мало-по-малу разрушило старые основы производства и, вместе с тем, натуральное хозяйство,—только тогда был открыт простор для порабощения человека человеком.

Там, где все члены рода (вся волость) жили в одной деревне, деление пахотной земли на узкие полосы, разбросанные по многим полям, современем оказалось очень неэкономной формой хозяйства. Вследствие этого, как только пахотная земля перешла в частную собственность (а, может быть, даже раньше), отдельные жители деревень, с разрешения общего собрания волости, уходили из своих деревень, отказывались от своих полос и получали для себя обособленный участок в новом месте, где и строили новые дома. Пастбища и леса, а отчасти и луга оставались в нераздельном общем пользовании. Поэтому даже до самого последнего времени нередко наблюдаются общие для целых деревень пастбища.

Случалось также, что старые деревни совершенно расплылись, дробясь на мелкие деревушки и даже хутора. Но пока оставалось натуральное хозяйство и старинное трехполье, до тех пор общая земля продолжала играть большую роль в хозяйстве волости; она оставалась прочной основой, на которой держались соответствующие общественные отношения; была связующей силой, объединявшей всех соседей (членов одной волости).

Пожалуй, больше перемен, чем от распределения пахотной земли, происходило вследствие раздела хозяйств.

В самую раннюю пору земледелия, когда, по причине малопродуктивности земледельческого труда, отдельный двор со своей семьей не мог пропитать больше одного семейства (на что только, конечно, он и был рассчитан),—дом переходил по наследству целиком одному члену семьи. По сведениям Эйнгорна и Гиэрна дом с землей наследовал младший сын¹⁸). Остальные члены семьи оставляли родной дом и искали себе пропитания

на чужбине, по преимуществу, в морском грабеже и в военном ремесле.

Деление недвижимого наследства началось позже*). Тогда уже отдельный житель деревни мог свободно продать свою землю, подарить, разделить между детьми и т. д.

Принимая во внимание тогдашние условия, становится само собой понятным, что землю можно было делить только на равные части: пополам, на четыре части и т. д. Определенной нормы (например, минимума) не было. Хотя все первоначальные участки одной деревни, по большей части, были равны между собой, однако, участки разных деревень ни в какой степени не поддавались (по величине) сравнению. Так как величина целого участка не была постоянной, то также нельзя было считать постоянной половину или четвертую часть такого участка. Делению подвергались все участки данного двора, луговые так же, как и пахотные.

Вследствие такого деления участки земли все больше и больше мельчали; современным были установлены нормы, которые регулировали как величину всей площади земли, относящейся к отдельному двору, так и ширину полос в отдельных полях; отсюда уже оставался всего шаг до того, чтобы без деления всех полос пополам на четыре части и т. д. отводить соответствующую площадь земли в одном месте.

При новом способе деления потребовалось некоторое искусство в оценке земли и ее измерении; кроме того, нужны были определенные межи, которыми разграничивались бы участки отдельных дворов.

Вскоре отдельные хозяйства, а иногда волости и деревни в целом, перешли к тому, чтобы отрезать от своей земли участки, без всякого отношения к величине общего своего надела. Участки, которые таким образом были отрезаны от общей земли, так сказать выделены из нее и переданы посторонним лицам, назывались «отрезками» (*novads*). В энциклопедическом словаре Ульмана¹⁹⁾ слово «*novads*» толкуется как «населенный участок земли, относящийся к тому или другому имени».

Каждый житель волости имел право отрезать от своей земли такой участок; по своей воле мог его продать, подарить церкви за попечение о душе, отдать судье в виде штрафа за совершенное преступление и т. д. Однако, рыцарские законы в той своей части, где трактуется вопрос о мирских отношениях (§§ 89 и 90), говорят, что в случае, если член волости про-

---

*) Некоторые исследователи полагают, что это происходило под влиянием духовенства, в чьих интересах было прикреплять также воинственную и беспокойную часть населения к земле. Однако, этого влияния не следует переоценивать: если духовенство даже, действительно, советовало делить земли, то его советам все же могли следовать только потому, что улучшенное земледелие предоставляло пропитание большему числу людей, чем это было до сих пор.

дает участок земли лицу, не принадлежащему к волостному обществу, то волость, а также отдельные члены волости (Markengenossen) имеют право купить такой участок, пользуясь при этом некоторыми преимуществами.

Параграф 95 тех же «Средне-Лифляндских рыцарских законов» запрещает продавать или закладывать участки, находящиеся на территории волости, без ведома и разрешения общего собрания волости. Таким образом, латышское «novads» может быть полностью приравнено к тем участкам земли, на которых Олусен и другие исследователи останавливались, разбирая вопросы развития датского, германского и скандинавского волостных обществ и марок под названием Stuf, Saerkjob, sunderlick Kjob, Kirkestufe и т. д.²⁰).

При выделении такого участка не требовалось, чтобы он обязательно составлял половину, четверть, восьмую или шестнадцатую часть целого участка, от которого он отделен. Поэтому даже тогда, когда вся земля волости или деревни подвергалась новым измерениям и дележам, никогда не менялись те границы и межи, которыми он определялся. Если можно было точно установить, от какого двора данный участок отрезан, то при новых дележах соответствующему двору не добавалось земли именно на площадь отрезка. Если же этого точно нельзя было определить (вследствие давности лет и смены нескольких поколений), то соответствующему сокращению подвергался весь участок деревни, и земля делилась на равные участки между всеми дворами.

В принципе такой участок не был свободен от волостных податей, оброков и служб (например, при исправлении дорог, заборов и т. д.), но волость требовала этих податей и работ не от собственника отрезанного участка, а от хозяина того двора, от которого участок отделен.

Современем жители деревень все чаще и чаще отделяли от своих хозяйств новые участки; дарили их церкви за заботы о душе, судьям, избегая наказания, и т. д. Современем выделенные участки, которые вначале составляли ничтожную часть волостной земли, поглотили волость почти целиком. Между тем, на волостные земли, которые все уменьшались, ложилась вся тяжесть оброков, податей и служб. Как это произошло и почему это должно было произойти, мы увидим ниже, в главе о развитии крепостного права.

Имена и помещики. Помимо жителей деревень и отрезков, мы уже в глубокой древности находим и третий вид собственников земли; они современем присвоили в хозяйственной и политической жизни большое значение и вес: это — помещики.

При переходе к оседлому образу жизни наши предки не занимали всей земли сплошь: границы волостей не совпадали, не касались друг друга. Между волостями оставались обшир-

ные участки земли, которые не принадлежали ни одной волости (роду) и, в крайнем случае, могли считаться собственностью целого племени.

Современем отдельные предприимчивые люди, которым по той или иной причине нельзя было жить в деревне или волости и пользоваться на их территории участком земли, основывали свои хозяйства на таких, ни одной волости не принадлежащих, участках. Само собой понятно, что устройство таких хозяйств было сопряжено с большим риском. Ограбить такое отдельное хозяйство было очень легко; да и вообще жить отдельно от волостей было не особенно привлекательно. Все же многие рисковали, что объяснялось тем, что неудобство таких изолированных хозяйств современем стало искупаться тем, что в таких хозяйствах можно было жить самостоятельно и хозяйничать, как хотелось. Конечно, выбиралось место для такого хозяйства поблизости, насколько это было возможно, от деревни или волости.

Хозяйства, основанные на территории, не принадлежащей ни одной волости, назывались имениями и те, кто их обрабатывали, помещиками (*muizcha, muizchnieks*).

Случалось довольно часто, что помещик заручался обещанием жителей ближайших деревень, что те, в случае надобности, окажут ему помощь. Повидимому, и деревни пользовались кое-какими правами по отношению к ближайшим имениям: так цитированные уже «Средне-Лифляндские рыцарские законы» (§ 91) говорят, что в случае если имения, т.-е. не относящиеся к волостям участки земли, вследствие задолженности или дарения переходят в собственность чужих (по отношению к волости) людей, то жители ближайшей деревни имеют право откупить такое имение.

Как только то или другое племя (принужденное ли насильно, уговоренное ли обманным способом, или по собственному расчету и свободному решению, — что совершенно безразлично), — подчинялось какому-нибудь епископу или рыцарскому ордену, участки территории такого племени, не принадлежавшие ни одной волости, переходили в собственность этих светских или духовных правителей, и ими, обыкновенно, оделялись их слуги и воины. Таким образом, слуги епископов и рыцари превращались в помещиков, т.-е. в собственников участков земли, не принадлежавших к волостям.

Само собой понятно, что собственники этих участков были свободны от всех податей и оброков, лежавших на деревнях и волостях. А так как, во-первых, территория волостей вследствие выделяемых участков сокращалась, а оброки и общественные службы сравнительно увеличивались, и, во-вторых, жизнь вне волости уже не подвергалась особым опасностям, — многие жители деревень и волостей были согласны платить помещикам

определенный оброк, если те разрешат селиться на территории имения.

Таков, по беглому обзору, был хозяйственный и общественный строй латышей встарину, незадолго до прихода немцев. Внимательный читатель уже находит в этом строе зародыши нового, измененного строя; ему оставалось лишь вырасти и расцвести. Из этих зародышей, более или менее быстрым темпом, должен был развиваться феодализм и крепостные порядки. И они развились бы также в том случае, если бы на побережье Балтийского моря не появились ни рыцари, ни священники немецкого происхождения.

ГЛАВА III.

Развитие классов.

Теория насилия в применении к истории Латвии.

Описанный выше хозяйственный и общественный строй существовал в Латвии, как и в Европе вообще, сотни лет и может быть назван консервативным в лучшем значении этого слова. Он имел место как там, где жители сохраняли всю полноту своей свободы, так и там, где деревни основывались на землях, принадлежавших помещикам, и там, где жители добровольно отдавались под охрану какого-либо суверена, или принуждались к тому при помощи насилия или обмана. И пока этот строй хозяйства и общества оставался в силе, до тех пор пришедшие немцы — рыцари и священники — имели крайне ничтожное влияние на обычаи и быт местных жителей.

Жизнь наших предков и их обычаи, так же как их хозяйство и право, изменились не под влиянием меча рыцарей и креста священников, а под влиянием капитала торговцев, который, как ниже увидим, проникал в жизнь как тех, кто жили отдельными хозяйствами и самостоятельно, так и тех, кто жили водными обществами; именно влияние торгового капитала разрушило старый общественный строй.

Трудно придумать более наивный и ненаучный взгляд, чем тот, который (отчасти из-за отсутствия научного мирозерцания, отчасти по причине расовой гордости) распространяется буржуазными немецкими писателями и отчасти пережевывается самими латышами. Кто не слышал рассказней о том, как немецкие рыцари — носители культуры или грабители (по-разному их называют) — напали на свободных и счастливых латышей, одних убили, а других превратили в рабов.

Также многие французские писатели XVIII столетия искали причин происхождения крепостного права в насилии победителей. Нечего поэтому удивляться, что Гарлиб-Меркель и другие друзья прибалтийского крестьянства придерживались того же мнения. Однако, то, что признавалось и утверждалось в XVIII веке, не может быть признано научно образованными исследователями и писателями в конце XIX и, особенно, в начале

XX века, тем более, что уже в первой половине XIX столетия все серьезные ученые пришли к заключению об ошибочности такого взгляда.

Немецкими и в особенности французскими учеными теперь уже доказано ²¹⁾, что все германские народы (за исключением африканских вандалов), завоеывая новые территории, придерживались старинных германских обычаев и присваивали себе не больше двух третей завоеванных земель (например, бургундцы), а третью часть оставляли в собственности побежденных. Еще чаще (герулы и остготы) они довольствуются одной третью завоеванной земли. О самом замечательном германском племени—франках—точно доказано, что они не отнимали у побежденных народов ни клочка земли, а присваивали себе только земли побежденных князей и правителей (общественные). Так они поступали, во-первых, потому, что присвоения общественных земель, находившихся в пользовании правителей, уже хватало, чтобы одарить своих начальников и их слуг; во-вторых, еще и потому, что победители по числу составляли не больше десятой части побежденных и могли сохранить свое господство лишь в том случае, если держались вместе, не рассыпаясь по всей побежденной стране.

Таким же совершенно ложным и необоснованным, как басню о присваивании германцами завоеванных земель в свою собственность, Зугенгейм ²²⁾ считает утверждение, будто бы основатели германских государств превращали всех побежденных в своих рабов. Правда, Зугенгейм допускает, что те из побежденных, кто были взяты с оружием в руках, и те, кто затем восставали против победителей, рассматривались, как пленные и по древнегерманскому обычаю превращались в рабов. Но они составляли небольшую часть побежденных. Преобладающая же часть побежденного народа сохраняла права свободных людей и мало-по-малу примирялась с новыми порядками.

Важнейшей причиной, которая заставляла победителей дожить расположением побежденных, была, как уже выше сказано, ничтожность числа победителей по сравнению с числом побежденных. Второй причиной были постоянные ссоры между победителями, вследствие чего они должны были заботиться, чтобы местные жители не примкнули к их противникам (что могло случиться, если бы последние оказались лучшими правителями). Третьей причиной было то, что победители должны были приспособливаться к навыкам местных жителей и их хозяйственным отношениям, так как хотя они хорошо умели обращаться с мечом, они плохо пользовались сохой и, если отличались геройством в борьбе, то мало понимали в деле добычания средств к жизни и производства ценностей.

Эти условия оставались в силе также в более поздние времена, притом не в одной только Латвии. Даже в более позднем средневековьи, во время крестовых походов, мы видим

что французские, итальянские и немецкие рыцари придерживались совершенно такой же тактики в побежденных странах, в Палестине и Византии. Например, в начале XII века (как раз в это время на Прибалтийском побережье появились немцы) французские рыцари основали государство на классической почве Мореи и поступали там совершенно так же, как поступали их предки 700 лет тому назад при покорении ими Галлии.

Для доказательства приводим договор, заключенный французами в 1206 году с мораитами: «Участки казенной земли, в первую очередь, переходят французам; затем, чтобы создать в руках местных жителей больше пространства земли, а именно, чтобы обеспечить подчинение страны, делается исключение по отношению к некоторым казенным имениям, которые отдаются в собственность грекам (местным жителям. *Фр. Р.-А.*), чтобы сохранить их имущественное превосходство (чтобы создать господствующий класс из местных жителей. *Фр. Р.-А.*)»... Затем постановляют что собственник - француз получает те же оброки и подати, какие до сих пор получал константинопольский император. При этих условиях местное население (мораиты) сохраняли свою собственность и все права по своему положению²³).

Следовательно, никогда и нигде в Европе не было случая, чтобы рабство началось только потому, что банда насильников победила другой народ, превратила свободных людей в рабов, и сделалась их господами. С этим были согласны европейские ученые еще в прошлом столетии, и как раз это обстоятельство заставляет нас исследовать исторические факты и взвесить их, чтобы установить, действительно ли на побережье Балтийского моря история шла совершенно иным путем; если же здесь, действительно, имело место исключение из общего правила, то нам необходимо было бы найти причины, почему это могло случиться.

Если бы кому-либо из исследователей, так много писавших и говоривших о превращении свободных латышей в немецких рабов, пришлось бы на ум порыться в исторических документах Латвии, то он нашел бы, что:

1) крепостное право не началось сейчас же по приходе в Прибалтику немцев;

2) совершенно неверно мнение, будто пришедшие немцы все сделали помещиками и господами, а все латыши превратились в крепостных,

3) крепостное право развилось нормально и естественно из местных условий хозяйственной жизни и

4) при развитии крепостного права очень много местных жителей сделали помещиками так же, как много немцев превратились в крепостных.

Это в дальнейшем мы докажем, пользуясь документами и точными фактами.

Но прежде чем перейти к фактам, рассмотрим те хозяйственные причины, которые естественным путем приводили

к крепостным порядкам любой народ при достижении последним известного хозяйственного уровня.

Ознакомившись с этими причинами и поняв их, мы сумеем больше ценить также те причины, которые на более высокой ступени развития, совершенно таким же естественным путем, неизбежно привели к падению крепостного права. Пустыми баснями мы должны назвать все рассказы об «учреждении» крепостного права жестокими, кровожадными рыцарями и грабителями так же, как объяснение падения крепостного права попечительством добродушных и хороших правителей. Наука как первому, так и второму факту должна давать точные и понятные разъяснения, оперируя с естественным ходом хозяйственного развития и порожденными им материальными требованиями.

Строй жизни, описанный в предьидущей главе, совершенно не требует деления жителей волости на разные классы с разными правами. Наоборот, нетрудно заметить, что принцип демократизма, равенства всех членов волости, составлял основной пункт волостной конституции. Поэтому также высшая власть в волости (как и в племени, состоявшем из нескольких волостей) не находилась в руках отдельного лица. О каком-либо привилегированном классе, получающем в силу происхождения свои преимущества, не может быть и речи ²⁴). На латышском языке даже нет слов для таких понятий, как «король, князь, аристократ». Для подобных понятий только сравнительно в недавнее время латышским языком переняты слова из других языков — уже после того, как определяемые этими словами лица потеряли свое хозяйственное значение и превратились в ненужные отбросы общества.

До самого прихода немцев, а также долго еще после их прихода органом высшей государственной власти у латышей были общие собрания, в которых принимали участие все взрослые мужчины. Собрания происходили во всех волостях; на них обсуждались дела волости, принимались решения по всем вопросам; однако, помимо волостных собраний, все взрослые мужчины собирались на общие собрания племени. На собраниях племени обсуждались дела всего племени, выбирались должностные лица, разбирались преступления, совершенные на территории племени, а также решалось, как относиться к соседним племенам. Летописец Генрих Латышский называет такие собрания «домами» (шаја) и упоминает о них в нескольких местах своей летописи ²⁵).

Общественные отношения в то время менялись очень медленно, так как развитие средств производства в консервативном волостном обществе было чрезвычайно медленное и не могло идти резкими скачками. Поэтому и все вопросы, которые ежегодно разбирались на собраниях, отличались полным однообразием. При разборе дел важную роль играли старики, которые

помнили, как подобные вопросы разбирались встарину. Если приходилось разбирать совершенно новые, до тех пор неизвестные вопросы, то — рассказывает летописец Генрих — бросались кости, или вопрос решался особым способом (например, гадая на ногу коня, которого заставляли переступить через меч), предполагая, что таким образом боги разрешают по своему желанию данный вопрос.

Такие обычаи описывают Цезарь и Тацит у германцев; такое же точно описание дает Генрих Латышский обычаям прибалтийских племен; в некоторых местах даже теми же словами. Например, Генрих говорит: латыши на собраниях (домах) выражали свое согласие «gladiorum calcatione paganorum more confirmarunt» (ударяя мечами о каблуки). Тацит говорит о германцах: «Sin placuit frameas, concutiunt» (если нравилось, бряцали мечами). Весь рассказ Генриха до того похож на описание Тацита, что некоторые исследователи, например, Бунге («История права», стр. 65), полагают, что, по всей вероятности, вместо малоупотребительного и малопонятного слова «calcatione», употребляемого Генрихом, должно было бы стоять слово «conpussione», употребляемое Тацитом.

Как бы то ни было, остается неоспоримым фактом, что во время Генриха форма правления у прибалтийских племен отличалась демократизмом. Собираться на народные собрания и участвовать в их решениях было правом каждого взрослого мужчины, хотя, конечно, голос стариков и их советы имели больше весу, чем голос молодых воинов.

Первое нарушение общественного равенства: отстранение женщины от общественной жизни и появление рабства.

Если мы рассмотрим еще более раннюю ступень развития человеческих обществ, а именно ту, на которой, например, находится большинство американских индейцев, то найдем, что у европейских народов на этой ступени развития общественный строй отличался еще большим демократизмом, так как там принимали участие в народных собраниях и женщины. Следовательно, как у германцев, описываемых Цезарем и Тацитом, так и у латышей задолго до прихода немцев — уже появилось некоторое общественное неравенство: женщины уже были лишены права участия в высших общественных учреждениях — в волостных и племенных собраниях.

Больше того, даже не все мужчины обладали этим правом. Военнопленные из соседних племен считались рабами. Наиболее были известны, как рабовладельцы, морские разбойники: куры, самы и эсты²⁶). Более или менее точных и ясных сведений о положении рабов у нас нет. Известно только, что взятых в плен мужчин по большей части продавали в рабство, а захваченных на войне женщин и девушек оставляли наложницами. Известно также, что иногда рабов приносили в жертву богам²⁷).

Само собой понятно, что такие рабы были лишены права голоса и права участия в волостных собраниях.

Желая изучить причины происхождения классов, мы прежде всего должны спросить, какими хозяйственными условиями создавалось неравенство в описываемом обществе. Какие причины побудили исключить женщину из числа полноправных членов волостей? На это обыкновенно отвечают, что мужчины, как физически более сильные, отстраняли женщин.

Целый ряд буржуазных исследователей именно таким образом, при помощи насилия, старается объяснить всякое порабощение и классовую дифференциацию, при чем многим такое объяснение очень нравится, так как подтверждает существование классовых различий, как и порабощения вообще, на вечные времена (так как между разными людьми всегда есть и будет некоторое различие, как в психическом, так и в физическом отношениях). Если, следовательно,—рассуждают буржуазные историки и экономисты,—в этом естественном различии скрыта причина всякого порабощения, то также его следствие (порабощение и эксплуатация) надо считать естественным и вечным.

Однако, такая теория ничего не объясняет. Ведь если бы классовые различия имели корни в человеческой природе, то они должны бы были обнаружиться с самого начала человеческого развития, с тех пор как только появился на свет человеческий род. Однако, этого не было.

Нам известно, во-первых, что только мало-по-малу первобытное равенство сменилось классовыми различиями и, во-вторых, что каждый шаг расчленения общества соответствует определенному культурному уровню.

Разница между сильным и слабым, умным и глупцом не может объяснить, почему у всех племен и народов именно на определенном культурном уровне и притом определенный класс более «сильных» и «умных» почувствовал вдруг необходимость поработить более «слабую» и «менее развитую» часть народа, и почему это желание удавалось провести в жизнь только при наличии определенной техники производства, на определенном уровне развития.

Дело в том, что эти явления могут быть объяснены не с точки зрения «различий человеческой природы», но только— с точки зрения различия ступеней культуры. Не теория насилия, а хозяйственное и культурное различие между разными ступенями общественного развития дает нам в руки ключ к пониманию происхождения классовой дифференциации, которая появляется при достижении народом или племенем определенного уровня развития ²⁸).

Особенности всякого культурного уровня надо искать, как и его причины, в хозяйстве и производственных отношениях. Ими определяются функции (род деятельности) разных общественных классов; и хозяйственные функции каждого класса

определяют ту роль, которая вообще принадлежит данному классу в обществе.

Первое деление труда, которое мы встречаем в истории, это—деление труда между мужчиной и женщиной. По достижении более высокого уровня развития дикими человеческими обществами, когда появляются зачатки домашнего хозяйства, вся домашняя работа переходит к женщине. Работы вне дома (охота, рыболовство, разбой и т. д.) превращаются в мужскую монополию.

В течение всей эпохи варварства технический прогресс (развитие производительности человеческого труда) наблюдался преимущественно в области домашних работ, которыми ведала женщина. Благодаря этому, круг женской работы все больше и больше расширялся. Женщина занималась также скотоводством и частично земледелием, пока последнее было мало развито. Помимо этого, к женским работам относились: ткацкое искусство, вязанье, изготовление глиняной посуды и т. п. ремесла. Известны народы, у которых даже такие тяжелые работы, как постройка домов, ложились на женщину.

Между тем, мужские обязанности в эпоху варварства почти не увеличивались. Мужчина оставался тем же, чем он был в эпоху дикарства,—воином и охотником.

Развитие скотоводства*) вынудило и мужчин уделить ему больше внимания. Однако в этой работе участвовали по преимуществу старики и подростки, которые не могли носить оружия и заниматься настоящей мужской работой.

На этом уровне женщина, по сравнению с мужчиной, является каким-то вьючным животным. Она так обременена разными работами и заботами, что ей некогда участвовать в общественной жизни; ей нельзя на более или менее долгий срок оставить дом: там ее присутствие необходимо ежедневно и ежечасно.

По этой именно (хозяйственной) причине в эпоху варварства мало-по-малу женщина отстранялась от хозяйственной жизни. Она сначала при решении общественных вопросов подает свой голос через мужчин, а затем вообще перестает его подавать.

Совершенно иначе обстоит дело с мужчиной. Он не необходим дома; он может целыми днями, даже неделями, оставаться вне дома: от его отсутствия хозяйство несколько не страдает. Поэтому мужчина на указанном культурном уровне может так же активно участвовать в общественной деятельности, как и на ступени дикарства. Больше того: на уровне варварства у мужчин было даже больше времени для участия

---

*) Летописцы сообщают, что рыцари в один только раз отняли у прибалтийских жителей около 4.000 голов крупного скота и 1.000 лошадей. Это свидетельствует о широком развитии скотоводства.

в общественной жизни, чем в предыдущую эпоху, так как женский труд, поддерживаемый трудом рабов, доставлял все необходимое для жизни.

В это время мы повсюду встречаем мужчину, активно участвующего во всех собраниях племени, нередко длящихся неделями; мужчина свободно может участвовать в обсуждении всевозможных вопросов, а также в веселых пирушках, сменяющих эти собрания.

Достигнув указанного уровня, развитие не прекращается: оно идет дальше, переходя к следующему культурному уровню, который принято обозначать словом «цивилизация». Важнейшими стимулами к этому развитию были успехи в земледелии.

Если мы спросим, какими причинами **Роль личности в истории. Видвуд.** принуждались варварские племена обратить больше внимания на земледелие, то вновь натолкнемся на всевозможные басни; они имеют поэтическую окраску и отличаются большой распространенностью, но их надлежит рассеять так же, как и много других распространенных предрассудков.

В XVIII, а отчасти еще и в XIX столетии, писатели и историки не могли (и даже не пытались) объяснить то или иное историческое явление или переворот иначе, как появлением гениальных личностей и просветителей.

Переход от скотоводства варварских племен и пастушечьего, кочевого строя, где земледелие являлось лишь подсобным, по отношению к скотоводству, видом хозяйства, — к уровню «цивилизации», где земледелие занимает важнейшее место в деле производства средств питания, а скотоводство и еще больше охота и рыболовство остаются побочными видами хозяйства, — названные ученые старались объяснить также деятельностью гениальных законодателей и народных вождей.

Для латышей такой гениальной личностью считают Видвуда, божественного законодателя.

На основании некоторых сказаний (рассказа об аварском хане и греческом императоре Маврикии) Меркель предполагает, что названный Видвуд жил в VI веке нашей эры. Он-то как раз и уговорил племена кочующих пастухов и охотников осесть на постоянные места, научил их обрабатывать землю и культивировать хлеб, отвел главе каждой семьи свое поле, назначил судей, которые должны были судить тех, кто присваивает себе чужую собственность, запретил предаваться разврату с женщиной, установил единобрачие и т. д. ²⁹⁾

Надо признать, что такой рассказ отличается некоторой поэтичностью, совершенно так же, как сказания о римском законодателе Нуме, спартанском Ликурге и афинском Солоне. Но объяснить такой рассказ ничего не может, так как мы все равно не можем не задать вопроса, почему же у всех народов такие гениальные законодатели появлялись только на определенной

ступени культурного развития? Почему народы слушались их гениальных советов и не забросали камнями пропагандистов новых идей «как развратителей народа», восстающих против существующего строя с его законностью, обычаями, нравами и религией?

Научное объяснение исторических фактов должно дать ясные ответы на все эти вопросы, и это старается сделать марксизм. Научное объяснение исторических перемен заключается в следующем: всякий производственный строй или способ приобретения средств к жизни может пропитать на определенном участке земли известное, в каждом данном случае, количество людей. Если густота населения достигла данного уровня, то появляется недостаток в средствах питания. Последнее заставляет жителей отчасти переходить на новые места или, если свободных земельных участков поблизости нет, попытаться извлечь из того же участка земли большее количество средств питания, т.-е. перейти к новой системе производства.

Здесь, конечно, может случиться, что тот или иной отдельный человек лучше понимает происходящее и яснее видит будущие перспективы, чем остальное население. Такие лица, выражая свое мнение и сознание, встречают сочувствие окружающих, видящих в предложениях и идеях таких передовых людей спасение от тяжелых невзгод.

Из сказанного читатель сам может заключить, что крупные общественные перемены, переход от одной культурной ступени к другой, более высокой, — всегда сопряжены с известной ломкой. Происходит нечто такое, что может быть названо рождением нового общества из недр старого. При таком рождении нового общественного строя как гениальные законодатели и вожди, так и чужие покорители и поработители играют в лучшем случае лишь роль повивальной бабки и могут лишь облегчить или затруднить рождение новых форм общества.

После сказанного понятно, что личность Видвуда мало может интересовать исследователей, подходящих к своим изысканиям с научной целью и научными методами, так же, как их мало интересуют личности Моисея, Христа, Ликурга, Солона, Нумы и других, более или менее, сказочных полубогов. Мы не спрашиваем, жили ли в действительности эти лица, что и как они говорили и чему учили, но мы изучаем явления общественной жизни и ее перемены, следуя по пути технической и хозяйственной эволюции.

Развитие класса воинов; его экономические причины. Когда скотоводство, охота и рыболовство не могли уже пропитать население Прибалтийского побережья, местные племена начали переходить к земледелию, которое до этого было не чем иным, как подсобным к скотоводству видом хозяйства. Мало-по-малу земледельческая работа приобрела важное значение и сделалась главным источником пропитания. Но, чем больше

земледелие приобретало веса и значения, тем труднее было женщинам одним справляться с этой работой.

Сначала помогали рабы, подростки и старики. Но со временем этого стало не хватать, и взрослые, сильные мужчины также должны были принять участие в домашних работах.

Из охотника и воина таким образом развивается земледелец. Мужчина этим привязывается к дому так же, как это уже раньше случилось с женщиной. И так как более высокая степень земледелия не позволяет вести кочевой образ жизни, то место жительства связывается с пахотной землей. Вместе с этим и люди прикрепляются к земле.

Эта перемена в хозяйстве или производстве средств существования изменяет также лицо всего общества и его политический строй.

На прежних ступенях развития война играла важную роль среди способов приобретения средств существования; она была по преимуществу борьбой за средства производства — за пространства для охоты и скотоводства. Приходилось либо защищать свои пространства, либо отнимать их у других. Там, где племена варваров жили рядом с цивилизованными народами, к войнам за сохранение границ прибавлялись еще войны ради грабежа. Такие войны были предприятием, при помощи которого воинственные варвары легко получали добычу.

Известно, например, о курах и эстах, что они, в качестве опасных морских разбойников, угрожали спокойствию всего побережья Балтийского моря. Понятно, что также с другими соседями велись постоянные войны³⁰⁾.

Летописец Генрих Латышский рассказывает, например, о ливском *) князе Русине, который будто бы клялся в вечной ненависти к эстам; о латышах же он говорит, что они подвергались нападениям всех своих соседей, а от литовцев не могли спастись даже в дремучих лесах. Да, военное ремесло в то время было самым верным видом приобретения средств питания. При этом нельзя забывать, что на войне во время варварства употреблялось то же оружие, которое употреблялось на охоте, этом важнейшем виде тогдашних занятий. Кроме того, как выше было сказано, на этом уровне культуры времени для войн также было достаточно.

Положение изменилось, когда кочевые или полукочевые племена охотников и пастухов превратились в оседлых земледельцев. Земледелец на войне мало что может приобрести, так как, чтобы занять завоеванную страну, он должен оставить свои с большим трудом раскорчеванные поля и новы.

Грабежи и пиратство также не сулят ему богатств: соседние племена находятся либо на том же уровне развития, либо

---

*) Ливы—племя, населявшее побережье Балтийского моря от эстонской границы до Западной Двины включительно.

на еще более низком. Следовательно, у них нечего взять. Таким образом, во-первых, исчезают преимущества, которые раньше давала война, а, во-вторых, военные тяготы ложатся все большим бременем на плечи общества. Орудия, употребляемые в земледелии, не могут годиться на войне. Вместе с развитием земледельческой техники, военной технике также предъявляются более высокие требования. Чтобы воевать, необходима дорогая броня и дорого стоящее оружие, которые притом совершенно не годятся для обычных занятий земледельца. Этими причинами обыкновенно удерживаются земледельческие племена от войны.

Суть всего, однако, в том, что земледелец привязан к своему хозяйству. Есть времена года, когда он совершенно не может оставить своего дома, если не хочет подвергаться большим убыткам. К тому же сколько-нибудь длительная война угрожает жизни как его самого, так и его семейства.

Таким образом, бывшее право, на которое раньше указывали с гордостью,—право всякого взрослого мужчины носить оружие и воевать — превращается в тяжелую обязанность, источник разорения и голода.

Но избежать войны земледелец не может. Некоторый его достаток соблазняет соседние варварские племена на войну и грабежи. Таким образом, земледелец зачастую принуждается оставлять свои поля, чтобы охранять эти же поля от неприятеля.

Что делать? Чтобы не терять всего, он принужден жертвовать частью.

На этой ступени развития человеческий труд уже настолько производителен, что он дает больше, чем насущно необходимо для самого работника и его семьи. Некоторый достаток дает земледельцу возможность нанимать себе защитника. Земледельцы снабжают определенный класс людей всеми средствами питания, обрабатывают их поля, строят и содержат в порядке их дома и т. д. и дают таким образом этому классу возможность заниматься военным ремеслом, не опасаясь хозяйственного разорения — совершенно так же, как в эпоху варварства женский труд давал возможность мужчине заниматься охотой и войной. Этот класс освобождает земледельца от военных обязанностей и берет на себя долг охранять страну.

Вот в этом — хозяйственная причина существования класса воинов.

Кадры его формируются в зависимости от исторических условий, при которых развивался этот класс (рыцарство). Иногда рыцарство развивается из волостных старшин с их слугами и сторонниками; иногда военные обязанности, а вместе с тем, понятно, также соответствующие преимущества, берет на себя варварское племя, раньше ворвавшееся в страну; иногда просто-напросто набираются солдаты по найму и т. д. Однако, каким бы разнообразием ни отличался военный класс, он появляется

езде, где земледелие становится главным источником средств существования — за исключением, конечно, тех местностей, которые совершенно изолированы друг от друга в силу природных условий.

Класс воинственных рыцарей на этом уровне хозяйственного развития является экономической необходимостью.

То обстоятельство, что довольно часто учреждение военного класса сопряжено с кровопролитием и насилиями, однако, нисколько не противоречит нашему положению в общем. Насилие — лишь повивальная бабка для нового общества, но оно ни в коем случае не может быть названо его матерью.

То же самое, что произошло в распределении военных обязанностей, происходило в деле внутреннего управления, законодательства и суда.

Общество становилось все сложнее и сложнее; усиливалось разделение труда; началась дифференциация общества по классам и должностям; частная собственность развивалась и приобретала все большее значение; в обществе создавались противоречия; управление волостями и племенами, законодательство и судебное дело с каждым днем разнообразились и становились труднее.

Народные собрания, которые время от времени собирались для улаживания всех споров (при чем, как мы видели выше, по большей части, придерживались старинных обычаев), не могли удовлетворять новым требованиям и в то время как функции общих собраний делались все шире и сложнее, — все большая часть населения теряла охоту и возможность участвовать на этих собраниях с должною активностью.

Поэтому, как и военную повинность, земледельцы старались свалить на других также нелегкие политические обязанности и судопроизводство: лишь бы кто-нибудь взялся, хотя и за известную плату, их исполнять.

В такой последовательности почти везде в начале эпохи цивилизации приходил конец народным свободам.

Не обман священников и не рыцарская жажда власти уничтожили эту свободу, а развитие форм производства, т. е. способов приобретения средств к жизни.

К тому времени, когда немцы пришли в соприкосновение с племенами Прибалтийского побережья, последние уже достигли того культурного уровня, который нами описывался выше. Земледелие, достигшее достаточного развития, совершенно вытеснило кочевой быт. Все прибалтийские народы вели уже вполне оседлый образ жизни и добывали важнейшие средства питания путем земледелия; скотоводство сохранило еще довольно важную роль³¹⁾.

Общественный строй у латышей ко времени прихода немцев. Класс вельмож и воинов.

Перейти к новым формам хозяйства принуждал наших предков именно недостаток средств питания, который должен был естественно явиться при сохранении старых способов хозяйства, с увеличением количества населения. Это видно, между прочим, из того, что великий законодатель Видвуд приказывал убивать неизлечимых больных и позволял детям душить своих неработоспособных родителей³²).

Тот факт, что вообще существует подобный рассказ, показывает, что такие обычаи существовали; а такие обычаи могли развиться только там, и только там могли считаться нормальными и нравственными, где налицо был такой недостаток питания, что каждый лишний рот надо было устранять.

При новом способе производства (земледелии) население легко могло производить достаточно богатств и даже больше, чем было необходимо для собственного питания. Появилась частная собственность; менее культурным соседям (например, литовцам) было выгодно производить грабительские набеги; земледельцы не могли заниматься войной; даже общественные собрания не могли посещаться ими настолько часто, как это требовалось новым, более сложным общественным строем. Появилась необходимость в особом классе воинов и судей, которые занимались бы исключительно охраной страны и сохранением внутреннего порядка, за что и получали бы от членов волости все необходимое для жизни.

Обязанности по охране страны и сохранению внутреннего порядка мало-по-малу перешли в руки волостных старейшин и старших сыновей земледельцев, которые, как выше было указано, были лишены права наследства и должны были либо сесть на ненаселенных и не принадлежащих волостям участках земли, либо искать пропитания в войнах и грабежах.

Летописец Генрих Латышский этих «народных вождей» называет «старейшинами» (*seniores*), и по некоторым местам его летописи видно, что эти «старейшины» по своей власти и значению были неравноценны. Генрих различает старейшин племен, которых величает князьями (*principes*), предводителями (*duces*) и даже королями (*reges*); им были подчинены старейшины отдельных волостей (*seniores terrae, seniores provinciae*).

Описывая 19-й год власти епископа Альберта, тот же летописец говорит о старейшине сакальского племени Лембите и о «других старейшинах этого племени». Судя по летописи, Лембит управлял большим участком территории, и под его властью находилось несколько волостных старейшин.

Историк Паррот сообщает, что власть этих старейшин была весьма обширна. Они были начальниками на войне и судьями в мирное время. Жили они в замках, которых было очень много по всей стране, и которые служили во время войны убежищем для местных жителей. Генрих Латышский говорит о многих

таких замках у всех балтийских племен. Развалины многих из них сохранились до наших дней⁹³).

Сведений о том, переходила ли должность, значение и власть старейшин и вождей по наследству от отца к сыну и другим ближайшим родственникам, или после их смерти новые старейшины выбирались народным собранием, у нас нет. К этому вопросу относится только одно место (*Gesta Alberti*, Anno XIX, § 4) в летописи Генриха Латышского, где говорится, что после того как вождь сакальцев Лембит пал в бою, его брат Упенев заключил с немцами мир. Выступает ли здесь Упенев как наследник своего брата, или как вновь, на скорую руку, выбранное народом должностное лицо, об этом сведений нет. Между тем, это единственное место в летописи Генриха, которое относится к вопросу о вступлении в должность нового старейшины.

В виду ясных сведений, приводимых летописцами, ни один историк, конечно, не пытался оспаривать, что у древних жителей Прибалтийского побережья были свои старейшины и князья. Не подлежит также сомнению, что, помимо свободных жителей, еще до прихода немцев у прибалтийцев были также рабы: по преимуществу, пленные, взятые на войне и при грабительских набегах. Но почти все историки Прибалтики в один голос отрицают, чтобы между свободными жителями края уже могли существовать какие-либо классовые различия. Летопись Генриха, повидимому, свидетельствует как раз об обратном: нельзя иначе понимать, например, то место в его летописи, где повествуется о принятии христианства начальником Торайденских вельмож и дворян (Генрих, *Gesta Meinhardi*, § 10). В другом месте Генрих рассказывает, что латыши убили в бою «300 сакальских вельмож и старейшин и бесчисленное множество других жителей».

Кажется, что после сказанного мы имеем право допускать, что у древних жителей Прибалтийского побережья приблизительно к тому времени, когда появились немецкие колонисты, под влиянием экономических факторов уже ощущалась необходимость в особом классе воинов и правителей (судей), и что под влиянием этой необходимости названный класс только что организовался из старейшин племен и волостей, а также помещиков, т.-е. жителей тех мест и участков, которые не относились к волостям.

А тут как раз появились немецкие священники и рыцари, чей меч и крест помогли родиться новому общественному строю, т.-е. ускорили развитие особого класса воинов, судей и священников.

Читатель видит, что немцы не принесли с собой ничего нового, а лишь помогли вырасти и расцвести тому общественному строю, зародыш которого уже существовал в недрах местного общества.

Учитывая сказанное, также понятно, почему датчане и русские, которые часто нападали на латышей (еще за два столетия до прихода немцев), не могли основать у нас постоянного класса помещиков: не доставало еще хозяйственной потребности в таком классе. И, вместе с тем, не доставало хозяйственных возможностей, чтобы провести подобные нововведения в жизнь.

Пока в недрах существующего общества не было зачатков нового строя, до тех пор никакая сила в мире не могла заставить вырасти новые общественные отношения. Пока скотоводство, рыболовство и охота были для местного населения важнейшими способами производства, до тех пор оно не могло жить оседлой жизнью. Чужие завоеватели могли его разбить и победить, отнять скот и наложить дань, но основать постоянную власть было невозможно ²⁴).

ГЛАВА IV.

Развитие крепостного права.

Защита пришлыми рыцарями местных жителей за плату.

В предыдущей главе мы познакомились с экономическими причинами, которые у всех земледельческих народов, а следовательно, и у прибалтийцев, на определенном уровне развития приводят общество к образованию особого класса воинов и жрецов или священников. Мы высказали также мнение, что нападение немцев на племена Прибалтийского побережья отчасти ускорило ход естественного развития. Однако, было бы легкомысленно утверждать, что немцы вдруг, в одно мгновение, сделались господами над местными жителями, превратив их в крепостных и рабов.

Первые немцы появились в Прибалтийском крае не как воины, закованные в железо, и даже не как хитрые, продувные священники, а как торговцы, привозившие в Прибалтику железо, соль и т. п. вещи и менявшие их на янтарь, кожи, лен и т. д. Даже священник Мейнгард прибыл туда не для того, чтобы «возвестить царство божие», а для того, чтобы заняться торговлей³³).

Что немцы, наравне с другими товарами, предлагали жителям Прибалтийского побережья также католичество со всевозможными молитвами и обрядами, это является лишь само собой подразумевающимся побочным делом. Но так как новые молитвы и обряды, как и вообще служба заморскому богу, не особенно нравились местным жителям (или нравились, по крайней мере, меньше, чем вера предков), то обыкновенно они от этого добра отказывались. Происходило, в лучшем случае, совершенно то же самое, что в свое время происходило при нашествии русских и датчан: в Прибалтике иногда, время от времени, появлялись христианские церкви, но затем они опять исчезали. Историк Яннау совершенно правильно утверждает, — и его убеждение основано на глубоком знании истории, — что «после смерти Лифляндского епископа Бертгольда (Бертгольд

был убит в 1198 году) все миссионерское дело в Лифляндии было бы разрушено, если бы не появился третий епископ Альберт, который пытался учредить ленные порядки».

С ведома и согласия местных жителей Альберт передал рыцарю Даниелю Баннеровену имение Лелеварден на тех же условиях, на коих во всей Европе рыцари получали в свое пользование имения по ленному праву, а именно: за обязательство по требованию суверена (в данном случае епископа Альберта) итти на войну против его врагов.

Вместе с тем, тот же Даниель Баннеровен взял на себя обязательство защищать местных жителей в окрестностях Лелевардена, за что те, в свою очередь, обещали платить ему с каждой сохи *), т.-е. с каждого двора, по одной мере хлеба.

Даниель Баннеровен, таким образом, был первым немецким рыцарем, взявшим на себя обязанности местных племенных старейшин, т.-е. функции, для выполнения которых, по местным условиям, уже чувствовалась острая необходимость в особом общественном классе.

Вторым таким пришельцем, взявшим на себя обязанности местных старейшин, был Конрад фон-Мейндорф, которому епископ отвел ленное имение Иксуль. Как рыцари, владевшие имениями на ленных основаниях, так и католические священники получали от местных жителей (последние только от крещеных) по существу ничтожную дань: по одной мере хлеба со двора.

Личная свобода местных жителей.

Свою личную свободу местные жители далеко не теряли. В этой главе мы увидим, каким образом, при развитии крепостного права, многие из местных жителей перешли в дворянство и, наоборот, многие из пришедших немцев превратились в крепостных крестьян.

Изучая историю Прибалтийского края, мы видим, что в течение первых трех столетий по основании немецкой колонии и христианской церкви на побережье Балтийского моря не может быть и речи о крепостном крестьянстве. Незачем ссылаться на древнейший сборник лифляндских законов, но даже «Средне-Лифляндские Рыцарские Законы» и «Ленные Уставы Вик-Эзельских приходов» ни слова не говорят о крепостных. В первый раз слово крепостной (Erbmann) мы встречаем в исторических документах прибалтийских стран конца XV столетия (в 1494 году) в одном договоре о выдаче беглых крестьян³⁶).

Правда, с самого начала, как только началось формирование класса воинов и судей, крестьяне, свалив на плечи вновь образующегося класса все тяготы по ведению войн и внутрен-

*) С о х а (по прибалтийскому гакен—Накен)—мера земельной стоимости; ко времени прихода в Прибалтику немцев „сохой“ назывался участок земли, обрабатываемый одной лошадей, одной сохой и одной бороной.

Прим. переводчика.

нему управлению, брали на себя некоторые обязанности по отношению к этому классу. Но все эти обязанности могли быть приравнены к натуральным налогам, которые ложились на крестьянский участок земли, соху, и ни в коей степени не затрагивали личную свободу их собственников.

Доказательством того, что местные жители не теряли личной свободы, могут служить многие исторические факты.

При переходе местных жителей под охрану немцев их личная свобода строго и ясно подтверждалась в многократных договорах. Для примера приведем только несколько документов.

В день св. Иннокентия, в 1230 году, некоторые волости куров заключили договор с монахом Балдуином Алнайским, послан и уполномоченным кардинала Оттона, о принятии ими христианства. В этом договоре Балдуин подтверждает: «обеспечиваем им (курам) вечную свободу до тех пор, пока они не откажутся от христианства».

1 и 27 апреля 1234 года земгальский епископ подписал два документа, в которых еще раз подтверждается свобода местных жителей. В первом документе, в котором епископ удостоверяет, что он передает земельные участки в Курляндии 56 рижским горожанам, между прочим, сказано: «но при этом остается неограниченной свобода обращенных местных жителей». По второму документу тот же епископ передает священнику рижской церкви св. Петра 25 сох пахотной земли в Курляндии, но при этом добавляет, что свобода местных жителей не может быть ограничена.

Следовательно, даже в тех случаях, когда епископы передавали имения пришлым чужестранцам по тогдашнему ленному праву, свобода местных жителей не нарушалась.

Что местные жители сохраняли личную свободу и после прихода немцев, подтверждает еще то обстоятельство, что их подчинение немцам всегда происходило на основании двусторонних договоров, как это в нескольких местах подтверждает летописец Генрих Латышский. В цитированной выше книге историка Фр. Г. Бунге можно найти множество таких договоров.

Право собственности. Право собственности у местных жителей не отнималось; они сохраняли права наследства от отца к потомкам согласно древнейших обычаев страны ³⁷). В частности, право собственности на землю вновь подтверждалось при каждом удобном случае. Даже в тех случаях, когда местные жители отступались от взятых на себя обязанностей и принуждались к ним насильно, — даже в тех случаях их земельная собственность, дома и движимый инвентарь оставались неприкосновенными. Так, например, Грубер рассказывает о подавлении ливского бунта в 1204 году, при чем особенно подчеркивает, что деревни и поля бунтовщиков, которые по праву должны были бы считаться ими потерянными, были им возвращены.

В 1230 году уполномоченный Мариинского *) конвента заключил с несколькими волостями куров договор о принятии последними христианства и о переходе их под охрану немецкого рыцарства. По этому договору куры сохранили право собственности на движимое и недвижимое имущество.

В 1253 году курляндский епископ Генрих подписал документ о разделении Курляндии между ним и местным немецким рыцарским орденом. Но при этом вновь подчеркивается, что дома, имущество и земля местных куров остаются неприкосновенными.

Таких документов сохранилось очень много.

У нас, кроме того, имеются документы, подтверждающие, что отдельные волости или деревни продавали или дарили участки своей земли (отрезки) чужим деревням, волостям, а иногда и чужим племенам. Например, в одном документе, который подписан папским послом Вильгельмом 7 мая 1226 года, упоминаются поля, купленные племенем сель у ливов.

Вообще, пришедшие немцы в первое время могли приобретать в стране земельную собственность не иначе, как путем покупки ее или же получая ее в виде добровольных подарков. Так, например, епископ Альберт получил от ливов необходимый ему для основания города Риги участок земли, частью в обмен на другие участки, частью же за плату звонкой монетой (документ епископа Альберта от 25 июля 1211 года). Точно так же и эзельский епископ Генрих подтверждает в 1279 году, что он по собственной просьбе получил «от своих вновь крещеных соседей» в подарок участок земли для основания Гапсаля. Таких документов можно было бы перечислить много. Однако, названных вполне достаточно для того, чтобы читатель мог убедиться, что крещеных и даже насильно принужденных подчиниться определенным договорам местных жителей не лишали права собственности.

**Общественный
строй, законы и
нравы.**

Обычаи местных жителей, законы и нравы оставались без изменения и после подчинения их немцам, а судебные обязанности попрежнему лежали на старейшинах местных волостей и их собраниях, что, между прочим, видно из договора орденского магистра Андрея фон-Вельвена с племенем самов в 1241 г. ³⁸⁾.

При составлении сборников законов обыкновенно записывались существующие обычаи и законы, а если было желательно их изменение или дополнение, то требовалось их утверждение голосованием волостных старейшин. Нам известен самый древний

---

*) Рижское епископство с принадлежащими к нему ленными васалами называлось государством св. девы Марии.

сборник законов, автором которого почти все историки признают рижского епископа Альберта I (1198—1229) *).

Паукер не без основания предполагает, что здесь мы имеем дело с уставом обычаев местных жителей, который, по всей вероятности, был пополнен епископом и вновь подтвержден старейшинами племен ³⁹⁾.

Много общего с указанным сборником имеет другой, найденный в секретном архиве ордена в Кенигсберге; на нем отмечено, что он составлен «божьим рыцарством, немцами и ливскими старейшинами».

Другой сборник законов, о котором упоминает Фр. Г. Бунге в своей истории права, носит название «Общие законы страны, утвержденные местными старейшинами и бывшие в употреблении в Лифляндии, Курляндии и Земгалии».

Следовательно, можно считать документально доказанным, что немцы, колонизируя Прибалтийское побережье, не касались законов, нравов и обычаев местных народностей и не прививали им ничего чуждого, принесенного извне. Да и попытка такая была бы безнадежна, пока эволюция хозяйства местных народов, т.-е. способы добывания пищи, не потребовала установления нового общественного строя.

С ростом городов многие местные жители оставляли свои волостные общества и переселялись в города. Это, между прочим, подтверждается одной статьей в городских законах Гапсаля, где сказано, что тот, кто желает приобрести права городского гражданина, должен уплатить определенный налог, а именно: немец — 1 артиг 6 озри, не-немец (эстонец) 1 артиг 7 озри **). Если бы местные жители не имели прав на приобретение гражданских преимуществ, то такая такса не могла бы появиться в сборнике городских законов.

Иногда местные жители получали от новых правителей страны (епископов) имения по общему ленному порядку. Последнее, между прочим, подтверждается документом курляндского епископа Генриха, составленным в Гольдингене 4 апреля 1253 года.

В политическом отношении в XIII веке местные жители были полноправными гражданами, и без их ведома и голосования местные епископы не могли заключать никаких политических актов. Доказательством может служить следующий факт: в 1230 году датский король предложил епископу Альберту присоединиться к Дании, при чем по этому поводу епископ вел переговоры не только с разными сословиями *немецких*

*) Заглавие этого сборника следующее: Dyt is dat wertlicke Recht, dat gesettet is von eynem Hern Bischope tho Lyfflande und von den Godes Riddern und von den oldesten Lyven, von dem Burrecht, woe in Lyfflande gewöhnlich tho holde (законы эти даны лифляндским епископом, рыцарством и старейшинами ливов).

**) Артиг и озри—денежные единицы в эстонской (северной) части Лифляндии и в Эстляндии. Прим. переводчика.

колонистов, но также и с местными жителями, при чем испросил их мнения и совета ⁴⁰).

Принимая в расчет все вышесказанное, нельзя не признать, что во время колонизации немцами Прибалтийского побережья личная свобода местных жителей и их общественный строй оставались фактически незатронутыми; больше того: они неоднократно подтверждались юридическими актами и договорами. Зная это, смешно утверждать, что немцы «принесли» в Прибалтику рабство, к которому будто бы насильно были принуждены местные народности.

Подобное утверждение настолько же смехотворно, как утверждение будто современный марксизм просто-напросто принесен к нам из заграницы.

Ни рабства, ни свободы из заграницы принести нельзя. И то и другое должны развиваться на месте.

Это убеждение можно почерпнуть в истории любой страны. И оно доказывает нам, что пришло время, когда конец всякого рабства близок *). Тот же непрерывный строитель, который в XV и XVI столетиях построил дом рабства и крепостного права, в наши дни заканчивает храм новой свободы.

Этот строитель — не что иное, как экономический прогресс, или хозяйственное развитие. Работу, произведенную им при постройке нового храма, мы увидим в дальнейшем. Теперь же проследим его работу по созданию крепостного права.

Выше мы видели, что уже при самой организации класса жрецов и воинов крестьяне свалили на последних часть общественного труда. Функции этого класса мало-по-малу перешли к немецким священникам и рыцарям. Следовательно, они получили также право на предназначенную для этого класса часть крестьянского труда. Присваивание ими крестьянского труда происходило по преимуществу в трех видах:

Во-первых, в виде разных продуктов труда. Эта повинность вначале была чрезвычайно ничтожна, но скоро составила целую десятую часть со всевозможных продуктов земледелия—в пользу церкви и священников **). Но так как священники получали имения согласно ленного порядка, то эта десятина в пользу церкви скоро превратилась в оброк в пользу помещика.

Как в «Средне-Лифляндских Рыцарских Законах», где идет речь о волостных обществах, так и в «Ленных Уставах Вик-Эзельских приходов» говорится о крестьянах, как о бесспорных собственниках своих дворов, при чем, однако, «господа» уже имеют право на десятину ⁴¹). В «Средне-Лифляндских Рыцарских Законах» даже указаны сроки, в какие именно должна произ-

*) Писано в начале XX столетия.

Прим. переводчика.

***) Так называемая «церковная десятина», установленная буллою папы Иннокентия III от 30 октября 1210 г.

водиться уплата теми или иными продуктами: масло—к Иванову дню, рожь—ко дню св. Якова, коренья, овес, хмель и рукоделия (шерсть, нитки, канаты и т. д.) — ко дню св. Варфоломея (24 августа), а все остальное—ко дню св. Михаила (28 сентября).

Скоро десятина, однако, превратилась в определенный оброк, который взимался с сохи или со двора, не считаясь с тем, какое количество данного продукта фактически произведено и останется ли после уплаты его что-либо для самого хозяина.

Вторым видом податей, при помощи которого прибалтийские крестьяне отдавали часть своего труда «господам», это — барщина. Все повинности вначале были ничтожны. Так, например, договор, заключенный магистром рыцарского ордена Оттоном Лутенбергом с курами в августе месяце 1267 года, говорит, что каждый дворохозяин обязуется работать 4 дня в году в пользу ордена: два дня летом и два — зимой. Подобные условия включены также в договор орденского магистра Вольтера Нордека с земгальцами от 6 июля 1272 года. В этом договоре еще особо упомянуты работы по сооружению замков и дорог.

Эти сравнительно ничтожные работы, однако, были известны всем местным племенам. Это подтверждается, между прочим, тем историческим фактом, что Моденский епископ Вильгельм, посол папы, 11 апреля 1226 года даровал церковным крестьянам особую льготу, освободив их от барщины⁴²).

Современем барщина все увеличивалась, и наступило время, когда крестьянам стало трудно с ней справляться. Но в первое время это была ничтожная натуральная повинность.

Большим интересом отличается третий вид повинностей, который развился лишь в более позднее время: военный налог. Упомянув о Даниэле Баннеровене и Конраде Мейндорфе, мы установили, что крестьянские обязательства по отношению к рыцарям ведут свое начало от платы за охрану деревень. Но современем, с увеличением власти рыцарей и одновременно со всесторонним ростом крестьянских повинностей, на крестьян в случае войны стал налагаться особый военный налог, который уплачивался не отдельным ленным вассалам, а шел в общую орденскую кассу и потому называется орденскими и магистрскими деньгами.

Таким образом, за охрану от врагов, а нередко даже за легкомысленные рыцарские походы крестьяне должны были расплачиваться не только содержанием своих ленных господ и их вооруженных слуг, но и взносом еще особого налога ордену.

Эта «военная десятина» является первым видом налогов в пользу казны.

К перечисленным трем видам натуральных налогов надлежит присоединить еще четвертый вид, который по существу не представлял из себя повинности, но свидетельствовал о крестьян-

ской зависимости от господствующих классов и вместе с тем являлся зачатком, из которого современем развилось в руках помещиков могучее орудие порабощения.

Я имею в виду роль судей, которая перешла в руки епископов и их уполномоченных. Несмотря на то, что судьями, в прямом смысле этого слова, были местные старейшины, однако, над ними стояли «господа судьи»⁴³).

Зачатки крепостного права. Многие историки усматривают в такой зависимости крестьян от их господ наличие рабства, крепостного права или, по крайней мере, подчиненности. Однако, это не совсем так: в описываемое время в таком же положении находились и все свободные жители (например, в Германии), не принадлежавшие к классу рыцарей⁴⁴).

Однако, зачатки крепостного права безусловно уже могут быть раскрыты в этих отношениях. Из них современем выросло дерево рабства, черная тень которого в течение трех столетий покрывала Прибалтийское побережье и не рассеялась полностью еще до наших дней.

В интересах церковных и орденских вассалов, получавших имения и участки земли в управление, было увеличивать как можно больше барщину и подати крестьян, и скоро они потеряли чувство меры. Уже летописец Генрих Латышский упоминает несколько случаев, когда члены ордена играют роль хищников⁴⁵).

Императоры и папы противились такому хищничеству и защищали права местных жителей. Бунге указывает на буллу папы Иннокентия III в 1213 году, буллу Гонория III в 1222 году и на буллы Григория IX в 1237 и 1238 г.г., направленные против хищнических приемов вассалов.

Император Фридрих II издал закон, согласно которого, не только берутся под защиту интересы новокрещеных и их наследников, при чем подчеркивается их вечная свобода и все права, какими они обладали до перехода в христианство, но последние освобождаются также от всякой барщины (*servitus*) и от судебной зависимости от вассалов. По этому закону судебная зависимость устанавливается исключительно от церкви и государства, «как это заведено по отношению к свободным гражданам во всем государстве (Германии)».

В первой половине XV столетия прибалтийские архиепископы и орденские магистры все еще издают приказы против чрезмерного обложения крестьян податями и барщиной. Например, пункт 5 церковных законов, подписанных архиепископом Генингом Шарфенбергом (*de feriis*), запрещает принуждать крестьян к барщине в воскресные дни. Также и великий магистр ливонского рыцарского ордена в своем орденском уставе от 1441 года предписывает магистрам орденов и другим начальникам следить за тем, чтобы управляющие имениями не эксплуатировали чрезмерно крестьян.

Таких благих пожеланий, законов и приказаний можно было бы разыскать тысячи. Но все они были бессильны против хода естественного развития.

Основание Риги. Подобно тому, как естественно изменяется любой производственный строй с его общественными отношениями, так и трехпольное земледелие с соответствующим волостным и мирским укладом, предоставленное самому себе, изменилось бы только тогда, когда оно оказалось бы не в состоянии прокормить все население. Тогда земледельцы были бы принуждены обратить под посев также те поля, которые ранее оставались под пар и, таким образом, совершенно естественно была бы нарушена трехпольная система, а вместе с тем, и волостной строй.

Был бы возможен еще и другой путь: часть населения могла покинуть старые места, основать новые деревни. Некоторые известные историки и социологи полагают, что древние германцы, например, были принуждены к нападению на Римскую империю только тем, что разросшееся население не могло найти в своей стране, при условии трехпольного земледелия, достаточно средств питания. Так как римское государство было уже ослаблено, и разрушить его было легче, чем отказаться от древнего, перешедшего от предков, способа земледелия, то германцы пошли первым путем.

Как бы то ни было, в Прибалтийском крае к этому времени еще не был достигнут предел развитию общества при условиях трехпольного земледелия. Однако, перемены начались. И эти перемены создавались не рыцарями и священниками с их мечами и крестом, а городскими ремесленниками и купцами с их капиталами.

Как отмечалось в начале этой книги, рыцари и священники появились в нашей стране уже за двести лет до прихода немцев. В дальнейшем мы видели, что пришельцы приспособлялись к местному общественному строю и принимали на себя те общественные функции, для выполнения которых чувствовалась необходимость в особом классе. Во всем этом не было ничего нового. Новыми явились у нас города и класс городских мещан.

К самым замечательным делам епископа Альберта, без сомнения, может быть отнесено основание города Риги.

Быть может, что Альберта к этому шагу принуждали законы католической церкви, по которым резиденцией епископа может быть только город и ни в каком случае деревня и не отдельный замок. Иксульский замок, где жил епископ до тех пор, не годился для основания города. Хотя он находился на берегу Западной Двины, но стоял далеко от моря и не имел доступа для больших судов. Поэтому нельзя было надеяться, что новое место привлечет много переселенцев: купцов и ремесленников.

Принимая все это в расчет, — рассказывает летописец Генрих Латышский, — уже на втором году своего правления (осенью 1200 г.) Альберт приобрел от ливов — можно предполагать, за плату или в подарок — недалеко от моря участок земли, где речка Рига впадает в Западную Двину. Здесь епископ решил основать город и, чтобы обеспечить его развитие, испросил у папы буллу, предающую анафеме всякого христианского купца, который заехал бы на своем судне в близлежащую Земгальскую гавань*).

Летом следующего, т.е. 1201 г., Альберт перенес свою резиденцию из Иксуля в Ригу, а уже весной 1202 года брат его Энгельберт приехал из Голштинии с первыми горожанами.

Из того, что уже в 1211 г. не хватало места на городской территории и приходилось строить дома за городской оградой, видно, что число горожан быстро росло. Чтобы привлечь в Ригу как можно больше переселенцев, епископ предоставлял им разные права и преимущества: он освободил от пошлин висбийских и готландских купцов, приезжавших в рижскую гавань; защищал их от прибрежных жителей, в обычае которых входило грабить корабли, которые по каким-либо причинам принуждены были остановиться вне гавани; он установил также денежную систему и определил порядок судопроизводства.

В рамках своей темы мне нельзя останавливаться на истории города Риги, интересующимся же этим вопросом напоминаю, что по нему имеется много интересных книг и монографий⁴⁶).

Торговля и деньги. Для нас весьма важно установить, что при основании городов прибалтийские волости и деревни увидели нового гостя, малознакомаго до тех пор — деньги.

Правда, деньги уже были известны древним жителям прибалтийского побережья, и торговля с северными странами велась еще и до основания первых городов. Бунге совершенно правильно утверждает, основываясь на сведениях, собранных Эйхгорном, Леви и Парротом, что торговля древних ливов и латышей с соседними странами была довольно обширна. Но продавали они только те свои продукты, которых было у них больше, чем нужно было для самих себя, — кожи, сало, мед, воск, иногда лен и коноплю. Никогда не продавали хлеба. Выменивали свои товары они главным образом на соль и железо, хотя и в этих товарах нуждались сравнительно мало: еще в XVII столетии землю пахали деревянными крюками без железных лемех.

В том случае, если по удовлетворении своих нужд еще оставалось кое-что для вывоза за пределы волости, то на это приобретались украшения. Если в какое-либо лето не приходили торговые корабли, то, быть может, местные жители чувствовали

---

*) Земгальская гавань находилась при устье реки Аа, которая в то время еще впадала в открытое море.

некоторые неудобства, но их жизни не угрожала никакая опасность. Из-за этого они не подвергались ни голоду, ни холоду, так как все необходимое для жизни — платье, пищу, орудия труда и т. д.—они производили сами у себя.

Обстановка изменилась после основания городов. Открылись постоянные рынки, где в любое время можно было продать все излишние продукты хозяйства. Там также в любое время можно было купить украшения и лакомства. Нужны были только деньги. Поэтому крестьяне стали добиваться денег и отвозили на рынок также те продукты своего труда, которые с успехом могли быть использованы для самих себя. К продаже своих продуктов, даже самые консервативные хозяева принуждались тем, что к этому времени уже началось частичное превращение натуральных повинностей в денежные налоги, и даже за преступление (воровство, убийство) взимался денежный штраф — выкуп. За убийство человека нужно было платить 10 марок; а если убийца не мог уплатить, он отдавался на 10 лет в рабство тому, кто уплатил выкуп за него. Выкуп по установленной таксе платился и за разного рода увечья.

Благодаря этим штрафам собирались крупные суммы, о чем свидетельствует, между прочим, рассказ Генриха Латышского о находке в 1206 году, в Торандене, при вскрытии сундука судьи рыцаря Готфрида, 19 марок (9½ фунтов) серебра.

За деньги в любое время можно было найти разные украшения и сласти, которые производились в других странах, стоявших на более высоком культурном уровне. Но накопить деньги можно было только при помощи торговли. Ею, по преимуществу, и занимались не только городские жители, но также орденское духовенство, рыцарство, епископы и вассалы⁴⁷⁾.

Следует отметить попытку Леальского епископа основать свою торговую монополию на хлеб тем, что он запретил крестьянам продавать кому-либо, кроме него, хлеб ниже известной цены.

Это нам известно о торговле епископов. А чтобы лютеранские пасторы не усмехались фарисейски при чтении этих строк, отмечу тут же, что лютеранские священники (а крепостное право началось в Прибалтике именно в XVI столетии, вместе с распространением лютеранского вероисповедания) занимались не только мелкой торговлей, но даже содержали корчмы⁴⁸⁾.

Вообще лютеранские священники у нас отличались необразованностью и суеверием и в нравственном отношении стояли ниже католического духовенства. Вот что, между прочим, сообщает Рихтер об эпохе процветания светского и духовного барства в Прибалтике (конец XVI столетия): «Епископы, аббаты, члены дум и рыцари держали открыто у себя содержания, которых часто меняли; при этом, в особенности епископы, выдавали их замуж за свободных местных жителей, которым дарили вместе с тем имения (вот один источник, откуда бра-

лись славные роды прибалтийских баронов! Ф. Р.-А.). Лютеранские священники, в свою очередь, брали на содержание тех женщин, которые были брошены рыцарями и свободными местными жителями». Таким образом, появилось выражение «дойти до лютеранского священника», что означало — опуститься на самую низшую ступень. Лютеранские священники ходили от одного помещика к другому, участвовали в их пирах и старались разными шутками заслужить благоволение господ.

Важнейшее различие между католическим и лютеранским духовенством состояло в том, что первое стремилось к роли повелительницы и при случае гнало в Каноссу даже императоров, между тем как лютеранское духовенство всегда было и остается преданным слугой своих светских господ; по желанию правителей лютеранские священники превращаются в шутов, если же правителям грозит опасность со стороны народа, лютеранские священники грозят непослушному народу и всякими способами его поносят. Достаточно вспомнить слова самого Лютера, направленные против бунтующих крестьян: «бейте, колите, рубите их как бешеных собак». Достаточно также вспомнить выступления латышских пасторов против революции в наши дни. Однако, вернемся к светским делам.

Как только жители деревень начали производить товары для рынка, а не только продукты для собственного потребления, к привычному строю волостей и деревень стала с трех сторон подкрадываться опасность.

При производстве на рынок нужно было обращать особенное внимание на те товары, на которые имелся большой спрос. А при тогдашнем волостном строе с трехпольным земледелием нельзя было угодиться за требованиями рынка.

При постоянном вывозе из деревень средств питания и других продуктов современем должно было нарушиться равновесие мирских хозяйственных отношений и трехпольной системы вследствие того, что поля не получали обратно всего того количества питательных соков, которые были из них извлечены.

Но самым грозным врагом старого мирского уклада было то, что вследствие производства товаров на рынок, вместе с превращением продуктов земли в товары, — также и сама земля превратилась в рыночный товар определенной стоимости.

В течение первых двух столетий после введения христианства земли рыцарей, судей и волостных старейшин по большей части находились вне волостных территорий, представляя из себя так называемые «отрезки» или имения; однако, и тогда уже было довольно частым явлением, что их земля была разбросана по деревенским и волостным полям так же, как земля всех остальных членов волости. Даря своим слугам или мужьям своих содержанок земли, епископы могли передавать им или имения, т.-е. земли, не относящиеся к волостным террито-

риям, или же дворы (половину или четверть двора) в тех деревнях, которые принадлежали епископам. Например, епископ Эбенгардт из Монгейма в 1333 году подарил в волости Сиаль два крестьянских двора Таутгоду, освободив, вместе с тем, на вечные времена эти дворы от всяких повинностей. До сих пор еще сохранились документы (дарственные грамоты) о подобной же передаче деревни Конинг в Курляндии.

Такие дары означали, что епископ по отношению к данному двору (половине или четверти двора) отказывается от следуемых ему повинностей и оброков, которые волость, согласно договору, платит церкви, разложив их соответствующим образом между всеми дворохозяевами. Если подобный подарок получал член данной волости и житель деревни, то одаренный оставался жить на своей земле, но переставал платить свою десятину церкви, как это делали все его соседи. Если же подобный подарок получал рыцарь, судья или священник, не принадлежавший к волостному обществу, то прежний дворохозяин (крестьянин), оставаясь попрежнему на своей земле, платил все те же налоги, что и его соседи; только десятину его шла не в церковную кассу, а в карман того, кому его двор «подарен».

Пока товарное производство было мало развито*) и рыцари, получившие от правительства — ордена или епископа — имения (по большей части необработанные участки земли) или крестьянские дворы, занимались беспрестанными войнами, до тех пор старые мирские порядки не изменялись. Но в XV столетии, во-первых, сильно сократились налоги в пользу военного сословия, а во-вторых, в Риге и других городах открылись постоянные рынки сбыта для разных товаров**).

Теперь орденские братья и рыцари превратились в помещиков, т.-е. на деле стали братья за обработку переданных им земельных участков, которые до сих пор или совсем не обрабатывались, или были переданы за ничтожный оброк крестьянам для устройства новых деревень.

Но как использовать участки земли без капитала? За исключением (хотя и довольно большого) числа местных жителей — латышей, ливов, эстов и других — перешедших в класс рыцарства и отличавшихся относительной состоятельностью, все остальные

*) В XIII столетии хлеба для продажи в Прибалтике совершенно не производили; поэтому, когда в 1206 году рижские городские поля пострадали от неурожая и в Риге наступил сильный голод, жителей города спас транспорт хлеба с Готланда.

**) Сажень дров в Риге (в XV столетии) стоила от одной трети до пяти шестых марки старой чеканки (такая марка может быть приравнена, приблизительно, одному рублю); ласт извести—1 марка; бочка дегтя—1 марка; полпуда воску—5 марок; цены на рожь колебались в зависимости от урожая и стояли ниже всего в 1405 году (пура—пол-марки); пара сапог—1 марка; бочка заграничного пива— $\frac{1}{2}$ —1 марки. Заработная плата рабочего в 1405 г. равнялась 3 шиллингам (приблизительно 12 к.) в день.

были крайне бедны. Хотя в покорении Лифляндии, по предложению папы, приняли участие также западно-европейские дворяне, однако, как это доказано Бунге, из них никто в Лифляндии не остался.

То рыцарство, которое прочно обосновалось в Лифляндии, состояло по преимуществу из старейшин местных племен и немецкой гольтбты — военных слуг. У них не было ни капиталов, ни инвентаря для хозяйства.

Возможность приступить к хозяйству открывалась благодаря наличию огромных лесов, покрывавших всю территорию имений. Дрова и строительный материал ценились сравнительно высоко; помещики старались поэтому использовать то зависимое положение, в котором находилось крестьянство, для рубки леса и перевозки дров в города. В этом был скрыт первый стимул к увеличению барщины свыше договоров.

Крестьяне, конечно, не мирились с этим; начались тяжбы, и здесь впервые судебное право, принадлежавшее вассалам, оказалось могучим оружием в их руках против крестьян. Где крестьянину искать правду, если сам носитель права и судья является его угнетателем? Особенно в Гариин, Феллине и вообще в тех округах, где почти вся земля была передана в руки вассалов, и последние оказались почти независимыми от своих правителей, подати и барщина скоро достигли невозможного уровня.

Измученные чрезмеру, крестьяне хватались за колы и вилы. Начались бесконечные крестьянские бунты, как, например, великий бунт 1343 года, описанный Русовым в его летописи⁴⁹).

Бунт, однако, был усмирён, и крестьяне были принуждены к исполнению предъявленных им требований. Многие местные жители в это время отказывались от наследства предков и, чтобы освободиться от ига барщины, уходили в чужие места. Но так как в это время почти каждый кусочек земли уже был отдан по ленным договорам кому-либо из светских или духовных господ, то беглецы не могли ожидать большего, чем перемена более хищного барина на менее хищного. Но и эта возможность мало-по-малу стала ограничиваться дворянством. Уже в 1323 году большая часть лифляндского рыцарства заключила договор с литовским великим князем Гедимином, согласно которому беглые слуги подлежали выдаче в случае требования об этом их хозяев.

Правда, этот договор относится только к слугам (Drel), чье положение соответствовало положению рабов. Такая личная служебная зависимость или рабство (Drelschafft), как выше сказано, на Балтийском побережье была известна задолго до прихода немцев. Оно не исчезло и при появлении христианства. Рабами, по большей части, были военнопленные или купленные чужестранцы. Но и христианин мог превратиться в раба: 1) вслед-

ствие преступления, за которое он был приговорен к смертной казни (*gerichtet an Hals und Hand*); в подобном случае приговоренный к казни мог откупиться, уплачивая десять марок серебром; если этой суммы он не мог внести, то превращался в раба того, кто за него уплатит 10 марок; но такое рабство не могло длиться более 10 лет; за каждый год рабства отсчитывалась одна марка; 2) превратиться в раба мог неплатежеспособный должник, если он не мог найти за себя поручителя; когда долг превышал известную сумму, кредитору по закону предоставлялось право сковывать ноги отданного в рабство должника, при этом, если он заковывал в цепь только одну ногу раба, и если такого раба находил другой его кредитор, то последний имел право взять такого раба к себе; 3) в раба превращался трусливый воин; так в изданных в 1294 году в городе Гапсале законах говорится: «... кто бежит с поля битвы от язычников, тот превращается в раба».

Однако, из всех документов явствует, что в положении личного рабства (*Drehschaft*) находилось больше немцев и других чужестранцев, чем местных жителей. И только к ним относится договор с великим князем Гедимином.

В конце XV столетия, когда почти вся свободная земля была передана «господам», и крестьяне, избегая податей и барщины, в большом количестве бросали свои места, господа стали заключать между собою договоры также и о выдаче беглых крестьян.

Таких договоров сохранилось много. Самым древним из них считается договор, заключенный в середине XV столетия Юрьевским епископом Варфоломеем и местным рыцарством. Второй такой же договор был заключен в 1494 году Рижским архиепископом Михаилом с его духовными и светскими вассалами. Этот документ замечателен тем, что в нем крестьяне впервые называются крепостными (*Erbleute*). Третий подобный договор заключил орденский магистр Вальтер Плеттенберг (и подчиненное ему рыцарство) с эзельским епископом (и подчиненным ему духовенством и рыцарством). Договор заключен в 1508 году на срок в 20 лет. В следующем 1509 году тот же орденский магистр заключил подобный договор с Ревельским епископом и Гаррским рыцарством.

Помимо названных пяти документов, относящихся непосредственно и только к вопросу о беглых крестьянах, этот весьма важный вопрос затрагивается и в множестве документов и договоров, заключенных по другому поводу.

В документах этого времени также впервые употребляется и слово «крестьянин» (*Bauer*), так как до этого времени жители деревень назывались или «соседями»⁸⁰⁾ или подчиненными (*Untersassen*).

Вскоре побеги и число беглых до того увеличилось, что была учреждена особая должность крестьянских судей (*Haken-*

richter), обязанностью коих было следить за тем, чтобы пойманные или возвращающиеся беглые крестьяне водворялись по принадлежности⁵¹).

Таким образом, установился взгляд, что крестьянин должен жить в той деревне, где он родился; слово «крестьянин» означало — прикрепленный к земле, несвободный. В XVI веке этот взгляд был усвоен до того крепко в помещичьей среде, что в 1554 году на ландтаге было решено, что города должны выдавать помещикам всех крестьян, бежавших в город. Однако, горожанам такой взгляд еще казался необычным и несправедливым. Поэтому против решения ландтага протестовали не только города Рига и Юрьев, но даже Ревель, вокруг которого в то время находились многочисленные и крупные дворянские поместья.

Превращение рыцарей в помещиков.

Не больше капитала и, пожалуй, еще меньше труда, нежели разработка лесов, требовало скотоводство. Поэтому новые помещики обращали на него особое внимание везде, где это позволяли местные условия. Но как эксплуатация лесов, так и скотоводство, не требуя больших капиталов и многочисленной рабочей силы, требуют больших земельных пространств. Необходимость в последних вынуждала помещиков отнимать у крестьян их леса, пастбища и луга.

Как всякое насилие, так и этот грабеж производился, понятно, на основании законов и права. Для того же, чтобы создать новое право и правовой уклад, к этому времени переносились на прибалтийскую почву римские законы, много раз проверенные и оказавшиеся лучшим оружием при порабощении народов и при охране привилегий господствующих классов.

Вскоре у новых помещиков появились и возможность и желание производить на своих полях хлеб для продажи. Хлебопашество не требовало так много земли, как вышеупомянутые два вида хозяйства. Зато оно требовало больше труда и капитала. Раньше, когда рыцари представляли из себя необходимый класс общества, который почти всегда находился под оружием, защищая страну от нападений, ни одному рыцарю не могло прийти в голову обрабатывать самому те земли, которые были подарены ему его сувереном или правительством за геройство и труды. Как было указано выше, такие участки могли находиться на территории отдельных деревень и обрабатываться крестьянами; подарок означал только одно: одаренный получал право на десятину, полагающуюся церкви. Но переданный участок земли мог находиться также и вне границ волостей, быть необработанным и — если он мог затем быть обработан — превращался в имение. Сами рыцари не могли обрабатывать своих участков, они могли только разрешать крестьянам основывать на них новые деревни за обязательство платить десятину. Только в редких случаях ордена сами содержали имения,

отдавая их в управление уполномоченных, при чем обработка их велась барщинниками.

При основании городов и открытии постоянных рынков появились возможность и желание превращать крестьянские повинности и десятую часть продуктов в денежный оброк. Когда рыцари уже исполнили свою историческую роль и превратились в помещиков, т.-е. начали хозяйничать на своих участках земли, то желание превращать крестьянскую барщину в оброк шло вразрез с другими потребностями: наемных рабочих было мало, и помещичьи хозяйства должны были широко пользоваться крестьянской барщиной. Чем больше хотел производить помещик хлеба, тем больше он нуждался в услугах крестьян, и тем больше требовалось земли. Это было новым обстоятельством, побуждавшим присваивать общинную землю волостей и возвращать именьям те участки, которые были раньше отданы крестьянам с целью постройки деревень. С другой стороны, это заставляло увеличивать барщину оставшихся крестьян.

Оба эти стремления: желание расширить площадь имений и необходимость, вместе с тем, расширять кадры рабочей силы—взаимно уравновешивались. Если взять себе всю землю, то некому будет ее обрабатывать; если отдать всю крестьянам, то нечего будет обрабатывать и нельзя будет использовать барщину. При безостановочном увеличении барщины небольшое число крестьян, которым отводилась ничтожная площадь земли, обрабатывали обширные имения.

Таким образом, мы видим, что производство для рынка создает в деревнях такое положение, которое приводит к сокращению волостной земли, особенно лесов, пастбищ и лугов и постепенно увеличивает угнетение и нищету крестьян. Крестьяне стали чувствовать нужду еще задолго до того, как количество населения достигло уровня, соответствовавшего тогдашней системе земледелия.

Взвешивая все изложенное в этой главе, мы можем считать исторически доказанным следующее: 1) развитие класса рыцарей и священников (что на определенном культурном уровне совершенно необходимо) далеко еще не означает начало крепостного права или, тем более, рабства; 2) крепостное право развивалось в прибалтийских губерниях постепенно, начиная со второй половины XV столетия, следовательно, спустя 300 лет после прихода немцев, т.-е. в то время, когда рыцарство сыграло уже свою историческую роль и сделалось совершенно ненужным элементом общества (вода вполне необходима: она оздоравливает тело, пока употребляется для умывания, но когда она уже превратилась в грязные помои, т.-е. после того, как исполнила свою роль, ее надо выливать в помойку; то же самое наблюдается и в развитии общественных классов: пока ими исполняются те исторические обязанности, ради которых они образовались, до тех пор они обществу необходимы, но когда их роль

сыграна, они становятся тяжестью и проклятием общества); 3) крепостное право развилось из местных хозяйственных условий, оно не явилось изобретением и нововведением отдельных лиц.

Казалось бы, что это все, что требовалось доказать. Но, прежде чем закончить эту главу, я хочу обратить внимание читателей на одно обстоятельство, которое представляется весьма интересным и содержит в себе много поучительного, поскольку вообще этого можно требовать от исторических фактов.

Частная собственность на землю. Выше мы видели, что бытовым укладом и правоспособность всех жителей волостей и деревень были везде одинаковы. Правда, старейшины и предводители племен за свои услуги получали некоторое вознаграждение, для них отводилось два или три двора, для обработки которых каждый член волости и деревни обязывался работать по два-три дня в году. Таким образом, быть может, эти «лучшие» люди пользовались более удобной жизнью и некоторым довольством по сравнению с другими крестьянами. Но пока деревня вела свою самостоятельную жизнь, независимую от внешнего мира, до тех пор обычаи волостных старейшин и предводителей племен и их жизненные потребности были такими же, как и у всех жителей волости. Их поля были разбросаны по всей территории волости и обрабатывались таким же образом, как и поля остальных жителей.

С развитием городов и торговли, для этих «лучших» людей, как и для тех их соседей (*kaimini*), у которых по тем или иным причинам была более легкая и обеспеченная жизнь (освобожденных от церковных налогов и податей в пользу господ), такой порядок оказался стеснительным: они могли на своей земле производить больше, чем требовалось для них самих. Лишнее они могли и хотели продавать, но, производя на рынок, нужно было применяться к тому, чего требует рынок: производить то, за что больше платят.

Все это было невозможно до тех пор, пока общество подчинялось тем правилам и устройству, которые устанавливались общими собраниями. Поэтому все такие хозяева желали раздела деревенских земель и отдачи их в полную частную собственность. Более бедные соседи противились этому, так как они редко посещали рынок, а большую роль в их хозяйстве играло скотоводство. При дележе земли они лишались бы прежнего права пасти скот на общих землях. Начались споры и раздоры.

Для рыцарей и помещиков, чьи участки также были разбросаны по всей волости, как и у местных деревенских жителей, представляло, конечно, особый интерес округлить свою собственность, соединив все свои участки в одно сплошное имение, которое было бы ограничено межами и строго отделено от деревень, где собственник мог бы хозяйничать бесконтрольно.

Само собой разумеется, что в этом споре победила та сторона, которая отличалась большей экономической и политической силой. Общее собрание деревень и волостей решало разделить землю, но нередко беднейшее население не подчинялось решениям общих собраний и не признавало установленных межей, что особенно часто случалось после сборов хлебов, когда скот выгонялся на поля для пастбища. Отсюда начались частые раздоры, нашедшие отражение в сложенной фанатиками частной собственности современной народной песне:

На межу положу голову,
Охраняя свою родную землю.

Только в таком узком и не особенно симпатичном значении могут быть поняты слова из народной песни о «родной земле».

У каждого имения образовался участок земли; эти участки поглотили волостную землю. «Родная земля» похитила свободу соседей; охранители «родной земли» помогли заковать свой народ в цепи рабства.

Пока не было у жителей волости «своей родной земли», т.-е. частной собственности, и не появились фанатики частной собственности, до тех пор уничтожить старинные волостные отношения не могла никакая сила. А пока волостное общество крепко держалось на ногах, до тех пор никакая сила не могла принудить народ к рабству и крепостным отношениям.

Кто хочет обрушиться на крепостное право, тот должен обрушиваться на частную собственность или «родную землю», как это отражается в народных песнях и как об этом кричат ультра-патриоты.

ГЛАВА V.

Дальнейшее укрепление крепостного права.

Рыцарство и духовенство в мирное время.

Выше было отмечено, что воины-рыцари превратились в помещиков и эксплуататоров своих волостей лишь после того, как рыцарство уже сыграло свою роль. Местные племена и народы были усмирены, а соседние государства были либо покорены, либо принуждены к продолжительным мирным договорам, как, например, «вечный враг Лифляндии» — Россия, с которой орденский магистр Плеттенберг в 1508 году заключил перемирие на 50 лет. Теперь рыцари могли спокойно повесить на гвоздь свои мечи и сабли, а бранный конь годился теперь только для охоты или для того, чтобы щегольнуть им на свадьбе и пиру.

Задача рыцарства состояла в том, чтобы охранять страну, задача же помещиков — в том, чтобы эксплуатировать ее и принуждать крестьян к тяжелой барщине.

Нельзя, однако, отрицать хозяйственного значения этих переменов. Из земли извлекалось столько продуктов, сколько раньше никому и не снилось. Города росли, торговля развивалась. Роскошь достигла небывалых размеров. Само собою понятно, что большую часть продуктов присваивали себе помещики, расточительная жизнь которых описана историками того времени Русовым, Фабрицием и Кельхом, а также сатириками — Гансом Таубе, Тимоном Бракелем и другими. Крестьяне своим потом должны были окупать пиры своих светских и духовных господ. Они возненавидели помещиков и духовенство; однако, всякий и повсюду стремился подражать своим господам.

Я не имею возможности подробно останавливаться здесь на нравах, или лучше сказать, на безнравственности того времени. Тем же, кто интересуется этим, укажу на сочинения Рихтера⁵²).

Однако, чтобы дать читателю возможность составить себе хоть какое-нибудь понятие о современном быте, приведу одно

место из летописи Русова: «хотя в Лифляндии производится всего вдоволь, особенно хлеба,— говорит он,— и, несмотря на то, что ячменя всегда и везде сеется достаточно и гораздо больше, чем ржи, за границу ежегодно вывозится много тысяч ластов ржи, без ущерба для страны, но никогда нельзя было вывезти за границу ни одного ластва ячменя, так как некоторые помещики расходовали ежегодно по 20 ластов ячменя на пиво (один ласт равен 48 пурам*)—135 пудов). Как-то раз одному лифляндскому помещику управляющий доложил, что в течение года израсходовано на пиво 18 ластов ячменя. Помещик очень удивился тому, что тратит так мало ячменя на пиво».

Само собою разумеется, что помещики сами не могли выпить такого количества пива, а открывали на перекрестках дорог возле церквей и в других людных местах корчмы, где продавали его крестьянам.

Это давало помещикам двойную прибыль: во-первых, они получали доход от продажи пива и обманным образом покупали у пьяных крестьян за бесценок их товар; во-вторых, крестьяне в пьяном виде производили беспорядки и буйства, за которые помещик, в качестве судьи, налагал на них штрафы, которыми обогащались кассы имений. Принимая последнее во внимание, нам легко понять, почему, когда, спустя несколько десятков лет, польский король Стефан Баторий хотел окончательно отменить телесные наказания и, вместо них, ввести только денежные штрафы, крестьяне всеподданнейше просили оставить все по-старому (помещики имели возможность совершенно разорить их штрафами).

Единственно, что в это время мешало жить помещикам, как им хотелось, и не позволяло им считаться единственными правителями в стране,— было духовенство. Как выше было указано, католическое духовенство любило выдавать себя за власть, которая стоит выше светской. Но помещики хотели быть единственной властью. Им понадобилось такое вероисповедание, где духовенство подчинялось бы светской власти. Поэтому они с большим удовольствием приветствовали Тегетмейера и Кнепкена, которые принесли в Прибалтику «еретические» учения Мартина Лютера.

Это учение особенно нравилось помещикам не только потому, что оно делало их полновластными господами, но и потому, что оно отменяло посты, отменяло бесконечное число праздников, отдавало всю неделю труду, оставляя для дел небесных всего один день. Введение лютеранства все же должно рассматриваться как прогресс: им, безусловно, усиливалось производство. Но так как это улучшение в то время приносило пользу только одним помещикам, то крестьяне мало восхищались пере-

---

*) Пура (также „лоф“) — мера сыпучих тел, равная 54 штофам или 12 $\frac{1}{2}$ гарнца.

Прим. переводчика.

меной веры. Нечего поэтому удивляться, что, несмотря на то, что учение Лютера распространялось по Лифляндии с 1522 г. и Курляндии с 1526 г. и что уже в 1556 году повсеместно лютеранство было признано, придворный священник Стефан Билон, приглашенный из Германии герцогом Кетлером, после ревизии курляндских приходов свидетельствовал, что «крестьяне о христианской вере ничего не знают; большинство из них вовсе не крещены и тем более не знают, что такое святыне дары»⁵³).

Так укреплялась власть помещиков и крепостная зависимость крестьян, начиная с первой половины XVI столетия. Но, хотя крестьяне день-о-дня все больше отягчались барщиной, все же надо признать, что они вообще были еще сыты. Имеется даже много сочинений тогдашних историков и сатириков, нападающих даже на крестьян за их расточительность и роскошь. Однако, после этого пришло время, когда даже кусок хлеба представлялся крестьянину роскошью.

Нашествие Иоанна Грозного. Дело в том, что в 1558 г. истек срок договору, заключенному орденом магистров Плеттенбергом с Россией, и «дикий московитянин немедленно напал на Нарву, занял несколько замков, город Юрьев и Юрьевский уезд и занялся разными насилиями, убивая жителей и уводя их в плен, даже выкапывая из могил трупы и богохульствуя в церквах»⁵⁴).

Совершенно так же, как в наши дни длительное мирное состояние в течение четверти столетия приучило царское правительство *) к мысли, что войско годится только для того, чтобы посылать его против бастующих рабочих и умирающих с голоду крестьян,— также и прибалтийское рыцарство мирным периодом в течение 50 лет было приучено к роскоши и сделалось неспособным к войне. Рыцари целиком превратились в помещиков, считавших своею обязанностью эксплуатировать крестьян, пировать и охотиться на зайцев.

Только поэтому войско Иоанна Грозного, по мнению современников, напало на Прибалтику, «как тяжелое божье наказание». Именно так в 1558 г. лифляндский ландтаг называет это нападение. Причиной, вызвавшей такое наказание, ландтаг считает развратную и роскошную жизнь светских и духовных бар.

В спешном порядке было организовано войско, для того времени очень значительное, состоявшее из 40 прусских кавалеристов, двух приблизительно тысяч латышей и стольких же немецких воинов, около 300 кавалеристов из прибалтийских немцев (150 из них содержал город Рига, расходуя на их содержание 6.000 марок в месяц), 50 рыцарей под начальством Кетлера и около 30 охотников. Это войско 29 и 30 октября 1558 года напало на «славное, могучее царское войско».

*) Написано в 1905 г.

Прим. переводчика.

Царское войско оказалось таким же геройским и могучим, как в Манчжурии: оно также геройски бежало без оглядки, к своей границе; прибалтийцы преследовали его до Юрьева, но дальше не пошли, опасаясь наступления морозов. Рижские «военные слуги» вернулись домой, а остальные расплылись по городам: Вольмару, Вендену, Феллину и др.

Но с наступлением зимы русские вернулись, и Лифляндия подверглась такому страшному опустошению, какого она до сих пор не видала. Я надеюсь, что читатель не поставит мне в вину, если я отступлю немного от моей темы и в виде иллюстрации, правда, не имеющей значения для уяснения аграрного развития, приведу несколько мест, посвященных этому периоду, из дневника секретаря рижской городской думы Иоганна Шмидта:

«22 января русские штурмовали замок Лейен, на который они напали в количестве 6.000 человек еще 16 числа этого месяца. Всемогущий бог помогал небольшому отряду окруженных. Несмотря на то, что русские стреляли много, все же они должны были оставить ворота, где их со стен поливали горящей смолой; на поле сражения осталось 100 человек русских. Но что они делали в округе! Женщин уводили с собой, чинили разные безобразия. Как бесчеловечно они умерщвляли несчастных жителей и безвинных детей, — это не поддается описанию. Все деревни они опустошили, все имения и хижины сожгли. Трупы валяются по всем дорогам»⁵⁵).

Помещикам, правда, непосредственная опасность не грозила. Они либо переехали в города, либо заперлись в замках, или, в крайнем случае, взяли за оружие и, следовательно, могли быть спокойны от всяких случайностей. Но, так как русские уничтожали все, убивая как людей, так и животных, то опасность начала грозить и дворянству. Раньше или позже помещики должны были встретиться с голодом, если помощь не подоспеет из заграницы.

Само собой разумеется, что эта помощь должна была прийти из Германии, чьей колонией считалась «Лифляндия» (так в то время называлась вся Прибалтика). Однако, германский император Фердинанд I, который сам не знал, как и где спастись от турок и как подчинить себе своих князей, не обращал внимания на вопли Лифляндии.

Видя это, лифляндское дворянство, светское и духовное, спасалось, как крысы из тонущего корабля, кидаясь каждый туда, где он надеялся найти защиту. Некоторые, например, Юрьевский фогт Элларт Крузе, перешли на сторону русских, другие, например, Доббельнский комтур Матвей фон-дер Рекке, собрали свое имущество и отправились в Германию⁵⁶). Орденский магистр Готгард Кетлер и рижский архиепископ ждали помощи от польского короля Сигизмунда-Августа, у которого они заложили свои имения, приблизительно, на 160.000 гульденов. Герцог Голштинский Магнус, который впоследствии перешел

к русским, купил остров Эзель, Пильтен и Ревель. Но, так как он не мог оказать эстонцам никакой помощи против русских, то город Ревель в 1561 году 4 июля отдался под защиту шведского короля Эриха. Примеру Ревеля последовали помещики из Гари, Вирландии, Ярвы и Аленты. Подчинение чужеземному господству эстонских помещиков и получение оттуда охраны показало путь также другим прибалтийским помещикам.

Однако, отдаться под защиту шведов было дело щекотливое. За последнее десятилетие, как мы видели выше, власть прибалтийских помещиков сильно возросла. Нападение русских во многих отношениях помогло тому, что местные крестьяне окончательно утратили обычаи своего старинного строя. Прибалтийские помещики фактически уже чувствовали себя крепостниками. Швеция же была демократическим государством, где крестьяне пользовались человеческими правами, и где нередко король получал поддержку крестьянства для борьбы против непослушного дворянства. Можно было ожидать, что по установлении порядка в разоренной Прибалтике дворянству придется под влиянием Швеции отказаться от многих приобретенных привилегий. Рижскому архиепископу в особенности не нравилось отдаться под покровительство протестантской Швеции, что понятно само собой.

Совершенно иначе обстояло дело в Польше, где дворянство пользовалось большими правами и привилегиями, чем где-либо в мире. Крепостное право там развилось и достигло высшей своей ступени; права крестьян опустились ниже нуля. Если бы при восстановлении Прибалтийского края были применены польские законы, то помещики могли бы быть спокойны, что они не только не потеряют своих привилегий, но смогут еще расширить их и приобрести даже такие, о каких до сих пор они и не мечтали.

Поэтому в 1561 году, в ноябре месяце, вся южная Лифляндия отдалась Польше (Юрьев оставался под властью русских до 1582 года). Курляндия (за исключением Пильтенского округа) тоже перешла под власть Польши. Принимая во внимание услуги орденового магистра Кетлера, оказанные им Польше при подчинении Лифляндии, польский король назначил Кетлера старейшиною курляндского дворянства, при чем ему было дозволено называться герцогом. Город Рига сохранял свою самостоятельность до января месяца 1582 года, когда и он отдался Польше.

Привилегии Сигизмунда-Августа.

Важнейшая цель, которую прибалтийское дворянство преследовало при подчинении Польше, была ими достигнута полностью. Так называемые «Привилегии Сигизмунда-Августа», которые будто бы были даны в 1561 году, и на которые потом всегда ссылались и ссылаются прибалтийские дворяне, как на основание своих прав и преимуществ, — содержат всевозможные

привилегии, каких только могло пожелать сердце помещика. Им дается неограниченная власть над крестьянами; старинный волостной уклад совершенно уничтожается; имения округляются; законом подтверждается крепостная зависимость крестьян.

Правда, с этими привилегиями Сигизмунда-Августа дело обстоит не совсем благополучно. Оказывается, что этот бесстыдный документ написан самими же помещиками, и в нем перечислены все права и преимущества, какие только может себе представить помещик-рабовладелец. Возможно, что этот документ когда-то был послан польскому королю на утверждение. Быть может, что даже Сигизмунд-Август словесно обещал утвердить его. Однако, историками доказано, что формально эти «Привилегии» никогда не были подписаны и утверждены Сигизмундом-Августом. Доказательством этого служит то обстоятельство, что уже потомки Сигизмунда-Августа, Стефан и Сигизмунд III, отказывались признавать этот список привилегий подлинным.

Позже, при шведской власти, рижский генерал-губернатор граф Яков Гастфер (осенью 1690 года) определенно сказал лифляндскому дворянству, что в его глазах привилегии Сигизмунда Августа не имеют никакой цены, так как они не подтверждены литовской печатью. Так как дворянство не успокаивалось, и его представители всеми способами старались доказать подлинность этого документа, генерал-губернатор категорически отверг возможность признания привилегий Сигизмунда-Августа шведской властью и советовал лифляндскому дворянству при обращении к шведскому королю совершенно не ссылаться на этот документ, а лишь «надеяться на милость короля»²⁷). Когда же 22 мая 1691 года шведский король предписал признавать только настоящие, законом подтвержденные привилегии лифляндского дворянства, то почти девять десятых лифляндского дворянства, чьи права собственности основывались только на §§ 7 и 10 вышеуказанных таинственных привилегий, потеряли свои имения.

В руках историков имеется еще целый ряд доказательств подложности этих привилегий. Но для нас достаточно и указанных. Для нас даже не важно, были ли эти привилегии когда-либо юридически утверждены или нет. Нам достаточно исторического факта, что во время польского господства, особенно в его начале, лифляндские помещики стремились добиться всех тех прав и преимуществ, которые перечислены в этом документе. Из этого ясно, что почти все перечисленные привилегии уже фактически существовали, и помещики добивались лишь юридического признания этого факта; за эти привилегии долго и усердно боролось лифляндское дворянство и фактически овладело ими почти полностью во время господства Польши.

Мы зашли бы слишком далеко, если бы пожелали пересказать и растолковать эту грамоту привилегий²⁸). Обращаем

лишь внимание на то, что § 22 этих привилегий подтверждал полную крепостную зависимость крестьянина, а § 26 предоставлял помещику право над жизнью и смертью крестьянина.

Положение страны при польском господстве.

Однако, не все надежды лифляндского дворянства осуществились полностью во время польско-литовского господства. Вся эта эпоха (полстолетия) связана непрерывными кровавыми войнами между поляками, русскими и шведами, для которых Лифляндия являлась ареной разрешения своих споров. Положение крестьян, главным образом благодаря войнам, достигло крайнего упадка; крестьяне дошли до полного голода, до положения животных.

Совершенно так же, как все старинные права крестьян в Германии исчезли во время 30-летней войны, в Прибалтике зависимость крестьян могла полностью развиться только благодаря постоянным войнам. Свобода крестьян и их старинный жизненный уклад разрушался, а власть помещиков изо дня в день росла. Помещики могли бы торжествовать. Однако, и у них было мало радости.

Во-первых, в начале польского господства усилился вес католического духовенства, которое, как известно, не отличается такой собачьей покорностью господствующему классу, как лютеранское духовенство. Вновь была установлена епископская власть, и в Риге, Вендене и Юрьеве лютеранские кирки были превращены в костелы. Католическим монахам и священникам дарились имения; поляк и католик был везде на первом месте; немцы и лютеране должны были довольствоваться ролью второй скрипки в оркестре; они были отстранены от всех более или менее выгодных должностей.

Доказательством того, что немцы ненавидели своих новых господ—поляков, служит несколько мест из сочинения одного тогдашнего лютеранского пастора (по всей вероятности пастор из Муравки—Энгельке, которым также описан голод 1601—1602 г.), изданного Бергенгрином⁵⁹).

Стараясь доказать, что лифляндское дворянство имело достаточное основание, чтобы отпасть от Польши и дружить с ее врагами—шведами, названный автор говорит:

«Во-первых, они старались отнять у лифляндцев их богослужение и изгнать из страны христианское учение, насаждая безбожное учение римского антихриста. Насилия поляков особенно обнаруживаются в том, что они отнимали церкви как в городах, так и в деревнях, присваивали себе их доходы, изгоняли богобоязненных христианских пасторов и сажали на их места католических бесстыдников. Во-вторых, они всеми способами притесняли лифляндцев, не позволяли им занимать высоких должностей, какими бы добродетелями последние ни отличались; если же кого-либо к ним допускали, то следили за тем, чтобы

они отличались полной преданностью полякам (т.-е. были бы предателями своей родины)... Таким образом, рижское население угнеталось властью имущими и должно было все переносить и терпеть».

То, что обиды, которые должны были переносить помещики со стороны польских панов, не были ничтожны, подтверждается многими фактами. Достаточно послушать того же пастора Энгельке.

Один польский вельможа пожелал присвоить дом своего соседа, который дал бы ему возможность округлить свою собственность. Так как сосед добром не отдавал, то вельможа решил отнять дом насильно, напал на его дом, совершил разные бесчинства и, наконец, пригрозил, что если тот не оставит свой дом, то будет выгнан силой. Хозяин дома пошел жаловаться, но по дороге его убили подкупленные слуги вельможи. Жена убитого была сожжена в своем доме вместе с детьми и всем имуществом» *).

Второй случай: «польский вельможа Карковский был на охоте в лесах около Вендена. На охоте его собака попала в капкан, который был поставлен одним местным крестьянином. На другой день крестьянин нашел в капкане собаку и страшно перепугался. Он хорошо знал, что если Карковский узнает, что собака погибла в его капкане, то будет повешен. Зная это, он взял дохлую собаку и отнес ее на землю, принадлежавшую помещику Генриху фон-Унгерну, в двух милях от дома крестьянина (имение Паккель). Когда об этом узнал Карковский, он напал со своими озорниками на имение Паккель, разграбил и сжег крестьянские дома и угнал оттуда 700 голов скота. Унгерн хотел за это отомстить. Но Карковский нанял убийц, и те убили Унгерна. После этого Карковский с подкупленными людьми напал опять на имение Унгерна и разрушил его, убивая всех, кто попадался на пути. Не довольствуясь этим, Карковский напал на ближайших соседей Унгерна, Таубе и Оффенберга, разрушил все и перебил множество людей. И все это надо было терпеть. А таких случаев было много».

Эти примеры, перечень которых при желании легко можно расширить, рисуют условия эпохи польского господства и тогдашние порядки лучше, чем обширные сочинения и рассказы. Нетрудно понять, что при таком положении вещей, когда даже помещики не были застрахованы от нападений, крестьяне должны были сносить все. При таких условиях не нужны были законы, и излишни были королевские привилегии для того, чтобы сделать крестьян рабами и превратить их в нищих.

Каких размеров достигал голод и ужас, видно из сочинений того же Ф. Р. Энгельке, где им описывается голод 1601—

*) Приведено в вышеуказанном сочинении на стр. 111.

1602 года. В этом сочинении, напечатанном в 1603 году (его теперь можно найти только в нескольких библиотеках), описано много случаев, когда родители убивали своих детей и ели их мясо. В том же документе, из которого взяты мною два приведенных случая, читаем: «никто не удивляется, если узнает, что человек убил человека из-за куска хлеба... В текущем 1601 году, 16 октября, одну мать сожгли на костре за то, что она убила пятерых своих детей и съела их. Некая госпожа, у которой солдаты отняли все имущество, и которая ниоткуда не могла получить помощи, утопила своих двух детей, и затем утопилась сама. Подобных случаев очень много. На дорогах валяется много трупов умерших с голоду, которых растаскивают волки и собаки... К этому наказанию божьему присоединилась еще ужасная смертность... Появилась новая болезнь и мор; умирают и молодые и старые в течение восьми дней. Как в Риге, так и в округе не найти ни одного дома, где не было бы пяти или шести больных».

Это была «божья кара», которая, как автор нашего документа многократно утверждает, «постигла нас за грехи наши».

Она не могла не убедить лифляндских помещиков, что лучше ограничить свою власть, лишь бы в стране водворился мир и порядок. Поэтому они согласились подчиниться Швеции ⁶⁰).

Присоединение к Швеции.

Большая часть Лифляндии присоединилась к Швеции в 1602 году, а в 1629 г. уже вся она была признана шведской провинцией. Это уж, действительно, был последний срок, так как к этому времени в рижском уезде из 17 церквей было сожжено и уничтожено 11, в Юрьевском уезде из 28 церквей осталось всего 7, притом в совершенно разрушенном виде ⁶¹); мелкие города, которые основывались вблизи рыцарских замков и отличались некоторою зажиточностью, захудали и были совершенно разрушены, города Ранненбург, Мариенбург и Оденпе были совершенно уничтожены, в Лемзале осталось в живых всего 8 горожан, а в Валке — всего 3. В деревнях, понятно, дело обстояло не лучше. Имения были совершенно разрушены, крестьяне разогнаны. Большая часть пахотной земли поросла кустарниками и лесами ⁶²). В Юрьевском уезде, по ревизии 1627 года, на 50 волостей числилось всего 622 населенных домов и 1605 брошенных своими хозяевами. Все эти примеры достаточно ясно рисуют, в какое положение попала Лифляндия во время польского господства (1558—1629).

Страна оправлялась крайне медленно даже при заботливом шведском правительстве. Если есть страна, к которой сознательный латыш может чувствовать благодарность, то это Швеция и ее король Густав Адольф ⁶³). Однако, прежде чем описать новые законы и заботы шведского правительства о крестьянах,

рассмотрим правовое положение разных классов общества, которые развились во время страшных войн.

Я еще раз подчеркиваю то, что, по всей вероятности, читатель сам понял: эпоха войн, длившаяся три четверти столетия, ускорила развитие крепостного права. Ускорила, но не создала. Нами было указано, что крепостное право началось как раз в мирное время, во время хозяйственного подъема, под влиянием хозяйственных причин.

Хозяйственные условия закладывают основание новому строю, политические конфликты укрепляют это основание кровью и слезами. Такова история человеческого общества.

ГЛАВА VI.

Общественные классы и виды земельной собственности в крепостную эпоху.

Имена и помещики. Если вспомнить все то, что выше было сказано об имениях, то мы легко пойдем, откуда и как появилась важнейшая привилегия имений, которая играла большую роль во время крепостных отношений: свобода от всех податей и общественных повинностей.

Все оброки и подати развились из той десятины и из тех незначительных повинностей, которые местное население обязалось платить в пользу церкви. Отсюда понятно, что все подати ложились на волостную землю. Между тем, имения, основанные на территории, не относящейся к волостям, не знали никаких податей. То же было с отрезками, отделенными от волостной земли.

С землей, которая не относилась к волостям, дело обстояло следующим образом: эти земли рассматривались, как общая собственность племени и если отдельное племя, мечом или обманом, принуждалось к подчинению и заключению договора с пришельцами-немцами, то все земли, которые не принадлежали волостям, переходили в собственность ордена или епископа. Последние отдавали их в ленное пользование своим вассалам, слугам и воинам. У вассалов, которые пользовались землей, не было прав частной собственности. Их права могут быть приравнены к тем, какие в наши дни принадлежат учителям, писарям или священникам на те участки земли, которые волость или приход передает в их пользование. Такой вассал мог пользоваться данным ему участком, будучи за это обязан служить своему ленному господину (сюзерену), при чем важнейшей повинностью была военная.

Если вассал не исполнял взятых на себя обязательств, то сюзерен имел право прогнать его с земли. Точно также в случае смерти вассала имение возвращалось сюзерену.

Но в Лифляндии, под влиянием северо-германских порядков, установился обычай, согласно которому в случае смерти вассала имение и все права вассалов переходили к его сыну⁶⁴).

Однако сын входил в свои права лишь после того, как получал личное утверждение сюзерена. Если он во-время не просил о том, чтобы имение, которое находилось в пользовании отца, было передано ему, а также в случае, если у вассала не было сына, имение возвращалось опять сюзерну (епископу или ордену), который отдавал имение кому хотел. Так как важнейшей обязанностью вассала была военная повинность, то, само собой разумеется, женщины не могли быть вассалами. Точно также и братья умершего вассала, его отец и дяди не имели права требовать, чтобы имение было передано им.

Из этого правила делались исключения, если после смерти отца, у которого было несколько сыновей, последние испросили общего утверждения в правах на имение; если из этих братьев один впоследствии умер, не оставив после себя наследников, то его имение или его часть переходила к остальным братьям. Но если братья, взявшие отцовское имение в общее пользование, разделили затем его между собою, то каждая такая часть рассматривалась как самостоятельная ленная единица, и, в случае смерти одного брата, остальные не имели права наследства на часть умершего. Она возвращалась сюзерену.

Однако, при подобном делении имений братья могли испросить у сюзерена разрешения на право наследства, что называлось правилом «общей руки» (*samende Hand* или *Gesammthand*).

Впоследствии такие «общие руки» испрашивались и вассалами, вовсе не состоявшими между собою в родстве. Таким образом некоторые семьи приобретали большие пространства земли и вместе с тем большую власть, обеспечивая себя от перехода имений в чужие руки⁶⁵).

Из вышесказанного само собой вытекает, что такие ленные имения не могли быть ни проданы, ни заложены помещиками без ведома сюзерена. Были даже такие случаи, когда при отдаче имения вассалу сюзерен точно уславливался, что по смерти вассала имение не переходит к его наследникам, а возвращается сюзерену. Такие имения назывались пожизненными (*Lebtagsgüter*).

Тремя важнейшими видами ленных условий, на основании которых прибалтийские помещики пользовались своими имениями, были: 1) пожизненные имения (*Lebtagsgüter*), 2) имения, которые переходили от отца к сыну (*Mannlehen*) и 3) общие имения, «общая рука» (*samende Hand*).

У большинства прибалтийских помещиков не было полных прав частной собственности на имения. Помещикам принадлежали их имения лишь в виде исключения. Некоторые старейшины и предводители местных племен во время прихода немцев и заключения первых договоров захватывали обширные пространства земли, которые так и остались их собственностью, свободной как от вассальной зависимости, так и от податей и обязательств, ложившихся на волостную землю. Затем те

имения, которые образовались вне волостных территорий еще до прихода немцев, также остались в полной собственности их владельцев. Наконец, случалось также, что епископ или орден предоставляли отдельному вассалу участок земли в полную собственность в вознаграждение за какую-нибудь особо важную услугу⁶⁶). Такая частная собственность на имения называлась аллодом. Но таких аллодов было немного, и о них не стоит и говорить. Сборник законов Вольдемара-Эриха и первые Лифляндские рыцарские законы о таких имениях вовсе не упоминают. Отсюда Гельмерсен заключает, что частной собственности на имения в то время в Лифляндии совершенно не было, и что подобный вид частной собственности развился лишь в более позднюю эпоху.

Ленные порядки преобладали. Они были так распространены, что даже церкви передавались священникам на ленных началах. Так, например, еще сохранилась ленная грамота от 28 декабря 1530 года, по которой церковь в Анце была отдана священнику на ленных правах.

Полными собственниками тех имений, которые находились в распоряжении на ленных условиях, прибалтийские помещики сделали только в конце XVIII столетия, когда Екатерина II своим указом от 3 мая 1783 года аллодифицировала все лифляндские имения, т.-е. превратила ленных вассалов в неограниченных собственников имений.

Однако, задолго до того, как ленные вассалы из рыцарей превратились в простых помещиков, появились и возможность и желание закрепить право наследования имений также и за наследницами-женщинами. В то время, когда главной обязанностью вассала была военная повинность, об этом не могло быть и речи, но когда его делом стало лишь выкачивание прибылей и доходов, эти обязанности могли исполняться также и женщинами. Сначала право наследования имений женщинами предоставлялось только отдельным семьям и в виде особой милости⁶⁷), но затем, во время польского господства, это вошло в обычай. § 10 привилегий Сигизмунда Августа подтверждает, что в случае смерти любого лифляндского вассала, при отсутствии наследников-мужчин, имение переходит к дочерям или ближайшим родственникам боковых линий. § 7 тех же привилегий ставит общие имения (samende Hand) на одну доску с аллодами.

Если при этом еще принять во внимание, что в то время вассалы уже получили право продавать и закладывать свои ленные имения без ведома и позволения своего сюзерена, то нам будет понятно, что во время польского господства лифляндские помещики уже были фактическими собственниками своих имений.

Эту привилегию лифляндских помещиков Готгард Кетлер в 1562 и 1570 г.г. распространил также на курляндских помещиков⁶⁸).

Выше было указано, что привилегии Сигизмунда Августа никогда не были подписаны и не могли иметь значения закона. Шведское правительство не признало прав и преимуществ лифляндского дворянства, основанных на этом документе. Вследствие этого начались конфликты, которые кончились тем, что Прибалтика была вырвана из-под покровительства Швеции.

Таковы, в общих чертах, были формы собственности на помещичьи имения в конце XVI и в начале XVII столетий.

Национальность прибалтийских помещиков.

Что касается национальности прибалтийских помещиков, то, как выше было указано, надо признать совершенно обоснованной мысль, будто бы все они были немцами. Наоборот, самыми богатыми и крупными помещиками были потомки бывших старейшин местных племен, а среди мелких ленных помещиков значительное число было местных жителей и только небольшую часть составляли потомки немецких военных слуг.

Русов в своей летописи рассказывает, что многие из местных жителей, ладившие с немцами, освобождались от всех повинностей и податей и составляли свободную часть лифляндского населения.

Свободный класс населения, к которому принадлежало также много немцев, стоял как бы посредине между помещиками и крестьянами. Однако, как видно из некоторых мест летописи, эти свободные, по крайней мере часть из них, стояли ближе к помещикам, чем к крестьянам. Например, на странице 31 Русов говорит о волостных пирах, которые устраивались волостями в честь своих господ: «на эти пиры приезжали все соседние помещики и свободные жители, немцы и местные, вместе со своими семьями... Все пили и веселились вместе с крестьянами, но потом помещики и свободные жители, немцы и местные, у которых было что-либо лучшее, расходились со своими гостями по домам и пили и веселились несколько дней подряд».

Принимая это во внимание, мы не можем не согласиться с мнением Гебгардия, что современем эти свободные совершенно слились с помещиками. Но, с другой стороны, мы не можем также пройти мимо факта, что много свободных платили подати помещикам⁶⁹). Имея все это в виду, надо признать, что при развитии крепостного права класс свободных жителей раскололся пополам: одна половина слилась с помещиками, другая — с крестьянами. Но, как в одной, так и в другой половине были немцы и местные жители. Кроме того, нам известно, что среди пришедших рыцарей с самого начала было много датчан, а во время господства поляков многие польские вельможи получили имения. Если еще принять во внимание, что в XVI столетии вассал имел право продать свое имение и заложить его городским богачам без разрешения своего сюзерена и что всякий, кто пользовался имением, обладал правами помещика,

то нам будет понятно, что о какой-либо чистокровности прибалтийского дворянства не может быть и речи.

Волости и крестьянские земельные участки. Выше было указано, что с развитием городов и торговли древний строй (в волостях и деревнях) начал разлагаться. 25-летняя война и внутренняя анархия ускорили этот процесс разложения. Деревни разрушались и сжигались, жители рассеивались, убивались и умирали с голоду. Границы волостей и деревень терялись; пахотные поля нередко заросли лесами.

При восстановлении культуры земля, залитая кровью, естественно, застраивалась уже на новых основаниях, более отвечающих потребностям более крепкого в экономическом отношении населения. Час волостного строя пробил. Даже там, где предшествовавшая война и нашествие чужеземцев не уничтожили старых порядков, всеильное дворянство во время господства Польши успешно закончило дело округления своих имений, присваивая себе волостную землю.

Привилегии Сигизмунда Августа (§ 13) оставляют те земельные (за пределами волостных границ) участки, которые среди лесов «многими трудами и потом превращены в поля», их хозяевам и между прочим устанавливают, что там, где пахотная земля крестьян и помещиков вперемежку разбросана в общих полях, имения могут быть округлены; при этом предписывается только соблюдать, чтобы участок земли у каждого двора был не меньше 180 пахотных единиц (сох).

Так расхищалась помещиками волостная земля. Грабя у волостей и деревень их общественные земли, помещики грабили и тот труд, который с древнейших времен тратился жителями волостей на обработку этой земли. Волости и деревни допускали такие хищения потому, что в те времена было выгодно находиться под властью (и вместе с тем под защитой) помещиков. В Польше только пан имел право жаловаться правительству на обиды. Поэтому только пан мог защищать своих людей.

По этим причинам не только жители волостей, которые еще и в описываемое время держались, по возможности, вместе, и не только те крестьяне, чьи дома находились на земле, присвоенной помещиком, но даже так называемые свободные крестьяне, которые владели своими участками на ленных правах, или находились на земле, неотносящейся к волостям, — добровольно отдавались под защиту господ, обязываясь платить им оброк и нести барщину.

Такое подчинение было сопряжено с некоторым ограничением прав не только для того лица, которое «добровольно подчинялось», но также для его наследников и потомков. Поэтому средне-лифляндские рыцарские законы (§ 216) предоставляют наследнику право не подчиняться такому акту перехода в крепостную зависимость.

Выше нами было высказано мнение, что при сохранении волостных отношений те участки земли, которые выделялись из волостных земель и имели свои постоянные границы, назывались отрезками. При округлении помещичьей земли и постепенном расхищении общественных земель эти отрезки росли за счет волостей. Волость представляла из себя в этнографическом отношении нечто целое: члены одной волости являлись также членами одного рода. Между тем отрезок являлся чисто географической единицей.

В описываемое время паны и помещики взимали подать и пользовались барщиной с нескольких волостей и деревень, и потому участок, находящийся в пользовании одного помещика и имеющий свои постоянные границы, был шире, чем волость. Однако, волость, которая с давних пор в Прибалтике была преобладающей общественной организацией, не исчезла окончательно. Разные виды податей крестьяне платили помещику сообща.

Те книги, куда записывались подати, уплачиваемые помещикам, назывались волостными книгами (книгами ваков, местное слово заменено немецким Waske); сроки платежей также назывались «волостями», по-немецки—Waske. Ни один историк не может не согласиться, что волости (Waske) раньше были политическими единицами. Даже такой консерватор, как Астаф фон-Транзе-Розенек, признает это ⁷⁰).

Помимо имений и волостных хозяйств существовали еще крестьянские хозяйства, основанные вне границ волостных обществ; их хозяева отдавались под защиту крупных помещиков, платили им подати и несли барщину.

Но, заметьте хорошенько! Несмотря на то, что крестьяне несли в пользу своих помещиков барщину и платили им подать, их земля все же ни в коей степени не считалась собственностью помещика. То, что земля, обрабатываемая крестьянином, ему и принадлежит, было так понятно, что ни одному помещику не приходило в голову стремиться закрепить за собой это право путем получения какой-либо безумной привилегии. При помощи подложных привилегий и расхищения волостных земель помещики стремились только закрепить за собой право собственности и право наследства на свои имения, а также получить право округления этих имений.

Желать признания своего права собственности на крестьянскую землю помещики не могли уже потому, что древне-прибалтийские законы не знали иных видов частной собственности на недвижимость, как только право фактического пользования. Даже закладывать участок земли нельзя было иначе, как передавая его в фактическое пользование кредитора ⁷¹). Если же помещики взяли бы крестьянскую землю в свою собственность и, вместе с тем в фактическое пользование, — кто же стал бы ее обрабатывать?

Такова была форма собственности на крестьянскую землю. Помещикам не приходило в голову ограничивать право собственности на обрабатываемую крестьянами землю (за исключением общей волостной земли); но зато крестьянские участки щедро обкладывались барщиной ⁷²).

Расслоение крестьянства.

Когда мы говорим о собственности на крестьянскую землю, мы не должны забывать, что это относится далеко не ко всем крестьянам. Крестьянство в это время уже разбилось на нескольких слоев, а именно:

1) Свободные крестьяне, чье хозяйство велось на земле, не принадлежащей волостям, и которые по особому договору, отдались под власть и защиту помещика, обязавшись за это нести определенную барщину. Например, в уезде Буртнек уже цитированный нами лифляндский кадастр упоминает четырех свободных крестьян, которые «*in vorschickunge zu gebrauchen*» т.-е. взяли на себя обязанности почталюнов. Другие свободные крестьяне получили свои участки от правительства на ленных правах, за что несли воинскую повинность. На 79-й странице нашего кадастра, например, говорится о свободных крестьянах, чьей обязанностью было содержать военных коней. На 100-й странице упоминаются три крестьянина, которые были объявлены герцогом Карлом свободными и которые в случае войны должны были ехать с войском (*sso J. F. D.—Jhre Fürstliche Durchlaucht—zwo frigburen gemaht haben und mit reitten*). Права этих крестьян на свою землю были тождественные с правами помещиков на имения. Но при вышеописанных условиях они должны были найти помещика и обещать ему выполнение определенных податей и барщины, для того, чтобы он защищал их от насилия других помещиков и чтобы не обижал также сам. Такая подать иногда достигала довольно большого размера. Например, на 75-й странице упоминаемого кадастра назван один свободный крестьянин, недалеко от Вендена, который платил сорок марок в год. В Руене пять свободных крестьян платили помещику: 6 марок деньгами, 1 бочку пива и 1 пуд льна. Таких примеров в кадастре много. Однако, в среднем подати свободных крестьян были гораздо ниже, чем подати и барщина остальных. Современем эти свободные крестьяне, отдав дьяволу палец, потеряли всю руку: они все больше и больше отягчались налогами и теряли свою самостоятельность. Уже в XVII столетии под свободными крестьянами обычно подразумевали таких крестьян, которые, хотя и вполне зависели от помещиков, однако, вместо барщины, платили оброк (аренду или лейд). До чего ничтожна была разница между свободным и податным крестьянином, видно, например, из того, что в ревизорских инструкциях шведского правительства от 30 января 1688 г. (§ 11) свободная земля целиком приравняется к волостной. Если же отдельный свободный крестьянин (плативший лейд или

аренду) обеднел и не мог нести своих повинностей, то барон имел право выселить его из дома и вселить вместо него податного крестьянина. В таком случае свободный крестьянин превращался в податного, а бывший податной—в свободного. Один из законов, изданных шведским правительством в защиту крестьян, запрещает помещикам отпускать много крестьян на оброк, потому что вследствие этого увеличивались повинности и барщина остальных крестьян. Оброк, оказывается, был орудием большей эксплуатации крестьян.

2) Волостные дворохозяева, или крестьяне ваков. Это—типичные крестьяне; именно их имеют в виду, когда говорят и пишут о крестьянах, на их дворы ложится большая часть барщины и податей как в пользу казны, так и в пользу помещика. Как во всех феодальных государствах, так и в Прибалтике могущество государства и помещиков зависело главным образом от количества их подданных, т.-е. от числа таких самостоятельных крестьян. Поэтому, как помещики, так и правительства разных стран, которым наши дворяне в разных видах и в разное время клялись в «вечной верности», старались всеми силами увеличивать число крестьян. Их эксплуатировали всеми способами, но боялись окончательно задушить. Больше того, этим крестьянам-дворохозяевам даровались иногда разные преимущества по отношению к другим группам крестьян.

3) Полухозяева (Halbhäkner, также Einfüssling, Einföflling). Так назывались те крестьяне, у которых не было своих дворов, но владевшие на тех или иных условиях более или менее крупными участками земли,—за которые платили баронам подать наравне с остальными крестьянами. Однако, повидимому, полухозяева посылали на барщину только работника без лошади. В лифляндском кадастре полухозяева все время выделяются как отдельный класс и противопоставляются другим крестьянам. Их число невелико: на каждые 7,5 крестьян-дворохозяев приходится один полухозяин. Из этого явствует, что под этим словом не понимают батраков, число которых, безусловно, было гораздо больше. В XVII столетии полухозяева, как отдельный класс крестьян, исчезают. Те, у кого были лучшие участки земли, сравнялись с дворохозяевами; те же, у кого земли было меньше, слились с безземельными.

4) Безземельные (Lostreiber). Этим словом обозначали таких крестьян, у которых не было постоянного места жительства и которые не были связаны определенным договором с дворохозяевами. Современем они слились с полухозяевами под именем будочников или банников, так как по большей части жили или в банях у крестьян или в небольших хижинах, которые строились баронами в лесах. Некоторые из них занимались ремеслами и достигали некоторой зажиточности; большая же часть их составляла поденщиков и аграрный пролетариат. Безземельные не платили баронам никаких податей и не

несли барщины, а если и платили, то в очень небольшом размере. Так, например, на 14-й странице кадастра говорится о будочнике, который платил помещику 12 шиллингов, т.е. потеперешнему 48 коп. в год.

5) **Натуральники**, т.е. крестьяне-батраки, которым, вместо годового жалованья, предоставлялся в пользование участок земли или право на определенное количество хозяйского урожая. Из народных песен известно, что натуральники составляли самую беззаботную и разгульную часть населения, которая по воскресеньям каталась по деревням и бражничала. Транзе-Розенек, соглашаясь с другими исследователями (Амелунгом и Гутцейтом), приравнивает натуральников к полухозяевам. Но так как число полухозяев, упоминаемых в кадастре, гораздо меньше числа дворохозяев, то с этим никак согласиться нельзя. Натуральники—особая категория крестьян. То, что кадастр их не перечисляет, объясняется тем, что они не пользовались баронской землей, а если и несли какие-либо обязанности по отношению к помещикам, то только от лица своих хозяев.

Само собой понятно, что трудно провести определенную границу между тремя последними видами крестьян. Переход из одной группы в другую совершался, по всей вероятности, часто; особенно потому, что юридическое положение всех трех классов было одинаково.

6) **Бобыли** (по-эстонски *robvul*). Так назывались крестьяне, на обязанности которых было содержать лошадей для войны и по приказанию своих господ следовать за ними на войну. Мы уже видели, что воинская повинность, которая раньше была почти единственной и важнейшей обязанностью помещиков, современем была переложена на плечи крестьян. Правда, казна требовала от барона исполнения военных обязанностей. Но объем этой повинности по многократным просьбам баронов устанавливался в зависимости от числа крестьян, принадлежащих барону. На этих то крестьян и взвалили бароны тяготы воинской повинности. Из кадастра видно, что в некоторых местностях крестьяне содержали кавалерийских лошадей, в других же местностях содержание лошадей и кавалеристов относилось за счет особой крестьянской подати. Участки земли, отданные под содержание военных лошадей, назывались «землей бобылей» или «рыцарской землей» (*Reuterländer*), и крестьян, которые жили на этих участках, называли бобылями.

7) Немалую часть крестьянства составляли также **рыбаки**. Бароны, расхитив волостные леса и общественную землю, постарались захватить также право рыбной ловли и охоты. Охотой они пользовались сами, как спортом, а право на рыбную ловлю служило для них источником дохода. Эксплоатировали они ее двояко. Либо пользовались рыболовством монопольно, при чем им занимались помещичьи рабочие, либо оставляли право на рыболовство постоянным рыбакам, обкладывая их определен-

ным оброком, деньгами и натурой. Такой денежный оброк носил различные названия: рыбные деньги, лодочные деньги, неводные деньги и т. д. Натуральную подать, понятно, составлял по преимуществу улов рыбы, но нередко она взималась и земледельческими продуктами. Так, например, на 15-й странице кадастра сказано, что рыбак, который ловит рыбу неводом, дает две пурь овса, а с других бралась десятая часть улова. Помимо обычных податей, помещики нередко требовали также рыбу к своему столу. Барщиной рыбаки обязаны не были. Именно этим объясняется, почему кадастр часто упоминает их наряду со свободными крестьянами.

8) Дворовые люди, это—слой, делившийся на две части: помещичья прислуга (лакеи, повара, кучера и т. д.) и чиновники (управляющие, писаря, руководители работ и т. д.). К последней группе могут быть отнесены также корчмари и мельники.

Выше указывалось уже, что ячменя в Прибалтике тратилось очень много, и пиво выпивалось озерами. Каждый барон, пастор, дворохозяин и бобыль сами варили пиво. Однако, помещики скоро монополизировали право на продажу пива. В близости имений, церквей и мельниц или просто-напросто на перекрестках дорог строились корчмы, к которым присоединялись участки земли, и корчмарь за пользование этой землей должен был продавать помещичье пиво. Иногда корчмари продавали также пиво, которое варилось в чужих имениях. В таких случаях они платили аренду своему помещику. Однако, полной монополизации на право торговли пивом, повидимому, в то время еще не было*).

Вообще же, во время составления лифляндского кадастра, крестьяне уже не обладали правом торговли пивом. Постановление ландтага от 1568 года официально отнимает у крестьян это право, мотивируя этот шаг, понятно, высокими нравственными принципами. Оказывается, что крестьяне легко поддаются «соблазну воровства, обмана, притворства, излишеств, разврата; право торговать пивом и другими спиртными напитками только способствует развитию убийств и других преступлений». Кто бы мог указать пример похищения свободы и прав, порабощения и эксплуатации, которые не мотивировались бы нравственными принципами?

То же, что с корчмами, было и с мельницами. Барон отводил под мельницу участок земли, за пользование которым мельник должен был обслуживать нужды имения. Плату за помол с чужих крестьян иногда брало себе имение, иногда же мельник оставлял ее себе и платил помещику аренду, или давал определенное число откормленных свиней, «мельничных боровов».

*) На 87-й странице кадастра читаем: «каждый двор держит корчму», и на 54-й странице: «крестьяне платят один талер «пивных денег», за что им разрешается свободно торговать пивом».

Читателю должно быть ясно, что положение корчмарей и мельников и их отношения к барону были во многом сходны с положением рыбаков. Но все эти три вида крестьян сильно разнятся от податного крестьянства. Они не несут барщины, а только платят определенный оброк и находятся от барона в чисто торговой зависимости. Были ли они лично свободными людьми или крепостными, различие от этого не исчезало.

Управляющие имениями за свою помощь в деле эксплуатации крестьян получали в свое пользование крестьянский двор. Содержание управляющего крестьяне должны были покрывать особым налогом. Он взимался как деньгами (со двора 6 шиллингов), так и хлебом (со двора 1½ пуря ячменя), а также в других видах («с молодых ягнят, телят, козлят—8 копеек, с жеребят—12 копеек. . .»). Писарь также получал от каждого крестьянина особую «письменную подать»: ко дню св. Михаила каждый дворохозяин, у которого работало два батрака, давал писарю 6 шиллингов (24 копейки); зимой каждый дворохозяин уплачивал писарю еще 6 шиллингов.

Наемных рабочих в имениях не было. Все работы по обработке помещичьей земли исполнялись барщинниками.

Лакеи, повара и кучера жили в имении и получали содержание и жалование от барона. Они занимали то место, которое раньше занимали военнопленные и купленные рабы, ибо на пороге XVII столетия таких личных рабов уже не существовало. Нельзя, однако, утверждать, что рабы исчезли потому, что им были предоставлены более льготные социальные права. Нам кажется, что они исчезли вследствие того, что все крестьяне на деле превратились в рабов.

ГЛАВА VII.

Земледелие в начале XVII столетия.

Земледельческая техника и скотоводство.

Прежде чем перейти к рассмотрению положения крестьян во время шведского господства, необходимо вкратце описать хозяйственный строй эпохи, так как способ приобретения средств потребления, это — то основание, на котором строится и зиждится общественный строй. Условия хозяйства и его методы это — ключ, которым раскрывается сущность общественных отношений и исторических фактов.

О положении крестьян в Прибалтике, особенно в Лифляндии, в начале XVII столетия говорят многие хорошие источники. Важнейшими из них я считаю поучение крестьянам, составленное пастором Соломоном Губертом⁷³). Из этого сочинения видно, что земледелие того времени имело целью, по преимуществу, производство ржи и овса. Лишь в редких случаях на очень хорошей земле сеяли ячмень и пшеницу, Производство спирта и откармливание крупного скота были неизвестны. Производство льна составляло побочное занятие.

Крестьяне вели свое хозяйство по трехпольной системе, при чем вырубка лесов и возделывание новых полей составляли важнейший вид земледельческого труда. С этого Губерт и начинает вторую часть своей книги «О земледельческих работах». Поле обрабатывалось три-четыре года подряд, а потом бросалось, и только по истечении лет двадцати, когда оно успевало уже порости деревьями и кустарником, оно вновь бралось под пашню. Летописцы Кельх и Олеарий жалуются, что таким образом истреблялись лучшие леса.

Земледельческая техника была крайне проста. Вместо сохи или плуга все еще употреблялся ствол ели с заостренным корнем. К такой ели припрягались лошади (у эстонцев — волы) и с большими усилиями разрыхлялась почва. Бороны отличались своим разнообразием. Однако, для хорошей почвы лучшей боронной считался куст можжевельника, к верхушке которого припрягалась лошадь. Собранный хлеб оставался на поле до молотбы. Рожь клалась в стоги по 100 — 300 снопов в каждый, овес и ячмень сохранялись в скирдах.

Коровы были малорослые и давали мало молока. Конюшни были с низкими потолками и совершенно темные. Кони и жеребята, о которых много поется в народных песнях, также отличались небольшим ростом, хотя были очень выносливы. Только так называемые «ломовики» были немного больше. Порода низкорослых овец с грубой шерстью доставляла жителям материал для грубого сукна. В более широких размерах овцеводство не могло применяться из-за большого количества волков, а также потому, что в дождливые лета количество овец сокращалось; осенью, по крайней мере, половина овец шла на мясо. Козы были более распространены, чем в наше время. От них получали хорошее молоко, мясо и кожу. Свиной разводили в довольно широких размерах. По большей части кормили их жолудями и отбросами от варки пива. Однако, порода прибалтийских свиной была мало пригодна на откорм. Свиной были мелкие с длинными ногами и заостренными носами; они бродили на свободе и портили дворы, ближайшие поля и луга. Домашняя птица (куры и гуси) были худших пород, и крестьяне держали их только для того, чтобы давать ими взятки священникам, управляющим именьями и т. д. Но в широких размерах крестьяне занимались пчеловодством и садоводством.

Промышленных заведений, за исключением пивоваренных заводов и мельниц, не было почти никаких. В кадастре 1599 года упоминается не больше двух-трех промышленных заведений: пара лесопилен и несколько заведений для изготовления кирпича и дегтя.

Само собой разумеется, что при таких условиях жизнь помещиков также не отличалась особой роскошью. Жилые помещичьи дома строились из простых неотесанных бревен с соломенными крышами и без дымовых труб. Из этого легко заключить, какой невзрачный вид имели избы крестьян.

Как выше было указано, крестьяне находились в полной зависимости от своих помещиков, а барщина и оброк составляли единственный источник доходов последних.

Поэтому барщину постоянно увеличивали, не считаясь ни с какими границами. Но при вышеописанных технических условиях земледелия земледельческий труд был настолько непродуцительен, что несмотря на сравнительную высоту барщины и оброка, посевная площадь имений и их урожай едва ли составляли третью часть крестьянских посевов и урожая. Иначе говоря, две трети всего урожая, который мог быть собран крестьянами, были необходимы для них самих, и только третья часть попадала в руки помещиков-эксплоататоров. В наше время с таким положением не помирится бы ни один капиталист.

Даже в ту пору, когда Лифляндия считалась житницей Швеции, ее урожай (по сведениям Гагемейстера) составлял всего 1.340.000 пур. В начале XIX столетия население удвоилось, хлеба

**Урожай и цены на
земледельческие
продукты.**

же производилось уже 4.700.000 пур, т.-е. почти вчетверо больше. В 1688 году на каждого крестьянина приходилось по статистике только 21,5 пур урожая и одна корова. В 1829 году на одного крестьянина причиталось уже 39 пур хлеба и 2 коровы.

Я указываю на это потому, что наши ученые, как, например, наш пастор, статистик и доктор К. Баллод *) в своей полемике против газеты «Dienas Lapa» **) утверждал, что производительность труда в земледелии почти не увеличивается.

Весьма интересно также рассмотреть цены на сельскохозяйственные продукты. Гадебушем составлен список цен на хлеб по городу Юрьеву за несколько лет, при рассмотрении коих бросается в глаза их полная неустойчивость. Так, например, одна пура ржи в Юрьеве стоила:

в 1600 году—	54	копейки.
» 1601	» — 260	» (голодный год).
» 1604	» — 50	»
» 1605	» — 43	»
» 1660	» — 87	»
» 1685	» — 70	»
» 1690	» — 40	»
» 1696	» — 120	»
» 1700	» — 45	»

Пура овса:

в 1600 году—	45	копеек.
» 1685	» — 70	»
» 1696	» — 50	»
» 1700	» — 26	»

Пура ячменя:

в 1696 году—	80	копеек.
» 1700	» — 35	»

Причину такой неустойчивости в ценах надо искать в плохом состоянии дорог и отсутствии средств сообщения. Если в каком-либо уезде урожай хлебов был хороший, то там хлеб почти ничего не стоил, между тем как на расстоянии верст 200, где хлеб по причине засухи или града не удался, была невероятная дороговизна и голод.

Развитию средств сообщения препятствовали также привилегии, которые вытекали из тогдашнего общественного строя. Приведу только один пример: 18 апреля 1589 года польский

*) К. Баллод — ренегат марксизма, ныне профессор рижского университета. Прим. переводчика.

**) «Dienas Lapa» — латышская социал-демократическая газета девятидесятых годов прошлого столетия. Прим. переводчика.

король, при утверждении Готгарда Кетлера герцогом курляндским, отдал ему левый берег Западной Двины. Город Рига усмотрел в этом опасность для себя: курляндские герцоги, пользуясь своей властью, могли бы препятствовать судоходству по Западной Двине или, по крайней мере, обложить его большими пошлинами. Поэтому Рига протестовала против передачи левого берега реки курляндскому герцогу, при чем указывала на существующее «беззаконие»: в Либаве и Виндаве также были открыты порты, что являлась якобы прямым нарушением старинных прав Риги⁷¹).

Король нашел жалобу Риги вполне основательной и запретил ввоз и вывоз товаров через Либавскую и Виндавскую гавани. И позднее, когда рижане конфисковали одно судно, груженое дегтем, польский король нашел этот поступок вполне правильным. Таким образом, курляндцы были лишены возможности покупать что-либо за границей или продавать туда свой товар, помимо посредничества рижских купцов. Столь благосклонное отношение короля к Риге за счет Курляндии объясняется тем, что с кораблей, входящих в Рижскую гавань, польское правительство взимало определенный таможенный налог, который сильно сократился бы, если бы Курляндия получила возможность торговать через свои гавани. Правда, в 1605 году Рига заключила договор с курляндским герцогом Фридрихом, по которому она отказывалась от монопольных прав на заграничную торговлю в пользу Виндавы и Либавы.

21 октября 1615 года Рига заключила новый договор с курляндским герцогом, по которому спорный вопрос разрешался следующим образом: курляндские герцоги отказывались от права торгового судоходства по Западной Двине, но зато получили право ежегодно привозить в Ригу и беспошлинно продавать там по 200 ластов ржи, шерсти и сукна; кроме того, герцогам разрешалось закупать для себя и своего двора у рижских граждан или непосредственно с кораблей все для себя необходимое. Курляндские помещики получили разрешение на ввоз в Ригу своих земледельческих продуктов, но были обязаны продавать все это до Троицына дня рижским горожанам, а все необходимое для себя закупать на июньской ярмарке в Риге. На расстоянии двух миль вокруг города были запрещены варка и продажа пива. Крестьянам было запрещено заниматься «незаконной» торговлей (*verfängliche Kaufmannschaft*). Таможни в Митаве и Бауске были сохранены. Гавани в Либаве и Виндаве считались открытыми; однако, было запрещено вывозить через них яровые хлеба и другие продукты питания.

При таких условиях денежное хозяйство не могло развиваться; и, действительно, мы видим, что распространенное раньше во всей Прибалтике денежное хозяйство мало-по-малу было вытеснено натуральным. Даже все ремесленные работы исполнялись в имениях крепостными. Принимая это во внимание, нам

станет понятен тот ужас, который охватил всех крестьян, когда польский король Стефан Баторий предложил ввести, вместо барщины, оброк и вместо телесного наказания — штраф (предполагалось облегчение крепостного права). Крестьяне единодушно просили короля «смиловаться и оставить все по-старому». Они соглашались на телесные наказания, как их предки, и были готовы служить своим господам, как служили их отцы и деды. Когда королю без всяких объяснений передали просьбу крестьян, он воскликнул: «Рабы души не могут жить без кнута» (*Phryges plagis emendantur*). На самом же деле просьба крестьян имела серьезные основания: доставать деньги было чрезвычайно трудно; помещики были до них чрезвычайно жадны; можно было ясно предвидеть, что при замене барщины и телесных наказаний денежными штрафами и оброками крестьяне будут принуждены продать последнее, но даже и тогда не сумеют выйти из долгов.

Делается смешно, когда слышишь, что даже современные буржуазные историки приводят эту просьбу крестьян как курьез, в котором якобы обнаруживается жалкая психология крепостных крестьян. Это происходит от того, что эти господа объясняют исторические события наряду с мыслями и чувствами людей как выражение их личного духовного склада, а не как результат и следствие хозяйственных условий, под влиянием которых сложились эти мысли и чувства и произошли те или иные события.

ГЛАВА VIII.

Шведская эпоха.

Попытка польского правительства улучшить положение латышских крестьян.

Мы уже указывали выше причины, побудившие лифляндских помещиков восстать против польского господства и вступить в дружбу с врагом Польши—Швецией. Это событие ускорило еще тем, что в 1579 г. польский король Сигизмунд послал в Ригу комиссию с целью проверки права собственности на занятые помещиками имения и ознакомления с положением крестьян*).

Интерес польского правительства к положению крестьян проистекал из того, что во многих местах крестьяне, придавленные чрезмерной барщиной и налогами, часто восставали. Для того, чтобы подавить эти восстания и сломить дух непокорности, крестьянам было запрещено носить оружие (*quod rustici arma non ferant*). Но это мало помогало, и, как рассказывает летописец Кельх, уже в 1586 году Пекославский, Мариенбургский и Сандомирский воевода, предложил помещикам установить более гуманное отношение к крестьянам. Дворянство отклонило предложение правительства, ссылаясь на свои «отеческие заботы о крестьянах». Спустя 10 лет комиссия, назначенная Сигизмундом, принялась за дело серьезнее; она урегулировала крестьянские подати и барщину в казенных имениях и строго запретила чиновникам препятствовать свободной торговле крестьян продуктами своего труда. Помещики должны были следовать примеру правительства; в 1595 году состоялось постановление ландтага не препятствовать под порукою «дворянской чести» (что, конечно, имело мало значения) и в согласии со старинными обычаями и правами страны крестьянам свободно вывозить в города свои продукты и покупать там все необходимое по уплате всех оброков и податей. Сами помещики обязались не торговать в имениях и в корчмах хлебом и другими земледельческими продуктами, за исключением тех, которые

*) См. М. В. Довнар-Запольский. «К истории земельной реформы в Лифляндии 1588—1592» (статья в «Трудах X археологического съезда в Риге в 1896 г.» Москва, 1900).

Прим. переводчика.

произведены в их же хозяйстве. Они обязались также запретить подобную торговлю своим слугам и управляющим. Нарушивший эти постановления подвергался штрафу в 1.000 гульденов.

Польская комиссия, однако, начала сомневаться в подлинности «привилегий Сигизмунда - Августа» и собралась уже проверить, по какому праву помещики владеют своими имениями и участками земли. Этого оказалось достаточно, чтобы «вечно верные защитники трона и слуги короля» положили свою «верность» у ног врага своего короля — короля Швеции. Дворянство везде и всегда «верно» трону и монарху, меняются только правительства и троны, которые опираются на эту «вечную верность».

Пропозиция шведского правительства.

Швеция — единственное государство в Европе, которое не знало крепостного права. Шведские крестьяне представляли из себя свободный класс населения, имевший представителей в государственном сейме; на крестьянство нередко опиралось правительство в своей борьбе против «верной опоры трона» — дворянства. Естественно, что Швеция пыталась вводить свои порядки в тех провинциях, которые к ней присоединялись.

В пропозиции, состоящей из 13-ти пунктов и подписанной герцогом Карлом в городе Ревеле 20 мая 1601 года, находятся предложения для разных классов лифляндского населения, против которых всеми силами восстало прибалтийское дворянство. Так, например, третий пункт пропозиции предлагает, чтобы для участия в совещаниях в Стокгольме о полном воссоединении Лифляндии с Швецией были выбраны представители от разных классов населения. Исполнение предписания было связано с посылкой в Стокгольм полноправных представителей крестьянства. Во избежание этого, лифляндское дворянство в своем ответе от 28 мая 1601 года указывает на «опасности далекого пути из Риги в Стокгольм», а также на то обстоятельство, что герцог Карл, «наш господин и глава», в то время находился в Ревеле, и потому можно было все вопросы решить на месте (одним словом, втихомолку, частным договором между шведским монархом и лифляндским дворянством, без участия представителей населения страны).

Четвертый пункт пропозиции предлагает дворянам и остальным общественным классам принимать участие и оказывать помощь при основании церквей, академий, школ и больниц в том виде, который будет указан шведским правительством. В своем ответе дворянство, щедро рассыпая священные латинские тексты, говорило, что в Лифляндии и так много монастырей и богоугодных заведений, и надо только отобрать их у католиков, а для их содержания, особенно если бы правительство помогло отремонтировать церкви, хватило бы имеющихся средств. Весь смысл

этого ответа заключался в том, чтобы отстранить крестьян от участия в содержании школ и церквей, а следовательно, также и от участия в управлении ими.

Пятый пункт королевской пропозиции гласит: «Помещичьим крестьянам, как и всем группам местного населения, нужно обеспечить право и возможность посылать своих детей в школу и учить их ремеслам, которые оказались бы полезными для страны. Если у крестьянина больше сыновей, чем он может содержать, надо дозволить им выбрать тот род занятий, какой им нравится, так как у христиан не принято держать человека в рабстве, и в христианском обществе последнее уже несколько десятков лет тому назад изжито».

Лифляндские бароны пришли в ужас от этих предложений правительства. Такие предложения не отличаются новизной, говорят они в своем ответе. Еще польский король Стефан вскоре после покорения Лифляндии, оторвав ее от Москвы, сделал предложение, почти тождественное шведской пропозиции, а за несколько лет до этого польским правительством была послана в Ригу с этою целью особая комиссия. Но высокое дворянство и рыцарство, ссылаясь на исторические факты и свои старые привилегии, умело в таких случаях дать ответ, вполне успокаивающий правительство. Доказательством тому, что прибалтийские крестьяне по своей природе не хотели и не могли жить свободными, бароны в своем ответном письме приводят анекдот о том, как «крестьяне упрашивали короля Стефана не отнимать у них кнута и рабства, под которыми счастливо жили их отцы и деды». Однако, если бы среди крестьян оказались люди «лучшей природы», то таких помещик в частном порядке мог бы освободить и разрешить им занятия, полезные для страны. Таким образом, была бы оказана помощь достойным людям из крестьян, а вместе с тем, права и привилегии дворян не подвергались бы ограничениям.

В 11 пункте своей пропозиции герцог Карл говорит, что он слышал немало жалоб по поводу несправедливости и насилия над крестьянами, но никогда еще не слышал, чтобы эти жалобы разбирались. Желая, чтобы права крестьян защищались совершенно так же, как права других жителей, он требует, чтобы в этом отношении был введен строгий порядок, согласно шведским законам, или же по таким положениям, которые могли бы быть признаны справедливыми и подходящими. На это лифляндские помещики, воспевая существующий в Лифляндии порядок судопроизводства, отвечали: «Если крестьянин совершил преступление против своего помещика или другого лица, то он привлекается к суду, при чем устанавливается срок явки его и приглашенных им свидетелей. К тому же сроку приглашаются трое или четверо крестьянских старейшин, которые являются судьями (*Rechtfinder*). Если дело носит гражданский характер, то судьи, допросив свидетелей обеих сторон, выносят

свое заключение... Если же дело носит уголовный характер, то помимо названных судей, в его разбирательстве участвуют три помещика, давшие присягу и утвержденные в своих правах правительством. Если крестьянские судьи выносят правильный приговор, то он остается в силе. Но если участники-помещики находят приговор несправедливым, то они имеют право, смотря по обстоятельствам, смягчить или повысить наказание так, чтобы ни одна из сторон не имела основания жаловаться».

Далее мы еще вернемся к этому вопросу; теперь же отметим только, что, несмотря на то, что на бумаге такие правила действительно существовали, на практике они нигде не применялись. Об этом свидетельствует сборник законов Давида Гильхена (David Hilcher. «Land-Rechts-Entwurf»), изданный приблизительно в 1599 году, где говорится: «несмотря на то, что помещики имеют неограниченную власть над своими крестьянами, однако, для того, чтобы помещики не злоупотребляли своей властью, устанавливается: если происходит спор между своим крестьянином и чужим, то помещик может единолично разобрать дело и вынести приговор. Но если имеется уголовное дело между помещиком и крестьянином, то помещик не имеет права выносить приговор без участия других помещиков *)».

О судьях из крестьян в законах Гильхена нет речи; очевидно, они во время польского владычества уже вывелись. Однако, надо запомнить, что Гильхеном включено в его сборник, по преимуществу, то, что нравилось помещикам, несмотря на то, что фактически власть помещиков так далеко не распространялась. Например, Гильхен говорит о правах собственности у крестьян следующее: «крепостной крестьянин и его потомки принадлежат помещику, как и их собственность, которая не может без ведома помещика быть продана»... На самом деле даже при польском господстве дело до этого не доходило. Движимое имущество крестьян всегда было их полной собственностью. Но об этом будет речь в дальнейшем. Теперь вернемся к реформам шведского правительства, предпринимавшимся с целью улучшения положения прибалтийских крестьян.

Шведские реформы. Из ответа, данного шведскому правительству лифляндским дворянством на предложение о реформах, читатель легко может понять, какое сильное противодействие встретило шведское правительство в Прибалтике. При этом надо иметь в виду, что война с Польшей еще не была окончена. Она продолжалась до 1629 г., когда был заключен мирный договор в Альтмарке, по которому вся Лифляндия была объявлена шведской провинцией. Во время

*) В 1598 г. была назначена особая комиссия из польских чиновников и некоторых лифляндцев для составления лифляндского земского права (jus terrestre). Комиссия избрала редактором королевского секретаря нотариуса Венденского земского суда Давида Гильхена; последним и был составлен указанный сборник. Прим. переводчика.

войны шведскому правительству было невозможно сломить сопротивление лифляндского дворянства. Волей-неволей Швеция должна была мириться с рабством лифляндских крестьян и, не затрагивая основ крепостного права, улучшать положение последних при помощи хозяйственных реформ. К ним-то шведское правительство и приступило.

В первую очередь шведское правительство озаботилось о том, чтобы привести барщину и налоги в соответствие с площадью пахотной земли и ее плодородием. В начале этой книги мы указывали, что в каждой отдельной деревне земельные участки крестьян были равны и что во всех полях у каждого двора был участок земли, который назывался сохой. Площадь этих участков никогда не измерялась. При уничтожении волостных порядков и округлении имений прежние сохи сошли со сцены, но слово осталось для определения количества земли, которое принадлежало одному двору. Крестьянские участки в это время уже были неодинаковы, площадь сохи была крайне разнообразна. В XVI веке в Лифляндии были распространены 5 различных видов сохи, по которой определялась крестьянская земля и, в соответствии с этим, барщина и оброк: Гермейстерская соха величиной в 177 бочечных-мест*), большая польская соха—120 бочечных-мест, плеттенбергская соха—96, архиепископская соха—66 и маленькая немецкая соха—30 бочечных-мест. В 1561 году к этому числу прибавилась еще 6-я «нормальная соха Сигизмунда-Августа», которая равнялась 180 бочечным-местам. Шведскому правительству, возможно, что не столько из-за сочувствия к крестьянам, сколько из желания создать определенный критерий, которым можно было бы руководиться при взимании налогов, хотелось уничтожить это разнообразие сох. 22 марта 1630 года (следовательно, вскоре после Альтмаркского мира) шведский король Густав-Адольф распорядился назначить ревизию для осмотра крестьянских земель с целью определения их площади и плодородия и составления подробного списка крестьянских повинностей в пользу помещиков. Однако, эта ревизия была произведена только в Рижском и Юрьевском уездах, и то не на всей их территории⁷⁵⁾. В 1636 году было предпринято составление нового кадастра, задачами коего явились: 1) определение количества повинностей каждого крестьянского двора в пользу помещика и 2) проверка права собственности, по которому помещики пользовались своими именьями. Работы этой комиссии продолжались до 1641 года. По постановлениям этой комиссии вводились так называемые «волостные книги» (вакенбухи), которые в значительной степени упорядочивали барщину и подати, указывая норму последних, сверх

*) Бочечное-место (также «тонштель») — площадь пахотной земли, равная $1\frac{2}{3}$ пурного-места, или 0,47 десятины, или 0,52 гектара.

Прим. переводчика.

которой барон не имел права требовать. Однако, окончательно упорядочить это дело удалось только королю, Карлу XI в восьмидесятих годах XVII столетия.

Прежде чем перейти к реформам Карла XI, остановимся на тех замечательных крестьянских реформах, которые были введены Густавом-Адольфом сейчас же после заключения Альтмаркского договора.

В 1629 году было издано постановление, чтобы в основанные шведским правительством гимназии принимали также и крестьянских детей. В 1630 г. были определены дни в неделе, когда крестьяне могли беспрепятственно отвозить свои хлебные продукты в город для продажи. В 1632 году был издан приказ ⁷⁶⁾, по которому помещики лишались права судить своих крестьян за уголовные преступления. Способы «отеческого внушения», правда, все еще оставались привилегией помещиков, однако, крестьяне получили право жаловаться на своих помещиков в верховный (замковый) суд (Hofgericht).

Положение крестьян во время господства шведов. Беглые крестьяне.

Все эти реформы, без сомнения, в сильной степени улучшили положение прибалтийских крестьян в юридическом смысле. Однако, Густав-Адольф не решился на полное уничтожение крепостного права. Даже в том же постановлении от 1 февраля 1632 года (23 пункт) крепостное право прямо подтверждается; этим пунктом устанавливается, что беглые крестьяне возвращаются своим помещикам по требованию последних. Если тот, у кого находится беглый крестьянин, не соглашается вернуть его, то собственник беглого имеет право по суду требовать возвращения своей собственности.

При потомках Густава-Адольфа власть помещиков сильно укрепилась в Швеции, а вместе с тем и в Лифляндии. Наивысшей степени крепостное право достигло во время малолетства Карла XI, когда государством управляли его опекуны. В это время (1668 г.) для Лифляндии были изданы новые законы, по которым можно судить о современном положении крестьян.

По этим законам крепостным считается родившийся от законного брака крепостного отца или вне брака от крепостной матери; переходящий жить на помещичью землю становится крепостным того барона, на земле которого он остановился и развел огонь. Всякий чужой крестьянин делается крепостным того помещика, на земле которого у него родились дети.

«Чужими» считали крестьян не-лифляндцев, т.-е. таких, которые пришли из Курляндии или Литвы. Если лифляндский крепостной переходил на землю другого помещика, то последний в течение 3 месяцев должен был известить прежнего помещика о его местонахождении. Прежний помещик, в свою очередь, в течение 3 месяцев имел право требовать возвращения крестьянина. Если он этим правом не воспользовался, то терял

все свои права на беглого крестьянина, и последний делался крепостным того, на чьей земле он остановился.

Если крепостной с разрешения своего господина в течение 10 лет проживал на чужой территории, то он превращался в крепостного того помещика, землей которого он пользовался. Но если он все эти годы прожил батраком или бобылем, то прежний помещик имел право требовать его возвращения.

Если крепостной «по бедности или дружбе» отдавал своего сына на воспитание крепостному чужого помещика, то такой «воспитанник» оставался до своей свадьбы на земле того помещика, где он вырос, и только после свадьбы можно было требовать его возвращения. Мальчик, найденный на дороге или отданный отцом-нищим, босяком или рижским рабочим (Rigischer Handarbeiter) на воспитание крепостному, становился крепостным того помещика, на земле которого он вырос.

При возвращении крепостных и их переходе от одного помещика к другому к последнему переходили и все их дети, родившиеся от законного брака.

Если крепостной женился на вдове, крепостной чужого помещика, то его помещик имел право требовать его возвращения вместе с женой, детьми и личным имуществом как его, так и его жены. Дети вдовы по первому браку и остальное имущество оставались у прежнего помещика вдовы.

При возвращении беглого крестьянина к своему помещику вместе с ним возвращалось и все приобретенное имущество. Но прежде всего он должен был вернуть новому помещику весь свой долг и все взятое имущество. Если подлежащим выдаче беглым крестьянином были засеяны поля, то он имел право собрать урожай, но должен был уплатить все налоги и подати казне и помещику.

Если помещик, к которому бежал чужой крепостной, в течение 3 месяцев не извещал о том прежнего помещика, то он подлежал штрафу в 50 талеров*). Если по требованию прежнего помещика в течение следующих 3 месяцев беглец не был возвращен, или он в это время бежал снова, то новый помещик платил первому 100 талеров в возмещение убытков или заменял его другим таким же крестьянином.

Из этих положений видно, что крестьяне, действительно, были прикреплены к земле, но при известных условиях помещик имел право отрывать их от последней и отдавать другому помещику—взамен хотя бы, например, беглого крестьянина. Крепостное право, следовательно, было широко развито, но крестьяне обладали все еще ничем не ограниченным правом частной собственности на свое личное имущество. Помимо того, как читатель уже знает, помещики со времен

---

*) Талер (как денежная единица) может быть приравнен к 1 р. 30 к.
Прим. переводчика.

Густава-Адольфа были лишены права судить крестьян, а крестьяне имели право жаловаться на своего помещика в суд за причиненные обиды.

Корни шведской политики.

Положение крестьян особенно улучшилось при Карле XI, когда в Швеции и в Прибалтике издавались один за другим законы и вводились реформы, направленные на улучшение положения крестьян и на сокращение произвола помещиков. Однако, все эти законы и реформы проводились не из сентиментального чувства или ради каких-то высоких идеалов и принципов права, а диктовались шведскому правительству ходом экономического развития страны.

Это экономическое положение вкратце было таково. Когда, в середине XVI столетия, было свергнуто датское господство и шведским королем сделался Густав Ваза, страна и весь народ находились в полной нищете. Тем большим богатством отличалось католическое духовенство. Это принудило Густава Вазу принять лютеранство. Как лютеранин, он мог прогнать из страны католическое духовенство и присвоить себе его богатства. Но он должен был поделиться своей добычей с дворянством, так как города были еще мало развиты: им принадлежали всего навсего несколько небольших судов каботажного плавания, от которых Густав Ваза не мог ожидать никакой помощи. Ко времени смерти Густава Вазы (1560 г.) у шведов в Прибалтийском море было всего 62 судна. Следовательно, морские силы Швеции были очень слабы, и она не могла стремиться к господству над Балтийским морем.

До сего времени на Балтийском море царила Ганза*). Но ганзейский союз городов уже сыграл свою историческую роль и должен был сойти со сцены. Исторической обязанностью Ганзы было обеспечение свободной торговли в Балтийском море и устройство безопасных сообщений. Достижение этой цели требовало многих жертв, и союз городов мог приносить их только в том случае, если он был обеспечен торговыми привилегиями и монопольными правами. Последние, конечно, стесняли общее развитие торговли. Но пока Ганза выполняла свои тяжелые исторические обязанности, до тех пор все это можно было терпеть. Но как только историческая роль Ганзы была сыграна, и торговые сношения по Балтийскому морю установились, тотчас же со всех сторон поднялись голоса против незаконных ганзейских привилегий, и последние должны были отпасть.

Естественной наследницей, к которой перешло господство над Балтийским морем, была Швеция, и наряду с развитием ее судоходства неизмеримо быстро развилась и ее торговля. Уже

---

*) Ганза—торговый союз германских городов; его целью было обеспечение торговых сношений главным образом на море.

Прим. переводчика.

при наследнике Густава Вазы, его сыне Карле IX, могущество городов возросло настолько, что дворянство не являлось уже единственной силой, от которой можно было ожидать помощи и благополучия. Поэтому короли и их правительства склонились в сторону горожан, а те, в свою очередь, стали искать поддержки у обширного класса крестьян. При помощи этих двух классов и в их интересах король с удивительной прямолинейностью ломал рога дворянству, чтобы укреплять таким образом свою власть. В этом заключаются причины, по которым герцог Зудерландии (впоследствии шведский король Карл IX) предложил прибалтийскому дворянству, так сказать, при первом их знакомстве, пункты своих пропозиций о новых реформах и законах.

Его сын, Густав-Адольф, победил врагов Швеции и присоединил к своему государству большие участки земли, принадлежавшей раньше русским, полякам и пруссакам. Чтобы укрепить шведское господство над Балтийским морем, он взял на себя роль главы протестанства и вмешался в тридцатилетнюю войну. Ведя многочисленные войны, он нуждался в сочувствии дворян, чтобы организовать сильное войско. Помещики, интересы которых и в мирное время по преимуществу были поглощены охотой, коннозаводством и делами по управлению имениями, как военачальники были более ценны, чем горожане. Поэтому Густав-Адольф, хотя и основывал школы, допуская в них обучение крестьянских детей, и старался превратить крестьянина в сознательного человека, так как только такие и могли быть хорошими солдатами, — однако, не посмел уничтожить дворянские привилегии. В самой Швеции он их даже расширил.

Во время царствования дочери Густава-Адольфа, Христины, войны продолжались. Швеция приобрела большие пространства земли, а власть дворянства, по указанным выше причинам, возросла. Для покрытия громадных военных расходов надо было продавать государственные имения, но покупать их могли только дворяне. Уже Густав-Адольф продал несколько имений, Христина же только в Лифляндии и Эстляндии продала имений на 490.964 талера.

Укрепление дворянского могущества не могло нравиться крестьянам, которые таким образом начинали еще более зависеть от дворянства. Правительство также не могло не чувствовать, что и оно само подпадает постепенно под влияние дворянства. Но главное было в том, что в городах развивался капитализм. Последний по своей природе стремится превратить в товар, между прочим, и землю, как средство производства, и отделить ее от непосредственного производителя. Маркс, разбирая вопрос о первичном накоплении, рисует картину этого процесса в Англии. Тот же капитал в процессе своего первичного накопления являлся важнейшей экономической причиной, которая понуждала шведских го-

родских богачей рука-об-руку со своею экономической основою — крестьянством — поддерживать короля и побуждать последнего к захвату проданных помещикам имений.

О влиянии капитализма на земледелие и на развитие разных видов собственности на землю мы будем говорить далее. Здесь я упомяну об этом лишь вкратце. Если казна, при продаже имений, имела возможность предлагать свои имения только дворянам, то, само собой понятно, что из-за отсутствия конкуренции между покупателями их приходилось продавать дешево. Между тем, было уже много горожан с толстыми кошельками, которые имели возможность и желание арендовать казенные имения и завести в них хозяйство на капиталистических началах.

Вот почему шведский риксдаг уже 28 июня 1655 года решил сократить число имений, которыми пользовались помещики по праву аллодифиций, и постановил сдавать их в аренду с торгов *).

Проверка земельных прав дворянства. Пока Швеция вела непрерывные войны работы по редукции (возвращение казне имений) шли медленно. Только в семидесятых годах XVII столетия дело начало быстрыми шагами подвигаться вперед. За годы 1673—1680 в Швеции подверглись редукции имения на общую сумму арендной платы в 203.010 талеров.

В 1680 году шведский риксдаг решил применить редукции к аллодифициям и в Лифляндии. При этом правительство хотело приступить к проверке прав лифляндского дворянства на владение своими имениями за все время, начиная с орденского периода. Все имения, принадлежавшие когда-то архиепископам, епископам, ордену и королю и находившиеся во владении помещиков, подлежали редукции, т.-е. должны были быть признаны казенной собственностью (чем они на самом деле и были) и сданы в аренду с торгов. Об этом говорится в королевской пропозиции, подписанной 27 апреля 1681 года. Однако, эта горькая для дворянства пилюля подверглась некоторому озолочению: лифляндский губернатор Лихтон представил ландтагу следующие принципы, на основании которых король хотел провести редукции: 1) имения, на которые помещики приобрели свои права при шведской власти, не подлежат редукции; правительство не остановится лишь перед тем, чтобы проверить право собственности на них; 2) из тех имений, которые подарены шведским правительством, подвергаются редукции только принадлежавшие ранее казне; 3) аллодифицированные имения казна выкупает и 4) помимо этих, предполагаются еще и другие льготы.

Несмотря на все эти льготы, помещики изо всех сил противились такому шагу правительства; генерал-губернатор,

*) См. выше стр. 74.

как верный слуга короля, был принужден даже пригрозить экзекуцией, т.-е. приведением в исполнение решения насильно, при помощи солдат.

Если бы проверка дворянских прав произошла, то к казне отошло бы пять шестых всех лифляндских имений, — говоря же более точным языком, это выразилось бы в следующих цифрах: в Лифляндии из 6.236 сох пахотной земли к казне отошло бы 5.215, аренда коих приносила, по тем временам, колоссальный доход в 543.000 талеров ежегодно.

Ослабление крепостного права. Вместе с приказанием о ревизии и редукции всех имений, находившихся в пользовании дворян без достаточных оснований, Карл XI предложил лифляндскому дворянству совершенно отменить «некрасивое рабство и крепостное право», которое сохранилось якобы в Прибалтике с темных времен язычества. Король выражал мнение, что крепостное право мешает не только правильному судопроизводству и добрым христианским нравам, но отнимает также у крестьян всякую охоту к хозяйству и любовь к земле (королевская пропозиция от 27 апреля 1681 г., п. 3).

В ответе на королевскую пропозицию дворянство затянуло свою старую песню о неспособности и отсутствии у крестьян желания к свободной жизни. Оно еще раз привело анекдот с королем Стефаном, указывало, что от свободы произойдут только «неподчинение, преступления, убийства, кровопролитие, хозяйственный и моральный упадок страны и разруха».

Сопротивление помещиков и равнодушие самих крестьян заставили шведское правительство временно оставить крепостное право в силе и попытаться лишь несколько улучшить положение крестьян экономическими реформами.

Вместе с тем, для того, чтобы вычислить прибыль, которую получила бы казна в случае редукции части лифляндских имений, и установить вместе с тем уровень арендной платы, шведское правительство взялось за составление подробных кадастров. При этом поступали следующим образом: правительственные чиновники личными опросами жителей каждого двора устанавливали название каждого данного двора (усадыбы), к какому приходу и волости он принадлежит, как велик участок земли, сколько жителей и какой оброк и барщину несут крестьяне своему помещику. Помимо этого переписывался весь инвентарь и скот, и определялся уровень зажиточности и платежеспособности хозяина. Вся барщина, подати и налоги исчислялись в деньгах, общая их сумма делилась на 60 талеров (каждый = 90 грошей, грош = 112 долей). Полученный таким образом результат назывался «сохой». Таким образом, при Карле XI крестьянской «сохой» назывался такой участок пахотной земли, за пользование которым хозяин платил помещику 60 талеров в год, при чем в эту сумму включены все подати и барщина

деньгами и натурой*). После того, как все хозяйства данного прихода подверглись ревизии, и число сох в каждом хозяйстве было определено, правительство взялось за равномерное разложение всей барщины и податей на все дворы, считаясь с площадью земли и ее плодородием. Если дворохозяин до сих пор нес барщину и подати несоразмерно высокие или низкие, то либо последние подвергались уменьшению или увеличению, либо прирезывалась или уменьшалась земля. При этом наблюдалось, чтобы число сох каждого двора было кратно восьми, и чтобы ни один двор не был меньше $\frac{1}{8}$ сохи.

Упорядоченная таким образом крестьянская собственность, как и соответствующая барщина, записывалась в особых волостных книгах (вакенбухах), и два губернатора (рижский и юрьевский), подчиненные генерал-губернатору, следили за тем, чтобы условия, записанные в волостных книгах, не нарушались. Каждый дворохозяин получал от имени особую книжку, где были записаны все налоги и барщина, которые дожились на данный двор, и где отмечалось все, что отработано и уплочено. Помещик имел право следить за тем, чтобы крестьянин хорошо обрабатывал свой участок земли и содержал в порядке свои здания, а также и за тем, чтобы он не продавал или не отдавал в аренду свой двор. Но выселить его из дому помещик не мог. Если крестьянин впадал в такую нищету, что не мог больше вести хозяйство, то только губернатор имел право вселить на его место другого крестьянина. Если же дворохозяин умирал, то помещик не имел права, без ведома губернатора и его разрешения, отдать дом другому. Крестьянин не имел права собственности на дом и участок земли, но пока вносил все налоги, дом находился в пользовании у хозяина или у его наследников. Дворохозяин

*) Сложная природа прибалтийских поземельных мер (сохи и талера) требует того, чтобы их еще раз подробно объяснить. Сохой (гакеном), как читатель помнит, до прихода в Прибалтику немцев назывался участок земли, обрабатываемый одной лошадей, одной сохой и одной бороной; о равенстве сох не могло быть и речи (см. стр. 93). Только комиссия шведского короля Карла XI, работавшая с 1683 по 1697 г., внесла некоторый порядок в систему тарификации земли. Стоимость сохи, согласно заключений названной комиссии, получалась следующим образом: бочечное-место или тонштейль (равное 0,47 десятины или 0,52 гектара) пахотной земли высшего качества оценивали в 1 талер (равный приблизительно 1 рублю 30 коп.); талер делился на 90 грошей, грош на 112 долей; та же площадь (бочечное-место) земли II категории оценивалась в 75 грошей, III категории — в 60 грошей и IV — в 45 грошей; таким образом одно бочечное-место земли I категории тарифицировалось вдвое выше той же площади IV категории; как пахотная, так и заброшенная (кустовая) земля делилась на 4 категории, но последняя расценивалась вдвое ниже пахотной; стоимость земли в 60 талеров, полученная в результате вышеописанной тарификации, принималась за годовой доход с капитала в 1.000 талеров и приравнивалась к площади одной сохи или гагена.

нес ответственность за выполнение барщины и внесение податей, но сам на барщину не ездил, а посылал батраков.

При новых порядках состоятельность крестьян стала быстро расти. Правда, новые постановления относились, в первую очередь, к казенным приходам, но, так как пять шестых всех имений и приходов теперь принадлежали казне, то и в частных имениях приходилось вводить подобные порядки, так как иначе все крестьяне из них разбежались бы. Вопрос о крестьянских побегежх обсуждался ландтагом, при чем издавались разные постановления против беглецов, особенно против бобылей, однако, единственным действительным средством удержать крестьян от побегов было — не принуждать их к непомерным оброкам.

Насколько положение крестьян улучшилось при шведском правительстве и его порядках, видно, между прочим, из того, что они опять начали жить в довольстве, как и до русского нашествия и польского господства, а известные лютеранские лицемеры и прибалтийские вельможи стали говорить о непристойности крестьянских пиров. Так, например, генерал-губернатор Клавдий Тотт издал закон о «прожорливых и разорительных крестьянских свадьбах» (*unmäss- und hochschändliche Bauerhochzeiten . . . wodurch wegen grosser Verschwend- und Verprassung die Gaben Gottes nicht wenig durch Frass und Füllerey missbraucht werden*).

Для того же, чтобы прекратить эти «безбожные и обжорливые свадьбы», генерал-губернатор приказал, чтобы крестьянские свадьбы не продолжались более двух дней, при чем староста, судья (*Rechtsfinder*) и крупный дворохозяин (владевший полной «сохой») имели право приглашать на свадьбу не больше шестнадцати пар гостей и выпить не больше восьми бочек пива и четырех штофов водки. Средний дворохозяин (владевший половиной «сохи») имел право приглашать на свадьбу двенадцать пар и выпить не больше шести бочек пива и трех штофов водки. Крестьянин, владевший всего одной восьмою частью сохи, — шесть пар гостей, три бочки пива и три бутылки водки.

Эти ограничения два раза подверглись усилению (1696 и 1697 г.г.), так что под конец крестьяне имели право приглашать только 10 пар гостей и выпивать пива не больше четырех бочек и водки — трех штофов. При этом устанавливалось, что гости не имеют права привозить в подарок спиртных напитков и драгоценных украшений, а только полотенца, перчатки и т. п. При этом надо иметь в виду, что 1695, 1696 и 1697 годы были для Лифляндии крайне малоурожайными. Таким образом, даже три неурожайных года не могли создать голода. И только для того, чтобы крестьяне могли выполнять барщину и подати, им запрещалось держаться разорительных обычаев и справлять роскошные свадьбы.

Правовое положение крестьян в это время было таково: они были прикреплены к земле и не имели права оставлять

свою волю; помещик не имел права выгонять и переселять их на другие места; о продаже или обмене крестьян (на собак и трубки, как это нередко случалось впоследствии) в шведское время не могло быть и речи.

Телесные наказания помещик или его заместитель (староста, управляющий) мог применять только к тем, кто участвовали в помещичьих (барщинных) работах. Но прежде чем применять телесные наказания, необходимо было два раза предупредить непослушного крестьянина; высшею мерою наказания были три пары розог.

Дворохозыев ни помещик, ни его заместитель наказывать не могли. По их преступлениям выносил суждение волостной суд и понятые из крестьян (*unparteiische, bescheidene, т.-е. bescheidwissende Bauern*). Этот суд мог приговорить виновного к штрафу до 20 талеров или к телесному наказанию до 10 пар розог *).

Более важные дела, если они возникали на почве экономических недоразумений, направлялись для разбора к губернатору, а во всех других случаях — в местный суд. Крестьяне со своими жалобами на помещиков и их управляющих обыкновенно обращались к губернатору. Последний разбирал дело сам, если оно носило гражданский характер; дела же уголовные передавал в местный суд (*Landgericht*). Следующей инстанцией после губернатора был генерал-губернатор, а после местного суда — высший местный суд (*Hofgericht*). Если эти инстанции были уже пройдены, то можно было еще подать жалобу на имя короля. Обращаться же прямо к королю, минуя предыдущие инстанции, не разрешалось.

---

*) Юлиус Эккард говорит, что в 1694 году телесные наказания были совершенно отменены, но из каких источников это ему известно, мне установить не удалось.

ГЛАВА IX.

Прибалтийские города в конце XVII века.

Борьба между городами и дворянством из-за права эксплуатировать крестьянство.

Выше нами было отмечено, что мероприятия шведского правительства против помещиков в пользу крестьян отражали интересы городских состоятельных классов. Так нарождающийся капитализм рукою шведского короля стучался в дверь феодализма.

В самой Швеции, где только с зарождением капиталистического строя начался расцвет городов, а городские купцы и богатеи поняли свои интересы, дворянство волей-неволей должно было подчиниться правительственным реформам. Иначе обстояло дело в Прибалтике. Здесь единственным большим городом, игравшим некоторую роль, была Рига. Но Рига достигла своего развития и процветания именно в эпоху феодализма. Феодальный строй управлял жизнью всех прибалтийских городов и местечек.

Правда, интересы купцов и промышленников и в Прибалтике были противоположны интересам помещиков-баронов. Между этими классами происходили все время препирательства, и дело много раз доходило до открытой вражды.

Дворяне жаловались в своих ландтагах, что горожане отнимают у «несчастных крестьян» принадлежащее всем право покупать необходимые предметы на вольном рынке. Они жаловались, что весовщики при городских весах берут в свою пользу с каждого берковца льна по пуду, и что горожане почти силой отбирают у крестьян хлеб, если те не хотят мириться с установленным трехпроцентным увеличением мер.

Купцы, со своей стороны, жаловались на помещиков, которые будто бы не позволяют крестьянам отвозить в город свои продукты, перекупают у них хлеб и другие продукты в корчмах и на этом безмерно наживаются, что является якобы полным беззаконием и противоречит установленным правилам,

согласно которым, хлеб и другие товары скупались у крестьян только торговцами.

Излишне доказывать, что причиной всех этих споров и ссор была борьба классовых интересов. Каждый класс хотел удержать в своих собственных руках право эксплуатировать крестьян, отстраняя своих конкурентов. Но что крестьянин может и должен быть только объектом эксплуатации, — на этом мнении сходились как помещики, так и купцы.

Цеховой порядок в прибалтийских городах.

В этот период времени в прибалтийских городах было уже довольно много богатеев, при чем все они занимались исключительно торговлей. Промышленного капитала почти совсем не было. В 1711 году в Риге не было еще ни одной гостиницы. Некий Израэль Гаазе исходатайствовал право открыть в Риге первый трактир. Но у него начался конфликт с пивоваренным цехом, который не разрешал варить пиво по своему особому способу и требовал от Гаазе вступления в цех. Для этого же у Гаазе не было достаточно средств, и он должен был ликвидировать свое дело.

Общество, правда, уже переросло цеховой порядок и ощущало его гнет. Слышались частые жалобы на дороговизну и недобросовестность цеховых мастеров. Были попытки путем законодательства ввести в эту область некоторые улучшения. Так, например, в январе 1655 года рижская городская дума издала таксу для сапожников.

Появилось также очень много ремесленников, не приписанных к цеху, против чего тщечно восставали мастера, состоявшие в цехах. Так, в 1656 году рижская малая гильдия жаловалась королю на то, что даже с разрешения городской думы пекут хлеб для продажи люди, не принадлежащие к цеху булочников; что мастеров-портных в цехе всего 20 человек, тогда как вне цеха их насчитывается до 40, а между тем, все нужды города могли бы обслужить лишь 10 мастеров. Скорняки жаловались на то, что все предметы их производства привозятся из Германии.

Во всем этом сказывались те признаки старческого одряхления, которые указывали на конец цехового самодержавия. Но сторонники цехов все еще видели в них могущественное орудие поддержания и укрепления своего благополучия.

Историк Гадебуш приводит несколько примеров борьбы юрьевских купцов и ремесленников за свои цехи. Так, однажды юрьевские мясники судились с рижскими и перновскими мясниками, которые осмеливались покупать скот в Юрьевском уезде. Булочники отдали под суд одного повара за то, что он пек торты. Член городской думы и ассессор местного суда годами судились, добываясь принципиального решения вопроса, кому из них приличествует следовать первым в церковной процессии. В Риге при похоронах исполнялись три различных похоронных

хорала: один для членов городской думы, другой — для купцов и третий — для простых горожан.

То же самое наблюдалось и в курляндских городах, в подтверждение чего приведу несколько примеров. В предписании виндавской полиции от 16 февраля 1694 года мы, между прочим, находим постановление, в силу которого крестьянин имел право только два раза в год и не больше, чем на двух лодках, сплавливать свой хлеб по реке Виндаве. Простые подмастерья не смели вести торговлю с крестьянами до тех пор, пока они не женились и не приобрели особых прав горожан. Местным жителям (не немцам) не разрешалось заниматься городскими ремеслами, даже и при том условии, если они получили от горожан на это деньги или товар. В таком случае горожанин терял свой взнос, а местный житель подвергался телесному наказанию. Размер поденной платы был строго определен для каждой работы. Никто из местных жителей не имел права вести самостоятельное хозяйство, прежде чем он не отслужит три года у горожанина. В противном случае он подвергался телесному наказанию. Обязательные постановления гольдингенской полиции устанавливают точный размер заработной платы, а безработных подвергают тюремному заключению. Крестьянские девушки, а также лица с дурной репутацией, не могли являться на свадьбу нарядно одетыми и в украшениях.

8 июля 1710 года в Либаве были утверждены новые городские законы, в силу которых латышам (не немцам) обоего пола, пока они проживали у своих родителей, запрещалось наниматься на работу за поденную плату. Для того, чтобы получить это право, они должны были проработать три года у горожанина. Городские законы регулировали заработную плату. Только немцам предоставлено было право продавать и покупать на рынке. Нарушающие подвергались штрафу и телесному наказанию. Горожанам было запрещено давать займы местным жителям или вступать с последними в торговое соглашение.

В Митаве еще 6 июня 1658 года было издано постановление по поводу расточительной жизни наемных рабочих латышей и литовцев. В том же постановлении запрещалось извозчикам и латышским ремесленникам одеваться по немецкой моде и покупать сукно дороже полу-талера за аршин. Корчмари, поденщики, домашние слуги и т. д. не могли носить платье дороже 7 сесеров за аршин. Их жены не имели права нарядно одеваться даже по воскресеньям. Запрещено было также пудрить волосы и украшать их цветами. Единственная роскошь, которая допускалась в наряде, были черные башмаки на красных каблуках. Этим же постановлением регулируется заработная плата. Требующий более высокой платы подвергался телесному наказанию. Такому же наказанию подвергался поденщик, не вышедший на работу в понедельник, т. - е. после праздника, без уважительной причины.

Слабость капитализма как причина нерешительности шведского правительства в деле реформ.

Число этих примеров можно было бы увеличить, но вполне достаточно и приведенных для того, чтобы читатель мог убедиться, что в конце XVII столетия в прибалтийских городах были еще сильны основы феодализма. Как крепостные обычаи в деревнях, так и цеховые порядки в городах еще не были изжиты. Еще не вырос и не созрел в их недрах новый строй — капитализм.

Поэтому реформы шведского правительства, целью которых было уничтожение крепостного права в интересах зарождающегося капитализма, хотя и радовали сердца рижских горожан, не могли встретить в них сильных и верных защитников. Хотя шведское правительство юридически и уничтожило привилегии прибалтийского дворянства, однако, их экономическая основа оставалась еще нетронутой. Больше того, даже само шведское правительство не решалось еще освободить от крепостной зависимости своих казенных крестьян, а лишь постепенно улучшало их положение.

Такая нерешительность шведского правительства имела результаты, ощущаемые прибалтийскими крестьянами до сих пор: лифляндское дворянство постаралось использовать все средства, чтобы отомстить шведскому правительству и через своего представителя Иоганна-Рейнгольда Паткуля начало переговоры с польским королем Августом и русским царем Петром I о нападении на Лифляндию.

Против Швеции ополчилась темная реакция, и не оказалось ни одной прогрессивной общественной силы, которая пришла бы Швеции на помощь.

ГЛАВА X.

Великая Северная война.

Участники войны. Дания, Польша и Россия учли силу лифляндского дворянства и его смертельную ненависть к шведскому правительству и общими усилиями решили сломить своего упорного соседа ⁷²⁾. Во главе шведского надежного (так как оно состояло из свободных граждан) войска встал Карл XII, который в 1697 году, по смерти отца пятнадцатилетним мальчиком вступил на шведский престол и вышел в бой со своими врагами. Прежде всего он победил Данию и принудил ее к Травендальскому мирному договору (1700), затем он разбил войско Петра под Нарвой (21 ноября 1700 г.) и после этого устремился на польско-саксонскую армию, которая под предводительством Штейнова стояла вблизи Риги. Эта армия легко была разбита, а город Митава сдался после небольшого сопротивления.

Курляндия никогда не принадлежала Швеции. Еще с 1561 года (сейчас же после нашествия Иоанна IV и после разложения орденой власти) она была самостоятельным герцогством под гегемонией Польши. В Курляндии был свой герцог и свое войско. Курляндским помещикам и их главе — герцогу — естественно не нравились отношения шведского правительства к дворянству и его реформы. Поэтому, когда началась Северная война, курляндский герцог мобилизовал свое «войско» и присоединил его к армии Штейнова, а сам поступил в русскую армию, где с сомнительным героизмом сражался под Нарвой и, счастливо избежав шведских ударов, бежал в Данциг, откуда и управлял своим государством.

Карл XII предполагал, что русское войско, разбитое под Нарвой, уже не сможет возродиться и не обращал на него больше внимания. Он преследовал саксонцев, разбил польское войско и лишил польско-саксонского короля Августа Могучего престола. Между тем русский фельдмаршал Шереметев собрал большое войско и мало-по-малу начал возмещать потери царя Петра. В 1703 году Курляндский барон Ренне командовал русским отрядом под Митавой и прогнал оттуда шведский гарни-

зон. В течение нескольких лет Шереметев занял все прибалтийские города: Шлиссельбург, Нарву, Ревель и, наконец, Ригу. В это время против Швеции поднялись еще Пруссия и Ганновер, так что Карл XII был лишен возможности вернуться в Прибалтику. В 1709 году Петр разбил под Полтавой шведское войско и тем положил основание русскому господству над восточным прибалтийским побережьем.

Разорение страны. Разрушения, которым подвергалась Прибалтика во время Великой Северной войны, были неоднократно предметом описания ⁷⁸⁾. Поэтому мы не будем останавливаться на тяжелых последствиях этой войны. Нищета, голод, мор — вот мрачная картина, которую рисуют все историки, описывающие это время. Разрушенное первым нашествием русских было скоро восстановлено, ужасы же Северной войны оставили надолго неизгладимые следы. Хозяйственное и политическое положение страны и крестьянства в XVIII столетии сделались гораздо хуже, чем они были в начале шведского господства ⁷⁹⁾. Да и что говорить о Лифляндии, когда даже Курляндия, которая в гораздо меньшей степени подверглась ужасам войны, будучи только по легкомыслию своего герцога — и то ненадолго — вовлечена в эту войну, была доведена войной до полного разорения. Военные контрибуции, которые налагались то Польшей, то Россией, то Швецией, не знали границ. Мольбы дворянства и его уверения, что страна не может больше ничего дать, нисколько не помогали. Приходилось снабжать армии и провиантом, и людьми, и лошадьми. В нашем распоряжении имеется одна петиция, в которой пильтенское дворянство просит освободить его от новой контрибуции. Доказывая полную невозможность долее доставлять провиант и людей, помещики ссылаются на тот факт, что в некоторых уездах почти совсем не осталось работоспособных мужчин. Следующие цифры рисуют положение, создавшееся в некоторых уездах Курляндии: в приходе Валтайк осталось всего 95 работоспособных мужчин, в Бое — 6, в Кальвени — 10, в Пербони — 16, в Кандели — 8, в Церенде — 4; было немало селений, в которых не оставалось ни одного взрослого крестьянина (например, в Ладикене). В 34 более или менее обширных приходах осталось всего 238 работоспособных мужчин, т. е. по 6—7 человек в среднем на волость. Само собой разумеется, что при таких условиях большая часть земли оставалась необработанной, и нечего удивляться тому, что курляндцы еще и сейчас помнят ужасы «шведской войны».

В Лифляндии разорения, причиненные войной, были гораздо больше, так как Лифляндию русские войска разоряли и грабили, как вражескую страну, при чем жителей ее убивали! О том, как основательно они делали свое дело, читатель может видеть из переписки между царем Петром и фельдмаршалом Шереметевым. Петр, узнавши о победе (поражение шведов при

Гуммельсгофе) и требуя полного разорения Ливонии, писал Шереметеву: «чтобы неприятелю пристанище и сиккурсу своим городам подать было невозможно». Приказание было исполнено: Шереметев взял два значительных города (Вольмар и Мариенбург), шесть малых и страшно опустошил всю страну. В своем рапорте царю он доносит следующее: «Во вражеской стране уже нечего больше грабить. Коров и чухонцев (эстов) захватили неизмеримое количество. Коров продают по 3 марки, овец — по 2 копейки; маленьких детей отдают за 1 копейку, немного побольше — за гривенник, четырех вместе — за 1 марку» *).

*) Автор приводит этот текст рапорта, не указывая источников. Опасаясь, что против своей воли, пользуясь материалами прибалтийских историков, которые в националистических целях не останавливаются перед фальсификацией исторических документов, автор мог быть введен в заблуждение, мы приводим подлинный текст соответствующего рапорта, как он цитируется Соловьевым в его «Истории» (книга III, том XIV, стр. 1266): «Чаю, тебе известно, что, всеисильный бог и пресвятая богоматерь желание твое исполнили: больше того неприятельской земли разорять нечего, все разорили и опустошили без остатку; и от Риги возвратились загонные люди; в 25 верстах и до самой границы польской и только осталось целого места Пернов и Колявань (Ревель) и меж ними сколько осталось около моря и от Колявани к Риге, около моря же до Риги — и то все запустошено и разорено вконец. Прим. переводчика.

ГЛАВА XI.

Крепостное право превращается в рабство.

Условия капитуляции и привилегии дворянства.

Осенью 1709 года русское войско осадило Ригу. Защищавший ее шведский отряд отличался многочисленностью, но терпел недостаток в продовольствии, так как в Риге скопилось большое число искавших спасения беглецов из окрестностей. В феврале 1710 года начался мор, от которого погибло две трети всего населения города, а также 6.000 русских. Голод и чума так косили население, что живые не успевали хоронить мертвых. Поэтому рижский комендант, шведский граф Штремберг, на девятом месяце осады решил капитулировать, и 4 июля 1710 года шведские военачальники, ливонские помещики, сбежавшиеся в Ригу, и рижские горожане подписали капитуляцию (каждая группа отдельно). После этого шведское войско под знаменами и при звуках музыки оставило город. Помещики ждали от царя Петра ответа на свою капитуляцию, в которой обещали быть подданными России на вечные времена, если только царское правительство все милостивейше отменит все ограничения дворянских привилегий, которыми шведское правительство в последнее время притесняло несчастное прибалтийское дворянство *).

Так как Петр предписал своему уполномоченному, барону Левенвольду, и фельдмаршалу Шереметеву удовлетворить все ходатайства прибалтийского дворянства в той мере, в какой это возможно, и в виду того, что, как нам уже известно, фельдмар-

*) Чтобы не заставлять читателя смеяться над «вечной верностью» дворянства, мы отметим, что дворянство вообще и прибалтийское дворянство в особенности неизменно верно реакции и эксплуатации. Для дворянства совершенно безразлично, какое правительство предоставляло ему возможность осуществлять свою «вечную верность»: Ливонский орден меченосцев, польский или шведский король, русский царь, французский император [Наполеон] — все поочередно могли быть объектами «вечной верности» дворянства, только бы они (и до тех пор, пока они) все милостивейше поддерживали классовые интересы дворянства.

шал Шереметев ставил крестьян на одну доску со скотом *), мы можем легко понять, что прибалтийские помещики, присоединившись к России, не только вернули все свои прежние привилегии, потерянные ими при шведском господстве, но получили, кроме того, такие права и преимущества, какими они до сих пор никогда не обладали. Например, известно, что у прибалтийского дворянства никогда не было монопольных прав на владение именьями. В средние века все классы населения (даже крестьяне) имели право пользоваться именьями и земельными участками на основании ленных порядков. Во время польского господства крестьяне этим правом уже не пользовались, но горожане вообще и рижане в частности имели право покупать именья и брать их в залог. При шведском правительстве права помещиков и горожан были вполне уравнены ⁸⁰⁾. XIX пункт капитуляции 1710 года, наоборот, гласит: «Подобные дворянские именья не могут быть покупаемы никем, кроме лифляндских баронов (*nobilibus Livonis*), и за баронами закрепляется право требовать возвращения им имений, которые, вопреки этому постановлению, были бы проданы лицам других сословий» ⁸¹⁾.

Правда, в тот же день тем же генерал-фельдмаршалом Шереметевым была утверждена также капитуляция рижских горожан, § 7 которой гласит: „Также все городские учреждения (*Aembter*), коллегии, цехи и общества остаются неприкосновенными, и все граждане и жители города сохраняют свою собственность, привилегии и права, как в Риге, так и вне Риги — в деревнях».

Естественным следствием такого противоречия явились вечные споры и судебные процессы из-за права на приобретение имений. Закон не давал по этому поводу разъяснений до самого последнего времени ⁸²⁾. Но судебная практика, под влиянием общеимперских законов, клонилась в сторону помещиков и запрещала лицам других сословий покупать именья. Я говорю «под влиянием общеимперских законов» потому, что русская царица Елизавета еще 3 мая 1754 года подписала указ, на основании которого только дворяне имели право приобретать в собственность землю и крепостных. В 1758 году действие этого закона было усилено. 16 марта 1789 года сенатом по частному делу было вынесено постановление, что мещане не имеют права покупать именья; после этого лифляндские судебные учреждения перестали утверждать купчие крепости мещан.

Однако, вопрос о правах на покупку имений, представляя мало интереса для крестьян, интересовал только богатый городской класс. Для нас особого внимания заслуживают те русские законы, которые своею тяжестью ложились на плечи крестьян.

*) См. примечание на стр. 109.

Читатель помнит, что прибалтийское дворянство по «Привилегиям Сигизмунда-Августа» (§ 26) приобрело право суда над крестьянами, как по гражданским, так и по уголовным делам. Нет оснований сомневаться, что фактически это право было им осуществляемо⁸³). Но мы уже упомянули о том, что сами помещики в своем ответе на пропозицию Карла IX подтвердили, что юридически им такие права не принадлежали даже во время польского господства. В разборе уголовных дел, кроме крестьянских судей, принимали участие также присяжные заседатели из дворян. Такова была судебная практика до короля Густава-Адольфа, когда в состав судей при разборе уголовных дел, помимо указанных лиц, был введен еще один представитель от шведского правительства. В 1630 году Густав-Адольф учредил для Прибалтийских губерний местные суды, в которых разбирались как гражданские, так и уголовные крестьянские дела; в высший же местный суд поступали дела о незаконных действиях помещиков по отношению к крестьянам. У помещиков сохранилось только ограниченное право «домашнего наказания» крестьян, работавших в их имениях.

Эти порядки мало соответствовали русским законам и обычаям⁸⁴).

Поэтому едва прибалтийские помещики напомнили, что в их руках когда-то находилась жизнь и смерть крепостного, как для них сейчас же было восстановлено право решать судьбы крестьян. В 1713 году царь разрешил помещикам без суда наказывать своих крепостных кнутом (Полное Собрание Законов Российской Империи, № 2668 от 24 апреля 1713 года). Последующими указами не только подтверждается, но еще значительно расширяется полнота прав помещиков над подвластными им крестьянами. В этом отношении заслуживает внимания указ 1724 года (Полное Собрание Законов Российской Империи, № 4543) и особенно указ от 6 мая 1736 года (Полное Собрание Законов Российской Империи, № 6941).

В 1760 году помещики получили право ссылать крестьян при посредстве правительственных учреждений «за грубое поведение» на поселение в Сибирь (Полное Собрание Законов, № 11166 от 13 декабря 1760 года). Двумя годами позже правительством было установлено, что никакой закон не может подвергать помещика наказанию за убийство крепостного крестьянина. Естественно, что при такой политике правительства жалобы крестьян на своих помещиков были бесплодны. Однако, случалось, что жалобы эти доходили до царя. Каков же был их результат? Царь издал строгое постановление, чтобы никакой суд и никакое учреждение не смели принимать от крестьян жалоб на своих помещиков.

⁸³) О неограниченной власти русских помещиков над крепостными интересующиеся могут составить понятие по специальным сочинениям⁸⁴).

Чем дальше, тем дело шло хуже. Во время царствования Петра I памятно были еще шведские времена, так что даже самим прибалтийским баронам некоторые указы правительства казались чрезвычайно варварскими. Так, например, в 1719 году генерал-губернатор князь Корибут-Голицын объявил, что «его императорскому величеству всемилостивейше угодно было определить некоторые наказания для беглых крестьян», а это «все-милостивейше определенное наказание» состояло не в чем ином, как в отрезании носа и ушей и в клеймении беглого крестьянина. Даже прибалтийским помещикам это наказание показалось слишком варварским, и они просили, чтобы были утверждены старинные законы о беглых крестьянах, по которым виновные подвергались телесным наказаниям и, в худшем случае, принудительным работам.

При наследниках Петра шведская эпоха стала мало-по-малу забываться. Бароны все более привыкали к нравам и законам царской России и отвыкали считать крестьянина человеком.

Раньше прикрепленные к земле крепостные платили помещикам повинности и несли барщину, но считались полными собственниками своего движимого имущества и пользовались своими земельными участками на таких же правах, как и бароны своими именными. Теперь они превратились в рабов, у которых не могло быть ни собственности, ни прав, так как они сами были собственностью помещика, которую последний мог продать на рынке, променять на собаку или трубку *). Крепостные могли жаловаться высшему местному суду за обиды и бесчеловечное обращение. От рабов же никакой суд, никакое государственное учреждение не имело права принимать жалобы **). Помещики обращались с ними, как хотели, не страшась никакого закона: «за всякое преступление или малейшее противоречие подвергали наказанию в десять пар розог, при чем пороли не так, как указывал закон, — каждой парой три раза, но били до тех пор, пока совершенно разламывались розги, и кожа с мясом отпадала от костей. Неделями и месяцами держали крестьян в холодных амбарах и цепях, на хлебе и воде даже при самом большом морозе» (пропозиция генерал-губернатора Брауна ландтагу в 1765 году).

*) Интересно в этом отношении постановление ландтага (23 февраля 1765 г.), в котором говорится: «Ежедневно детей отрывают от родителей, и помещики это делают «с лучшей совестью в мире» (mit dem besten Fide von der Welt).

**) Ландтаг отвечал на III пункт пропозиции следующим образом: «несомненно, раб не имеет права защищать себя в судебном порядке; и в виду того, что (как выше было доказано) наши крестьяне являются нашими рабами в полном смысле этого слова (как это понималось римскими законами), то наши крестьяне и не имели до сих пор права жаловаться на нас в судебные учреждения». Читатель знает, что это не соответствовало действительности, но помещикам ведь не привыкать передергивать факты.

Тогдашнее бесправное положение латышских крестьян и неограниченная власть баронов точно в зеркале отразились в одном документе, который назван прибалтийскими историками «декларацией Розена». Этот бесстыдный акт был составлен по приказанию барона Э. Ф. фон-Розена, тогдашнего ландрата, для юстиц-коллегии (так назывался основанный Петром I и отмененный только Александром I высший суд для Прибалтики и Финляндии) в ответ на ее запрос, по каким законам и положениям регулируются отношения между помещиками и крестьянами. Этот документ рисует правовое (вернее, бесправное) положение лифляндского крестьянина следующим образом:

1) Права дворянства основаны на участии в покорении страны (праве победителей). Крестьяне это — крепостные (*homines proprii*), причисленные к имениям (*zu den Gütern geschlagen*) и вместе с последними «отданные во владение помещикам». Со времени покорения страны крестьяне всегда находились в полной зависимости от помещиков и были, как крепостные, прикреплены к земле (*glebae adscripti*); они переходили от одного помещика к другому или по наследству, или путем продажи, или по какому-либо иному договору; могли быть освобождаемы на основании прав, предоставленных помещикам; по суду можно было требовать их возвращения, как всякой собственности; можно было их описывать, брать в залог и т. д.

2) Права помещиков распространяются также на имущество крепостных. Это право никогда не ограничивалось, однако, помещики добровольно даровали крестьянам право собственности на приобретенное имущество, «чтобы поощрять прилежание».

3) Право определять размеры повинностей, барщины и налогов принадлежит исключительно дворянству, и вообще, на лифляндских крепостных не могут быть наложены иные повинности, как только в пользу дворян. Волостными книгами несколько не ограничиваются права помещиков на увеличение по их усмотрению крестьянских повинностей. Волостные книги преследуют только одну якобы задачу — финансовую, определяя налоги, следуемые казне (!).

4) Что касается судебной власти помещиков, то документ Розена утверждает, что дворянству принадлежит право решать вопросы о жизни и смерти крестьян, но оно само добровольно отказалось (!) от этого права, предоставив его правительству; однако, у дворянства осталось право домашними способами «воспитывать» крестьян и, несмотря на то, что это право никакими законами не ограничено, при чем крестьяне даже лишены права жаловаться на своих помещиков, все же дворяне считают более рациональным осуществлять это право в ограниченной мере. Обе названные привилегии: право определять размер крестьянских повинностей и право наказывать крестьян, осуществлялись обыкновенно помещиками так, чтобы от этого не пострадали интересы казны.

**Проекты реформ
и либеральные идеи
Екатерины II.**

К чести лифляндских помещиков, однако, надо сказать, что положение дела в общем не было так ужасно. Среди помещиков были люди, взгляды которых не мирились с таким варварством. Об этом свидетельствует так называемый проект провинциальных законов Будберга-Шрадера, по которому крестьянин хотя и является крепостным и не смеет без разрешения помещика оставить своего местожительства, однако, не считается рабом. Он имеет право наследовать тот двор, где работает; кроме того, он может жаловаться на своего помещика за причиненные обиды. Этот проект был разработан комиссией, назначенной дворянством и работавшей с 1730 по 1737 год, следовательно, приблизительно в то же время, когда составлялась декларация ландрата Розена. Но затем он был передан на утверждение в сенат, и странствовал целых тридцать лет, подобно вечному жиду, переходя из комиссии в комиссию. В 1764 году он вернулся в сенат, где был утвержден и — положен в архив на вечные времена. Опубликован он так и не был.

Таким образом, определенных законов для Прибалтийских губерний не существовало; дворяне жили и управляли своими имениями по заведенным обычаям, сильно напоминавшим картину, обрисованную декларацией Розена.

Порабощение крестьян достигло своей кульминационной точки при Екатерине II ⁸⁵), так что лифляндские помещики в своем ландтаге в 1765 году с полным основанием могли утверждать, что крестьяне — их рабы (*servi*) в подлинном значении этого слова, т.-е. как это понималось древними римскими законами.

Здесь, однако, необходимо остановиться на одном довольно распространенном предрассудке, который нуждается в разъяснении. Как сознательные, так и бессознательные сторонники кнута много говорили о том, что Екатерина была настолько либеральна и милосердна по отношению к крестьянам, что даже в Прибалтийском крае по ее приказанию началось улучшение положения крестьян. Мы же вопреки этому утверждаем, что именно во время царствования Екатерины порабощение крестьян достигло своего наивысшего предела. На этом противоречии надо остановиться особенно потому, что здесь представляется возможным уяснить, какое до бесконечности ничтожное влияние могут оказывать на государственную политику даже самые талантливые и полновластные правители.

Можно, конечно, утверждать, — у нас даже имеются этому кое-какие доказательства, — что Екатерина сама была насквозь пропитана либеральными идеями. Она переписывалась с Вольтером и любила распространяться о естественных правах людей, которых ни у кого нельзя отнимать; однако, именно при управлении ее приближенных, рабовладельцев-бояр, в России

положение крестьян стало хуже положения домашнего скота.

Дело в том, что идеи правителей никогда и нигде не определяли и не определяют государственной политики. В конституционных государствах воля правителей выполняется только тогда, если ею выражается то, что представителями господствующего класса признано хорошим и желательным. В государствах же деспотических — воля правителей должна применяться к желаниям и требованиям тех вельмож, которые толкуются у трона, защищая интересы своего класса. Если правитель усваивает идеи и принципы, исходящие из других слоев населения, а не из тех, чьей воле они должны подчиняться, с ним всегда случается то же, что случилось в данном случае с Екатериной.

Характерным подтверждением этому могут служить те предложения, которые были сделаны созванной в Москве «Законодательной комиссией». В известной инструкции, составленной для этой комиссии императрицей, хотя и не затрагивались особо интересы крестьянства, было, однако, указано на зло рабства. Комиссии, в которой участвовало 564 представителя от разных слоев населения, пришлось дебатировать о том, можно ли предоставить крепостным право собственности на приобретенное ими имущество. В связи с этим выяснились также причины частых побегов крестьян. Исходной точкой для дебатов служило предложение делегата прибалтийского дворянства Унгерн-Штернберга, почти тождественное с проектом Будберга-Шрадера, а именно предлагалось установить охрану законодательным путем личности крестьянина и его движимого имущества. Русские помещики противились этому, и все члены комиссии сообща разработали законопроект, в котором как принцип выставлялась неограниченность дворянской власти, право крестьянина жаловаться в суд аннулировалось, и выбрасывалось все, что хоть в малой степени могло обеспечить независимость крестьянина от помещика. Проект комиссии из пятидесяти пунктов Штернбергского проекта сохранил только шестнадцать требований, из которых, однако, всего три относились к улучшению бесправного положения крестьян. Один пункт требовал, чтобы право суда по уголовным делам было отнято у помещиков и передано государству; в другом пункте запрещалось убивать и калечить крестьян (предложенное Штернбергом запрещение наносить вообще ущерб здоровью крестьянина — было вычеркнуто). Наконец, последний пункт гласил: если помещик отбирает у крестьянина приобретенное им имущество, то правительственные учреждения имеют право (но не обязаны) защищать интересы крестьян, но сами крестьяне права жаловаться или искать защиты не имеют.

Для того, чтобы читатель не получил ошибочно представления, будто прибалтийские бароны были сколько-нибудь

либеральнее или, по меньшей мере, человечнее, чем русские бояре, как старается это доказать А. фон-Тобиен и его единомышленники*), считаем необходимым указать, что Унгерн-Штернбергом умышленно был составлен проект в либеральном духе, так как он знал, что, чем либеральнее будет проект, тем беспощаднее он будет провален в комиссии: все останется по-старому, а балтийское дворянство завоюет себе право рисоваться своей гуманностью в глазах «богобоязненной и гуманной императрицы». Это подтверждается, между прочим, и следующим фактом: законодательная комиссия должна была определить также права и преимущества разных слоев населения (помещиков, горожан и крестьян); лифляндские помещики испугались, что комиссия на самом деле предоставит крестьянам кое-какие права и поэтому 6 октября они написали Унгерн-Штернбергу, чтобы тот подчеркнул в заседаниях комиссии, что «крестьяне в России, особенно в Прибалтике, до сих пор никогда не рассматривались как особый слой населения, что последнее и впредь ни в коем случае не должно быть допущено, так как они не обладают никакой реальной личной собственностью». Унгерн-Штернберг ответил, что нет никаких оснований опасаться, что крестьянам будут предоставлены какие-нибудь права. Зная это, он мог смело либеральничать от имени лифляндского дворянства.

**Мрачная действительность
времен
Екатерины II.**

Как все решения «Законодательной комиссии», так и вышеупомянутые постановления об улучшении положения крестьян остались, конечно, на бумаге и потонули в архивах. В действительности же были изданы следующие законы: указ от 17 января 1765 года (Полное Собрание Законов Российской Империи, № 12311), который предоставлял помещикам право без вмешательства суда ссылать крестьян в Сибирь на каторжные работы, и указ сената от 22 августа 1767 года (Полное Собрание Законов Российской Империи, № 12966), объявленный 23 сентября того же года и в Лифляндии; этот указ постановляет: «А буде и по обнаружении сего ее императорского величества указа, которые люди и крестьяне в должном у помещиков своих послушании не останутся и в противность вышеизложенного 2-й уложенной главы 13 пункта недозволенные на помещиков своих челобитные, а наипаче ее императорскому величеству в собственные руки подавать отважатся, то как челобитчики, так и сочинители сих челобитен наказаны будут кнутом, и прямо сошлются в вечную работу в Нерчинск, с зачетом их помещикам в рекруты».

*) А. фон-Тобиен — публицист и писатель, специализировавшийся на аграрном вопросе; защитник привилегий дворянства; в 1906 году занимал должность секретаря губернского статистического бюро.

Лифляндские делегаты на заседаниях законодательной комиссии добивались утверждения законопроекта Будберга-Шрадера, которого, как они любили говорить, Лифляндия ждала целых 30 лет. Это рассердило либеральную «матушку-императрицу». «Не может быть, — писала она генерал-прокурору Вяземскому, — чтобы составленные лифляндцами законы были лучше, чем будут наши. Наши принципы продиктованы самой любовью к человечеству, между тем как у лифляндцев нет никаких принципов, и некоторые из их положений полны варварства». Но пока «матушка-императрица» распространялась о высоких принципах, члены законодательной комиссии обсуждали вопрос о введении вновь орудий пыток при допросах воров и убийц и состязались в измышлении самых страшных пыток для беглых крестьян.

Принимая во внимание вышесказанное, нетрудно объяснить тот странный факт, что в январе того же 1765 года, когда русское правительство предоставило помещикам право без суда ссылать крестьян на каторжные работы в Сибирь, рижский генерал-губернатор Браун от имени императрицы выражал порицание бесчеловечному обращению прибалтийских помещиков с их крестьянами и предлагал провести некоторые реформы по образцу «Крестьянского Права», изданного бароном Шульцом.

Это «Право» предоставляло крестьянам некоторые крохи тех прав, которыми они пользовались во время шведского господства. В законах Шульца не встречается ничего нового, и в них включены далеко не все льготы, коими крестьяне обладали при шведах. Барон Шульц поступал лишь как разумный хозяин, который отводит своим коням хорошие конюшни и дает им хороший корм, зная, что все это будет с избытком возмещено из хозяйственной прибыли. Эта мера разумного хозяина была облечена императрицей в форму гуманных принципов и рекомендована другим баронам как образец человечности. История «Крестьянского Права» Шульца и заступничества Екатерины Второй за латышских крестьян была такова: барон Карл Шульц, избранный в 1749 году лифляндским ландратом, с 1761 по 1764 год находился почти безвыездно в Петербурге, где успешно защищал интересы лифляндского дворянства и добился утверждения потребованных еще в 1710 году дворянских привилегий. Находясь при дворе, он с ужасом заметил, каким большим влиянием на либеральничавшую императрицу пользуются два подлинных либерала, два немца, набравшиеся идей французской философии: некий советник Линг и пастор Эйзен фон-Шварценберг; ими составлялись проекты аграрных реформ, которые на самом деле могли угрожать старинным привилегиям лифляндского дворянства. Первою заботой Шульца было устранить этих лиц, что, после некоторых интриг, ему и удалось. Но пастор Эйзен фон-

Шварценберг не успокоился. Он издал сочинение, в котором в ярких красках рисуется бесправное положение ливонских крестьян ⁸⁶⁾. Сочинение это было прочитано Екатериной и произвело на нее такое глубокое впечатление, что она выразила «непреклонное» желание предпринять некоторые шаги к улучшению положения ливонских крестьян. Об этом узнал барон Шульц, и так как Екатерина в 1764 году собиралась в Ливонию, весной того же года он поспешил издать свое «Крестьянское Право», чтобы самому предстать в выгодном свете перед императрицей или, по крайней мере, доказать ей, что он не лгал, оспаривая правдоподобие картин Шварценберга, а также для того, чтобы помешать проведению Екатериной некоторых реформ в духе Линга и Шварценберга. В этой хитрости он сам сознался в ландтаге в 1765 году.

В 1764 году Екатерина действительно посетила Ливонию, собственными глазами увидела разорение и бедность крестьян, ознакомилась на месте с частичными реформами Шульца и захотела, конечно, доказать, что она сумеет ввести еще лучшие реформы. Однако, генерал-губернатор Браун отговаривал ее от этого шага, указывая, что реформа произведет дурное впечатление на местное дворянство, и обещал сам позаботиться о том, чтобы ливонское дворянство в своем ландтаге приняло, по крайней мере, те крестьянские законы, которые изданы бароном Шульцем. Поэтому генерал-губернатор еще в 1765 году закидал ландтаг своими пропозициями. Третий пункт их был особенно неприятен помещикам, так как говорил о крестьянской нищете, которая отмечена и «ее императорским величеством» во время ее путешествия по прибалтийским провинциям, что подтверждается бесчисленными жалобами, поданными императрице. В этом пункте генерал-губернатор предлагает: обеспечить крестьянам право собственности, определить количество повинностей и барщины и ограничить телесные наказания. Сначала дворяне и слышать не хотели о подобных предложениях и очень рассердились за неслыханные нападки на их благоприобретенные права. Но барон Шульц вразумил их. Он доказал, что, принимая предложения и ограничения, которые предлагает генерал-губернатор, дворянство в любое время сможет их изменить по своему усмотрению, но если оно решительно откажется подчиниться им, то свыше может последовать указ о проведении реформ, предлагаемых Эйзенем фон-Шварценбергом.

Приняв это к сведению, ливонские бароны стали играть комедию: обещая исполнить предложенные императрицей через генерал-губернатора требования, они начали на самом деле как бы высмеивать эти предложения. Так, например, они постановили, что крестьянин может приобрести собственность, если после уплаты всех повинностей, налогов и долгов помещику у него еще что-нибудь останется (каким образом

крестьяне, у которых до сих пор не было даже права собственности, могли сделаться должниками, — это был секрет лифляндского дворянства). С такой собственностью крестьянин мог делать все, что захочет, но он все же находится под опекой своего помещика. Далее: порка и всякие телесные наказания могут применяться, но в меру (до сих пор они определялись по усмотрению!). Крестьянам предоставлялось даже право жаловаться на своего помещика в суд, но, во-первых, жаловаться он мог только лично и словесно; во-вторых, одновременно не могло быть принято несколько жалоб на одного и того же помещика от его крестьян; в-третьих, прежде чем жаловаться, крестьянин должен был выполнить то незаконное по его мнению приказание, которое им обжалуется, и, в-четвертых, если жалоба оказывалась необоснованной, то жалобщик подвергался строгому наказанию.

Помимо этих постановлений, являющихся просто насмешкой над законопроектом, было сделано еще одно постановление об определении крестьянских повинностей и барщины, для чего каждый помещик должен был подать список всех повинностей, выполняемых его крестьянами. Однако, выполнить это постановление ни одному барону не пришло в голову. Да и ничто не заставляло их исполнять его, так как не было никого, в чьих интересах было бы следить за этим. Императрица показала свои добросердечие и либерализм, а этого правительству было достаточно, по крайней мере, до тех пор, пока крестьяне спокойно несли ярмо. Только в 1777 году, т.-е. спустя 12 лет, когда начались крестьянские бунты, генерал-губернатор вспомнил о былом либерализме и предложил дворянству прекратить беспорядки неуклонным выполнением постановления ландтага от 1765 года. В своем ответе на это предложение дворянство призналось, что постановления ландтага 1765 года, действительно, зачастую им игнорировались.

Но они не только игнорировались, но даже были признаны чрезмерно вредными. Еще в 1767 году, т.-е. как раз в то время, когда Унгери-Штернберг демонстрировал перед русскими дворянами либерализм и гуманность лифляндских помещиков, ландмаршал барон Будберг напомнил ему, что постановления ландтага 1765 года слишком тяжелы для Лифляндии, и надо позаботиться об их отмене.

На этом историческом факте необходимо остановиться еще и потому, что в латышской литературе ему придавалось часто неверное освещение. Конечно, это делалось из патристических целей, чтобы возбудить чувство благодарности императрице и, вообще, к «дорогому царскому правительству», но такой взгляд не соответствует исторической правде, и поэтому мы должны его совершенно отвергнуть. Чувство благодарности к правительству, быть может, и хорошее дело, но для историка дороже всего истина.

Исторические факты ясно доказывают, что либеральные фразы Екатерины Второй произносились на ветер, и что хозяйственные и политические условия ставили крестьян во все более невыносимое положение.

Прежде чем перейти к рассмотрению экономических причин ухудшения положения крестьян, надлежит несколько остановиться на отношении русских законов к торговле крестьянами.

Мы уже говорили, что в XVIII столетии латышские крестьяне полностью превратились в рабов, которых можно было, как скот, покупать, продавать, менять и т. д. не только втихомолку, но и на рынках и базарах ⁸⁷⁾. В 1775 году сенатом был издан указ, которым такая торговля человеческим телом признается вполне законной и подтверждается как неоспоримое право русского дворянства, более того: белорусским помещикам предлагается пользоваться этим правом, до сих пор им неизвестным (указ сената от 25 октября 1675 г., Полное Собрание Законов Российской Империи, № 14376). 3 мая 1783 г. новый указ о податях превращает свободных до того времени украинских крестьян в крепостных (Полное Собрание Законов, № 15724).

Закон 1765 года сохраняет право торговли и только ограничивает его в том отношении, что запрещает выставлять крестьян на открытых рынках и отрывать мужей от жен. 9 августа 1771 года был утвержден новый закон, который запрещал продавать крестьян на базарах без земли. Но этот закон был обнародован лифляндским губернским управлением только в феврале 1789 года. Поэтому то еще 15 января 1789 года рижский магистрат мог объявлять, что «крепостные, принадлежащие рижскому торговцу Михаилу Петрову — две семьи русских и один холостой эстонец 32-х лет, будут проданы с аукциона, и по уплате покупной цены и законной казенной пошлины (!) будут переданы покупателю» *).

Лэнинг в своей книге об «освобождении крестьян» рассказывает, что в Валке в 1789 году крестьяне также публично продавались с аукциона. Это практиковалось втихомолку до самого конца XVIII столетия. Так, например, в 1789 году ли-

*) «Rigischen Anzeiger», IV Stück от 22 января 1789 г. Так называлась первая рижская газета. На-ряду с сентиментальными статьями о человеческих правах, уважении к личности, нравственности и т. п. в газете имелись столбцы, в которых объявлялось о разыскиваемых беглых крестьянах. И эти столбцы никогда не пустовали. Там встречается любопытные объявления с обещанием уплаты пяти рублей тому: «кто поймает крепостного парня Петра, бежавшего от своего нового хозяина после того, как он был продан» и тем оторван от родной семьи; «признаки: сильно храпит, рыжие волосы, веснушчатое лицо»; «госпожа генеральша баронесса фон-Бой, урожденная графиня фон-Лей, обещает пятьдесят рублей тому, кто поймает ее беглых кучера Петра и повара Якова»; «его высочество курляндский принц Карл извещает, что у него бежал лакей-немец Блументаль в синем сюртуке, пестрой шелковой жилетке, зеленоватом пальто; за скромное вознаграждение (billige Belohnung) просят доставить в замок его высочества и т. д.

фляндским местным судом был утвержден контракт, по которому один барон при продаже имения получал за это определенную сумму денег и семь холостых парней, от 16 до 26 лет. В том же году лютеранский пастор в имении «Малая Ивановка» Людвиг Риккер продал двум баронам несколько крестьян, которые, как объяснял благочестивый пастор, были излишни в его хозяйстве. По этим хозяйственным мотивам христианский пастырь и вступил в торговую сделку с баронами, с ведома и разрешения коллегии ландратов, церковного старосты и других общественных представителей. И той же рукой, которою он положил в карман полученные за крестьянское мясо деньги, в следующее воскресенье благословлял приход и приглашал его падать на колени и молиться о сохранении существующего строя, благодаря которому латышские крестьяне были доведены до такого скотского положения.

Главным покупателем крепостных на прибалтийском рынке было само царское правительство. Так, например, в 1760 году в ландтаге рассматривалось дело, касающееся торгово-экспортного предприятия, ведшего торговлю крестьянами. Это предприятие было основано в Юрьеве неким Краббе и мясником Бунне. Они массами покупали крестьян и продавали их в Петербург в солдаты. Вследствие этого в прибалтийских губерниях возросли цены на этот товар, и дворянство поручило некому фон-Виллебуа предпринять меры к уменьшению такого экспорта, но Виллебуа объяснил, что закона, ограничивающего такую торговлю, не существует. Меркель пишет, что «еще летом 1795 года барышники гнали таких несчастных целыми стадами» ⁸⁸).

Что касается цен на крепостных в Прибалтийских губерниях, то, как пишет оберпальский пастор Гупель: «здесь люди не так дороги, как в американских колониях: холостых мужчин покупают за 30—50 рублей, за ремесленников платят до 100 рублей; столько же просят за целую семью (родители и дети); за служанку не дают больше 10 рублей, детей легко можно купить по 4 рубля за голову. Безземельных крестьян и их детей часто выменивают на другие предметы: на собак, лошадей и т. д.» ⁸⁹).

Крепостные, которые не нравились своим помещикам, не смели вступать в брак. Но о том, чтобы здоровые и красивые экземпляры (о личности тут уж почти не может быть и речи) как можно больше размножались,—заботились всеми способами, так как этим увеличивалось благосостояние помещиков. О мерах, принимавшихся в этом отношении практичными помещиками, свидетельствует тот же пастор Гупель: «Я упомяну в одобрительном духе о маленьких поощрениях, при помощи которых разумные земледельцы сильно подняли размножение своих людей. Даже самое ничтожное вознаграждение может привлечь и соблазнить крестьянина. Каждому, кто женится,

они дают на свадьбу по штофу водки, а тот, кто берет невесту из чужой волости, получает, помимо того, одну бочку пива. Рождение каждого ребенка сопровождается каким-либо подарком от помещика (по преимуществу спиртными напитками). Это—верное средство приблизить новые крестины».

Эти слова кажутся нам наглым бесстыдством со стороны христианского священника. Однако, сравнивая Гупеля с другими прибалтийскими «носителями культуры», его надо признать очень гуманным и развитым человеком.

Первые шаги капитализма. В XVIII столетии крестьяне не столько жалуются на продажу их помещиками с аукционов, на порку и другие телесные наказания, сколько на чрезмерные повинности и барщину.

Как мы видели выше, в период шведского господства повинности крестьян в казенных имениях были строго определены; они соответствовали площади и плодородию крестьянской земли, и перечень их был занесен в волостные книги. Арендаторы казенных имений не имели права увеличивать повинности, как не смели также выселять крестьян из их домов или присваивать их землю.

В частных имениях права крестьян не были юридически строго обеспечены, но фактически и там крестьянское право пользования землей не оспаривалось, так как, во-первых, крестьяне имели право жаловаться на своего помещика за наложение чрезмерных повинностей, во-вторых, помещичьи поля и так были настолько обширны, что не могли быть полностью обработаны крестьянами при тогдашней земледельческой технике и при наличии повинностей, установленных шведским правительством, и, в-третьих, свободная от податей помещичья земля была строго отделена от крестьянской, и за последнюю надо было платить казенные налоги также и в том случае, если она не находилась в руках крестьян, а ею пользовался помещик.

При определении казенных налогов и помещичьих повинностей критерием служила крестьянская соха, под которой, как это было выше сказано, в шведские времена понимался волостной участок земли, на который ложилось податей и налогов на сумму в 60 талеров. Из этого явствует, что повинности и налоги ложились на волостную землю, а не на крестьян лично. Личность крестьянина, хотя и была прикреплена к земле, однако, не считалась собственностью помещика, и потому не могла быть обложена налогом.

Царское правительство немедленно ввело в Лифляндии свои порядки. Редуцированные Швецией имения и участки земли были возвращены прежним владельцам или их наследникам вместе с крестьянами. Вернее, такие имения и участки земли остались собственностью казны, но крестьяне, которые на этих землях жили, были отданы помещикам. Для того,

чтобы помещики могли использовать крестьянский труд, имения отдавались им в безвозмездное пользование, но зато определялся налог на собственность помещиков—крестьян. 26 сентября 1715 года правительство объявило, что налоги и на будущее время будут взиматься с сох, при чем было установлено, что под сохою следует понимать не участок земли определенной величины и доходности, а 16 работоспособных крестьян обо-его пола.

Как помещик содержит этих крепостных, и каким образом он пользуется их трудом, сколько земли и какую землю он отдает в пользование своим рабам, и сколько земли он присоединяет к имению—все это являлось личным делом помещика. Казна только по временам назначала ревизии, которые регистрировали помещичьих рабов и в зависимости от их числа определяли размеры налогов.

Первыми тремя ревизиями (1725, 1732 и 1738 г.г.) правительство хотело главным образом выяснить, насколько сгладились последствия последней войны. Такие имения, где по заявлениям помещиков число крестьян опять достигло того уровня, на каком оно стояло во времена шведов, совсем не подвергались ревизии, так как это считалось высшей ступенью возможного благополучия.

Начиная с середины XVIII столетия правительство уже не удовлетворялось этим. В последующие ревизии (1744, 1757 и 1761 г.г.) число душ тщательно проверялось, при чем путем деления его на шестнадцать каждая новая ревизия устанавливала большее число сох. Таким образом помещичьи налоги после каждой ревизии все увеличивались, а вместе с ними, понятно, увеличивалась и барщина. Откуда же было баронам возмещать все возрастающие налоги, если не за счет крестьян, над которыми правительство все милостивейше даровало им неограниченную власть.

Во время царствования Екатерины Второй с увеличением крестьянских повинностей возрастали потребности и роскошь помещиков. При введении так называемого губернского уложения помещичьи сынки получили много хорошо оплачиваемых казенных мест⁹⁰). Старинная простая жизнь, часто в домах с соломенной крышей, не могла быть по духу молодому поколению помещиков: в столице оно приохотилось к более широкой жизни *).

*) Как вели себя ливонские помещики в столице, видно из походов ландрата Розенкамфа, который несколько раз ездил в Петербург ко двору императрицы в качестве депутата ливонского дворянства. Собственных средств, по видимому, ландрату не хватало, и он задолжавшись принялся за подделку векселей. В 1781 году его долги достигли крупной по тем временам суммы—35.000 р. Спасаясь от кредиторов, он бежал в Ригу. Сама императрица написала по этому поводу генерал-губернатору Брауну письмо, в котором извещала его о необходимости ареста ландрата, при чем просила сообщить о случившемся отцу Розен-

Немало также путешествовали сынки наших баронов за границей как с целью образования, так и в качестве офицеров в войсках разных армий. Не было ни одного войска в Европе, где лифляндские помещики не служили бы «верными» офицерами. Всюду они знакомились с более изнеженной жизнью и привыкали получать и тратить большие суммы денег. В виду необходимости средств для широкой жизни они применяли разнообразные способы выкачивания из земли и крестьян побольше дохода. Леса вырубались с целью обращения их площади под посев и производства как можно больше хлеба; винокурение распространилось в сильной степени, рогатый скот откармливался и продавался. Одним словом, бароны старались извлечь из земледелия как можно больше денег в возможно меньшее время, не учитывая того, что земля при этом окончательно истощается.

Благодаря такому нерациональному ведению хозяйства не только чрезмерно увеличивались крестьянские повинности, но и обесценивались баронские имения. Огромные доходы, извлекаемые из имений, уменьшая их действительную ценность, поднимали, однако, их рыночную цену, следствием чего явилась спекуляция имениями.

То, что не удавалось шведскому правительству, то собственными силами совершил капитализм, превратив землю в товар. Не только помещики стали покупать и продавать имения в видах спекуляции,—на этот рынок устремился также торговый капитал. Но так как не-дворяне не имели права покупать имения, то горожане и купцы брали их у баронов в залог под денежные ссуды. Этой же системы придерживались спекулянты из дворян. Так как и правительство, следившее за торговлей имениями, захотело извлечь для себя выгоду из этих спекуляций, в 1783 году оно ввело шестипроцентный налог (крепостную пошлину) на продажу имений. Этот налог подорвал торговлю имениями, и их стали брать только в залог (Erbfand) на 99 лет под определенную ссуду. Таким образом много имений перешло в руки городских спекулянтов. Борьба с торговым капиталом и различными покупателями имений требовала наличия особого кредитного учреждения для дворян. Об этом лифляндские бароны хлопотали начиная с 1789 года. Но в 1792 году уездный маршал фон-Таубе принужден был объявить в рижском ландтаге, что пятилетние хлопоты дворян

камфа и потребовать уплаты долгов сына, чтобы спасти его от позора. Это письмо любопытно по приписке карандашом: «Этот человек в течение последних месяцев надоедал мне со всевозможными нелепыми проектами. Он обобрал также сына покойного адмирала Палена на три тысячи рублей наличными. Мне кажется, что этот человек представляет из себя хорошую мебель для любого дома заключения, но он никуда не годится как представитель своей провинции» (Bienemann. «Statthaltertschaftszeit» (стр. 75).

об основании кредитного банка были тщетны: императрица отказалась утвердить подобное учреждение.

Попытки борьбы с нарастающим капитализмом. Приведенные факты не оставляют сомнений на счет того, что капитализм ломился уже в Прибалтику и мощно заявлял о своем существовании. Искусственное повышение арендной платы, бешеная спекуляция на имениях, разные проделки городских аферистов, развитие роскоши— все это приводило наших баронов к нищете. Недаром установился обычай после каждого заседания ландтага класть на стол две фуражки, куда члены ландтага опускали милостыню для разорившихся дворян.

Большинство баронов, конечно, не понимало, что они столкнулись с новым общественным строем, а именно таким, где все общественное богатство состоит из товаров, цены на которые то падают, то поднимаются, в зависимости от числа покупателей, которые, в свою очередь, могут быть покупателями только после того, как ими как свободными и независимыми собственниками своих продуктов, проданы их собственные товары, предназначенные для рынка. Помещики не могли уяснить себе, что их положение может быть улучшено только при упрощении торговых сношений и увеличении числа свободных производителей. Они пробовали помочь себе тем, что по возможности старались стеснить торговлю и пытались, согласно решению ландтага, принудить население к прежней простой жизни, когда все потребности удовлетворялись продуктами своего же хозяйства. Так, например, в 1780 году ландтагом, 36 голосами против 6, был принят новый закон, указывающий, какое платье и башмаки имеют право носить помещики. «Чтобы деньги остались в своей стране, помещики не смеют носить пестрые шелковые одежды; также атлас и тафта, идущие на одежду, могут быть только одноцветными». Совершенно было запрещено отделять платья шелком и бархатом, запрещались заграничные перья, роскошные шляпы, кружева и другие украшения, также запрещались заграничные башмаки, заграничные седла и фарфоровая посуда. До 12 лет дворянские девочки не смели носить шелкового платья, а мальчикам запрещалось до 15-летнего возраста носить шелковое нижнее белье. Этот закон должен был войти в силу через четыре года после его издания, в течение которых можно было доносить те платья, которые противоречили новому порядку. Городские депутаты напрасно пытались протестовать, указывая, что «недостаток денег наблюдается потому, что цены на продукты стоят очень низкие» (а цены падали главным образом потому, что правительство в урожайные годы запрещало вывозить хлеб, а также и потому, что цены на имения чрезмерно возросли ⁹¹).

Закоснелые в своих взглядах бароны не могли понять того, что могли бы улучшить свое положение, превратив своих

крестьян в свободных самостоятельных производителей, которые являлись бы на рынок как продавцы своих собственных товаров и покупатели чужих. Чем сильнее изменившийся хозяйственный строй давил представителей дворянства, тем сильнее они в свою очередь давили, били и угнетали своих рабов-крестьян, которые, как мы уже видели, находились в их полной власти.

Крестьяне терпели, сколько могли; а когда нельзя было больше терпеть, они убегали в леса или к другим помещикам, которые, конечно, не были лучше прежних. В книге Астафа фон-Транзе-Розенека «Помещик и крестьянин в Лифляндии» приводится целый ряд постановлений ландтага о беглых крестьянах. Оттуда же мы узнаем, что лифляндские бароны устроили в Курляндии, Литве и России целую систему шпионажа для поимки беглецов. Крестьянин, который поймал и возвратил своего беглого брата, получал 2 рубля, как Иуда свои серебряники. Особенно часто упоминаются в качестве дворянских агентов некий Белендорф, а также Самуил Симон, получавший по 3 талера за каждого пойманного им беглеца, особенно ненавидимый в Курляндии; был известен также некий обер-лейтенант фон-Гагемейстер, получивший от дворянства полномочия шпионить за беглецами в Польше.

В 1786 году некий фон-Розенкамф *) предлагал свои услуги по транспортированию обратно из России беглых прибалтийских крестьян за вознаграждение в 10 рублей с головы.

Законы и наказания устанавливались самые бесчеловечные как для беглецов, так и для их укрывателей. Однако, ничто не помогало. Первой задачей капитализма в каждой стране является отделение работника от земли. В какой форме это происходит, зависит от многих обстоятельств. В Прибалтийском крае это привело к тому, что в самом начале развития капитализма положение крестьян сделалось положительно невыносимым, и они толпами бежали из своей родины в Россию, Польшу, Литву и в те города, где их принимали, или же просто укрывались в лесу.

---

*) По всей вероятности, известный нам ландрат; см. стр. 124, примечание.

ГЛАВА XII.

Когда чаша терпения полна...

Милости царского правительства прибалтийским помещикам.

Все историки, за исключением патристических «фальшивомонетчиков от истории», согласны с тем, что под крылом царского орла латышские крестьяне из крепостных превратились в рабов.

Во время царствования императрицы Екатерины рабство достигло своего апогея. Усиление его объясняется отчасти и тем, что в Прибалтийском крае начался смертный бой между капитализмом и феодализмом. Феодальное дворянство, зажатое в тиски, в свою очередь душило и эксплуатировало отданных в его неограниченное распоряжение крестьян. Жизнь последних была до того тяжела, что, несмотря на варварские наказания, они убегали куда могли. Но она стала совершенно невыносимой после введения 3 мая 1783 года «либеральных» реформ императрицы Екатерины.

Этим реформам посвящены большие и обстоятельные сочинения⁹²⁾, которые можно найти во всех библиотеках. Поэтому я не буду подробно останавливаться на них, а попытаюсь только выяснить их экономическую и политическую основу и важнейшие последствия.

Нам уже известно, что Петр I вернул (реституировал) лифляндским дворянам все отобранные (редуцированные) шведским правительством имения, чем явил свою милость в более широкой мере, нежели обещал сам и нежели помещики могли ожидать.

Реституционная комиссия, назначенная царем, руководствовалась больше своим добрым сердцем, нежели определенными тенденциями. Не только помещики, не имевшие на то никакого права, получали имения, но права многих баронов были изменены в том отношении, что прежние пожизненные имения (Lebtagsgüter) отдавались в наследственное ленное пользование (Mannslehen), а бывшие наследственные (Mannslehen) превратились в имения с правом широкого семейного наследования (Gesammthandlehen), последние же—в аллоды. Это объяснялось

главным образом тем, что русские чиновники плохо разбирались в ленных правовых нормах, которых было 24.

При наследниках Петра, особенно во время царствования Екатерины I, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны, прибалтийские помещики фактически владели своими имениями, как аллодами, несмотря на то, что даже при всей благосклонности реституционной комиссии, только небольшое число имений перешло в полную собственность их владельцев. Большинство из них были ленными. Даже в 1782 году в Лифляндии 188 помещиков пользовались своими имениями по ленному праву.

Когда началась оживленная торговля и спекуляция имениями, некоторым лицам было выгодно доказать, что то или другое имение или участок земли не являются собственностью его держателей, а предоставлены им только на правах ленного пользования. Так, например, когда надо было отстранить от наследства принадлежащих к семье женщин, старались доказать, что данное имение было в наследственном ленном владении (Mannslehen).

Доказательство ленного, по «общей руке» (Gesammthandlehen) владения имением имело значение для выяснения преимущественных прав известного лица на покупку имения, а также при продаже его с аукциона. Таким образом возникло много судебных процессов, где на суде оспаривались права собственности лифляндских баронов на имения. На это обратило внимание правительство, и оно затребовало список лифляндских ленных имений, при чем строго запретило продавать, закладывать и отягощать долгами имения, которые по ленному праву переходили от отца к сыну: последнее разрешалось только с ведома и разрешения царя. Несколько имений, владельцы которых нарушили это запрещение, были казной конфискованы. Это сильно испугало лифляндских баронов. Ходили слухи, что императрица собирается опять редуцировать все ленные имения. А это был бы прямой путь, идя по которому, капитализм мог бы легко уничтожить феодализм в деревне.

В России, однако, класс капиталистов был весьма слаб. Только этим и объясняется расположение Екатерины II к дворянству. Одним росчерком пера она превратила все ленные лифляндские имения в аллоды, т.-е. отдала их в полную частную собственность помещикам. Одновременно с этим помещики были освобождены от обязанности содержать военных лошадей, каковая обязанность лежала на всех ленных имениях с незапамятных времен. Правда, до сего времени обязанности по содержанию лошадей и кавалеристов помещики перекладывали на крестьянские плечи, и эти повинности причислялись к общим крестьянским повинностям в пользу имения. Освободив помещиков, казна для содержания войска обложила крестьян подушным налогом в размере 70 коп. с каждого мужчины. Чрезмерные и без того повинности крестьян таким образом были

увеличены на две трети. Это переполнило чашу крестьянского терпения: в 1784 г. начался великий крестьянский бунт.

Крестьянский бунт 1784 г. 15 июня рижский генерал-губернатор Браун рапортовал Екатерине из Смилтена:

«Уже 11 и 13 дня сего месяца я доносил вашему императорскому величеству о местных крестьянских беспорядках. Теперь обязан донести, что восстание настолько распространилось, что мне неизвестна ни одна волость, где все обстояло бы благополучно. Если в некоторых местностях восстание еще не приняло открытых форм, то там крестьяне лишь ждут, когда бунт вспыхнет ярким пламенем. Нападают на судей; начальникам не оказывают должного почтения, и большая часть крестьян требует освобождения от барщины. Другие хотят сами вносить в казначейство свой подушный налог... 75 лет в этих губерниях царил полный порядок, и население никогда не восставало против правительственных учреждений... *). Хотя мне в двух латышских уездах при помощи двух эскадронов карабинерного полка удалось удержать крестьян от убийств и поджогов, однако, здесь восстание в полном разгаре. Теперь для меня ясно, что никакие правительственные указы здесь помочь не могут. Я принужден буду прибегнуть к строгим и тяжелым репрессиям, как только получу достаточное количество войска. Но так как до сих пор войско не приходит, то попытаюсь удержаться здесь до 24 дня настоящего месяца. После этого у меня не будет другого выбора, как отступить к Риге и позаботиться о собственной безопасности, а страну со всеми помещиками я принужден буду оставить во власти бунтовщиков. Они угрожают нападением маленьким уездным городкам, собираются их сжечь и перебить население за то, что оно не участвует в бунте. В каждом городке стоит всего 6 плохоньких солдат, что здесь принято называть гарнизоном. Я принужден был отозвать всех солдат из авангардов, чтобы обеспечить уездным городам некоторую безопасность. Псковский карабинерный полк я оставил здесь, несмотря на приказание маршировать в Петербург еще до прихода ожидаемого третьего полка. Однако, этот карабинерный полк не может предупредить всех ужасов, которых можно ожидать. Нашим соседям это положение не может оставаться неизвестным, и их газетам будет дана возможность подробно описать Лифляндию... **).

Бунт действительно имел серьезный характер. Раунские крестьяне переходили из имения в имение, призывая всех кре-

*) Последнее не соответствует действительности. В 1777 году было несколько крупных местных восстаний; правда, они не имели общего значения, однако, и их было достаточно, чтобы правительство напомнило дворянству о необходимости проведения в жизнь постановлений ландтага 1765 года.

**) Рапорт генерал-губернатора Брауна в подлинном виде разыскать мне не удалось, и я привожу его в переводе с латышского.

Прим. переводчика.

постных восстать на защиту своих прав. В Кримульде и Энгельгарде поднялись все крестьяне. В Смильтене, принадлежавшем самому генерал-губернатору, крестьяне высекли своего помещика, главу Прибалтийских провинций! В приходе Дикель восстание разгоралось. Вольмарские горожане вооружились и готовились к сопротивлению. То же самое наблюдалось в северных приходах: в Газелау, Каруле и Раппине.

Присланные из местных губерний солдаты подавили восстание, при чем во многих местах были кровопролития. Так, например, в имении Раппин произошло столкновение, в котором 5 крестьян было убито и 8 тяжело ранено. Также было ранено четверо солдат. Подавление восстания сопровождалось варварским избиением «агитаторов» и «вождей» шпицрутенами. Тем не менее успех восстания был большой.

**Чего добились
крестьяне своим
восстанием.**

Вскоре же, 27 июня, приехали из Петербурга расследовать причины крестьянского бунта два сенатора, граф Воронцов и князь Долгоруков. Они убедились, что подлинной причиной и поводом к восстанию послужило то обстоятельство, что многие бароны, заплатив за своих крестьян подушный налог, наложили на последних несоразмерную барщину. Сенаторы не могли также не видеть невыносимого положения крестьян и поэтому потребовали, чтобы бароны исполнили постановление ландтага 1765 г., сообщив список всех крестьянских повинностей. В течение 19 лет оказывается лифляндские бароны не успели этого сделать! Уездным маршалам, кроме того, было приказано следить за тем, чтобы бароны не обижали крестьян.

Правда, обещанные правительством реформы по большей части оставались только обещаниями. Напрасно некоторые либеральные противники дворянства селятся доказать, будто одни бароны противились улучшению положения крестьян, между тем как правительство денно и нощно заботилось об улучшении их судьбы. На самом деле царское правительство, целиком состоявшее из помещиков-крепостников, не могло стремиться улучшить быт прибалтийского крестьянства, в то время как в самой России крепостное право достигло самых безобразных форм. Углубляясь в историю, мы убеждаемся в основательности этого мнения. Так, например, лифляндские помещики еще в 1765 году формально присоединились к предложению правительства, которое предоставляло крестьянину право жаловаться на своего помещика за присвоение последним благоприобретенного крестьянского имущества, за чрезмерную барщину и жестокое обращение. Однако, тогда же ландтаг высмеял это предложение, прибавив к нему постановление, обязавшее крестьянина, прежде чем жаловаться, выполнить незаконное распоряжение помещика, разрешавшее подачу жалоб только лично и словесно и предупреждавшее, что «необоснованные» жалобы

строга наказываются. Право жалобы было окончательно отнято правительством в 1783 году, когда было введено в Лифляндии и Эстляндии известное губернское Уложение. Параграф 124 уложения устанавливает, что прибалтийские суды не могут разбирать ни одного дела иначе как только по общим царским законам. В некотором отношении это постановление было прогрессивным шагом, так как им ограничивалось своеволие лифляндского дворянства. Но у латышского крестьянина этим было отнято последнее право, так как имперские законы воспрещали крестьянам всякие жалобы на своего помещика, а суды не имели права принимать таких жалоб. Мы видим, что даже в тех случаях, когда правительство не собиралось служить интересам лифляндского дворянства, положение крестьян под его влиянием ухудшалось, а не улучшалось.

Дворяне-помещики и государственные чиновники в одинаковой степени не могут быть друзьями крестьян. Однако, начиная с 1784 года как те, так и другие беспрестанно рассуждали и писали об улучшении положения крестьян. Крестьяне сами беспрестанно бряцали своими рабскими цепями и этим заставляли задумываться об их положении: начиная с 1784 года крестьянские бунты повторялись все время. Пулями и шпицрутенами усмирить их было нельзя. Единственное средство для усмирения восставшего народа это—хлеб, что понимали некоторые более благоразумные и дальновидные помещики. А понять это было нетрудно, так как после каждого нового проявления гнета, после каждой попытки дворян или правительства сделать тяжелее ношу, лежавшую на плечах крестьян, восстания разгорались снова. Было вполне очевидно, что мир и благополучие могли установиться только после облегчения непосильных тягот крестьян.

Великая французская революция, отблеск которой пронесся по всей Европе, произвела и на латышских крестьян некоторое впечатление. Даже среди самого лифляндского дворянства нашлись люди, которые начали систематическую борьбу с неограниченной властью помещиков. Во главе их стоял со своими друзьями и помощниками Фридрих-Вильгельм фон-Сиверс⁹³). Им помогал кое-кто из образованной молодежи, в особенности же выписанные из Германии домашние учителя, которые в большей или меньшей степени надыхались воздухом великой французской революции. Самым одаренным и мужественным из либеральных немецких интеллигентов того времени был Гарлиб Меркель, вокруг которого и собралось это свободолюбивое общество.

Вследствие крестьянских беспорядков и хозяйственного кризиса лифляндское дворянство впадало в долги. Общая сумма задолженности лифляндских помещиков в то время превышала 11 миллионов рублей. Многие из них уже обанкротились, другие приближались к тому же. Однако, когда либеральный по-

мещик фон-Байер в 1792 году предложил ландтагу улучшить положение крестьян, хотя бы в пределах обещания 1765 года, его предложение было отклонено, несмотря на то, что для всякого более или менее понимающего обстановку было ясно, что это является единственной мерой, при помощи которой лифляндское дворянство сохранит в стране мир и спокойствие и достигнет собственного благополучия. Большая часть членов ландтага бессознательно это понимала, хотя по своей умственной ограниченности и не могла дать себе в этом отчета. Об этом говорит тот факт, что в том же 1792 году Фридрих-Вильгельм фон-Сиверс был избран губернским предводителем дворянства (маршалом, как в то время назывались ландмаршалы). Состоя в этом звании, он не упускал ни одного случая, чтобы снова не поднять вопроса об аграрных реформах. Правительство невольно помогало ему, толкая крестьян к новым восстаниям введением новых податей и налогов. Введенный в 1783 году подушный налог уже в июне 1794 года был увеличен до 1 рубля, немного позднее—до 1 р. 13 коп., а в декабре 1797 г.—до 1 р. 26 коп. Кроме того, в 1796 году был издан новый закон о рекрутах. Каждое увеличение крестьянских повинностей сопровождалось бунтами то в одном, то в другом месте, пока, наконец, в 1797 году восстания не охватили вновь всей Лифляндии.

Это обстоятельство заставило даже самых консервативных помещиков отнестись серьезнее к предложению Сиверса и его друзей. Именно по этой причине, а не благодаря ораторскому таланту члены ландтага в 1795 году были увлечены речью Карла Зонтага, произнесенной по приказанию Сиверса на первом заседании ландтага*). Ландтаг внимательно выслушал предложение Сиверса об аграрных реформах, которое сводилось к ограничению барщины. Решение данного вопроса было предоставлено дворянскому конвенту, при чем последнему предлагалось оповестить о своих предположениях всех баронов. Бароны же в свою очередь должны были сделать примечания к решениям конвента, учитывая которые конвент должен был вынести окончательное решение, которое следовало рассматривать как постановление ландтага. Дворянский конвент собрался в июле 1796 года. Но в сентябре того же года по приказанию императрицы была назначена чрезвычайная сессия ландтага, которая должна была уладить вопрос о снабжении продовольствием войска. Этим случаем вновь воспользовался Сиверс, чтобы возбудить вопрос о реформах. Несмотря на жестокую оппозицию на этом ландтаге со стороны консерваторов, друзьям реформ удалось, однако, провести свое предложение. В главных пунктах оно сходилось с постановлениями ландтага 1765 г. и в значительной степени улучшало положение крестьян, при-

*) Ландтаг издал эту речь отдельной брошюрой и подарил оратору от имени всего дворянства дорогую табакерку.

ближая его к тому, в каком они находились при шведском правительстве. Крестьяне получали право собственности на свое имущество, барщина устанавливалась соразмерно с площадью и урожайностью земли и отмечалась в волостных книгах, ограничивалась, и в некоторых случаях совершенно запрещалась продажа крестьян и т. д.

В глазах правительства, однако, дворянские проекты реформ не встречали одобрения. Генерал-губернатор передал их на рассмотрение четырем сенаторам, и последние выставили против проекта несколько возражений. Важнейшее из них указывало, что ограничение права продажи крестьян совершенно не согласуется со строем русского государства и его хозяйственной системой; ограничение права продажи крестьян не только «противоречит принципам свободной торговли», а прямо-таки вредит интересам тех помещиков, у которых имеется налицо больше крестьян, нежели они могли бы содержать на своей земле и которых потому принуждены продать.

Это подняло дух у лифляндских реакционеров в роде Иоганна-Готлиба Миниха. Они обратились со слезной жалобой к царю и добились отсрочки утверждения проекта реформ. Однако, вечно повторяющиеся крестьянские восстания не позволяли совершенно забыть о реформах. Поэтому даже император Павел, слышавший вообще безжалостным деспотом, хотя и отменил губернское уложение, введенное его предшественницей, и вернул помещикам их прежние привилегии, все же не мог оставаться равнодушным к судьбе латышских крестьян и приказал генерал-губернатору следить за тем, чтобы крестьянские повинности не увеличивались чрезмерно и чтобы в секретном и спешном порядке были тщательно разобраны все жалобы на баронов. Тем же императором Павлом был издан первый закон в защиту крестьян (Полное Собрание Законов Российской Империи, № 17909 от 5 апреля 1797 года), которым запрещалась крестьянская барщина в воскресные дни, и последняя ограничивалась тремя днями в неделю.

Таким образом, с одной стороны, крестьяне понуждали помещиков и правительство к улучшению своей судьбы. Но, с другой стороны, все лица, активно участвовавшие в движении в пользу реформ, подвергались самым варварским наказаниям и гонениям. Нечего говорить о крестьянах. Если они были уличены в участии в восстании или в пропаганде последнего, у них, конечно, не оставалось здорового места на теле. Но даже Сиверс два раза лишался своей должности за то, что в качестве председателя особой комиссии, разбиравшей жалобы крестьян на помещиков, пожелал осуществить постановления ландтага и приказание императора и спешно и справедливо рассмотреть все жалобы.

23 марта 1801 года, по смерти императора Павла, на престол вступил его сын Александр I. Дело о крестьянских ре-

формах на время утихло, но новый крестьянский бунт в 1802 году снова напомнил о них, и в 1803 году ландтаг, наконец, разработал законопроект, утвержденный Александром I 20 февраля 1804 года и известный под названием «крестьянских законов 1804 года».

**Положение крестьян
после реформ 1804
и 1809 г.г.**

Закон 1804 г. делит крестьян на три слоя или класса, из которых каждый получает свои особые права. Во-первых, закон строго отделяет крестьян-пахарей от помещицкой прислуги, а первых в свою очередь делит на дворохозяев и безземельных.

По этому закону крестьяне вновь из рабов превращались в крепостных. Им не позволялось оставлять своего местожительства, но и барон не смел против воли переводить их в другие волости. Он не смел также продавать их без земли. Дворохозяин мог быть собственником своего двора или его арендатором, и дети наследовали его права. Только в том случае, если он вошел в такие долги, которые превышали двойную стоимость его двора (усадыбы) и если по суду он был признан неспособным к ведению хозяйства, у него можно было отобрать двор и передать его наследнику — старшему сыну. Если волостной суд признает и того неспособным, то двор переходит к его брату и т. д. Так называемый «железный инвентарь» *) наследует тот, к кому переходит двор, остальное имущество делится между всеми детьми.

Присвоить себе крестьянскую землю барон мог только в том случае, если он доказал, что помещицкой (мызной) земли так мало, что на одного работника и коня не приходится более двух пурных-мест **) пахотной земли, а также, что на помещицком участке другой пригодной для обработки земли нет. Но если даже при наличии этих условий барон присваивает себе крестьянские участки, он обязан вознаградить крестьянина за все понесенные им труды по ремонту строений и, кроме того, уплатить особый «абтрак», который определяется по количеству пахотной земли (за каждый талер ***) земли — 2 рубля серебром). Крестьянам, кроме того, если у них своего лесу нет, предоставляется право пользоваться помещицкими (мызными) лесами, при отводе нового участка земли предоставлялось право требовать от помещика субсидии, и, наконец, гарантируется полное право собственности на все свое имущество. Барщина и повинности определяются по площади и плодородию земли. Оценка

---

*) «Железный инвентарь» в прибалтийском сельском обиходе составляли самые необходимые орудия земледельческого производства.

Прим. переводчика.

**) Пурное-место (также «лофштель») — прибалтийская поземельная мера, равная приблизительно $\frac{1}{3}$ десятины (точно = 816 кв. сажаням, 0.34 десятины, 0.37 гектара).

Прим. переводчика.

***) См. стр. 100.

дворов производится по шведскому методу; установленную барщину и налоги барон вновь увеличивать не может. Таким образом все работы по мелиорации идут в пользу самого крестьянина.

Правда, кнута у барона и его заместителя еще не отнимают, но пользоваться им они могут только по отношению к дворовым и тем крестьянам, кто участвуют в помещичьих работах. Дворохозяева свободны от этих наказаний; но и по отношению к двум первым категориям применение телесных наказаний было сильно ограничено *). Помещик, который не подчинялся этим постановлениям, мог быть подвергнут штрафу до 300 талеров **), а за жестокое обращение с крестьянами его можно было лишиться права управлять имением и предать уголовному суду.

Принудительное определение в дворовые, от чего до сих пор никто не мог отказываться, теперь было отменено. Право на брак по собственному усмотрению предоставлялось всем крестьянам и крестьянкам. Рекруты теперь уже не поставляются бароном, а их набирает волость (мир).

Были учреждены также суды, где крестьяне не только могли искать защиты, но в которых и сами участвовали. Таковыми явились: волостной суд (мирской), состоявший только из крестьян (хотя от помещика зависело утверждение приговора); приходский — с тремя крестьянскими заседателями; уездный (Landgericht) — с двумя крестьянскими заседателями. Высшей инстанцией по крестьянским делам был гофгерихт.

Таковым в общих чертах было правовое положение крестьян. Но как уже выше было сказано, среди крестьян были дворохозяева и безземельные. Дворохозяевам закон предоставлял значительные преимущества, важнейшими из которых были следующие: дворохозяев ни барон, ни его уполномоченный не могли подвергать наказаниям, и их нельзя было сдавать в солдаты. Если иметь при этом в виду их хозяйственную устойчивость, то можно заметить, что этот слой крестьян по закону 1804 года приобрел сравнительно сносное положение, а после дополнения этих законов в 1809 году их положение стало и совсем хорошим, — поскольку, конечно, это было возможно при существовавших феодальных отношениях.

---

*) Высшей мерой телесного наказания считалось 15 розог, при чем случаи, допускавшие его применение, следующие: 1) если дворовая прислуга или крестьяне, участвующие в помещичьих работах, в нетрезвом виде нарушают спокойствие помещика или причиняют последнему материальный ущерб; 2) если не повинуются, ведут себя грубо или не оказывают помещику должного уважения; 3) если работают спустя рукава, и помещик находит необходимым понуждать их к более интенсивной работе. Для всякого, конечно, понятно, что эти пункты можно толковать вкрявь и вкось. Помимо розог, помещик имел право подвергать крестьян аресту на срок не более двух суток.

**) Талер (как денежная единица) может быть приравнен 1 р. 30 коп. (приблизительно).

Не таково было положение батраков и безземельных. Правда, и они принадлежали к числу крестьян-пахарей и не могли быть переводимы в другие волости, но в пределах своей они всецело были подчинены власти дворохозяев. Волостной суд по своему усмотрению распределял их между дворохозяевами и переводил из деревни в деревню, ведал рекрутским набором и, конечно, тех безземельных, которые были негодны дворохозяевам, сдавал в солдаты. Правительство устанавливало размер содержания батраков*). Таким образом, дворохозяева могли не беспокоиться, что останутся без работников или что их жалование слишком возрастет.

Положение тех безземельных, которые имели свой инвентарь и обрабатывали им чужую землю, согласно закона 1804 года (как и 1809), было тяжелее, чем положение батраков. Их принуждали жить на определенных участках и обрабатывать их или поступать в батраки к дворохозяину. Если они не соглашались на условия дворохозяев, то помещик имел право брать их на свои работы за жалование, установленное уездным судом, или отпускать их в ближайшие города и местечки на отхожие промыслы.

От класса крестьян-пахарей сильно отличались дворовые (помещичья прислуга), которые не были прикреплены к земле. Помещик мог продавать их без земли (правда, только лифляндским дворянам). Телесные наказания по отношению к этому классу были ограничены, так же как по отношению к батракам и безземельным, но, поскольку дворовые были всегда около господ, они подвергались наказаниям чаще всего. Помещики имели право отдать любого из своих людей в солдаты взамен пахаря, батрака или бобыля, чего не могли делать волостные суды.

---

*) Приложения к закону 1809 года (§§ 39, 41, 43 и 44) устанавливают для семейных батраков следующее содержание: $4\frac{1}{2}$ пурных-мест ($1\frac{1}{2}$ десятины) пахотной земли, $\frac{1}{2}$ пурного-места малоплодородной (заброшенной) земли, $4\frac{1}{2}$ пурных-места луговой земли, небольшой участок огорода и пастбища; батраки этой категории должны были иметь свою лошадь и все земледельческие орудия, необходимые для обработки хозяйской земли. Холостому батраку полагалось: квартира, стол, за каждые четыре года службы—одна шуба, за каждые два года—пиджак, брюки, шерстяной камзол, пальто; кроме того ежегодно: три пары нижнего белья, три пары пастал (кожаная крестьянская обувь), две пары шерстяных носков и, сверх того, давалось в пользование $\frac{1}{2}$ пурного-места земли. Так же строго закон устанавливал и заработок батрачек (служанок), при чем их часть выдавалась деньгами.

ГЛАВА XIII.

Отмена крепостного права.

Экономические причины «освобождения крестьян».

С изданием законов 1804 и 1809 г.г. цель Сиверса и его сторонников была достигнута. Положение крестьян, особенно дворохозяев, заметно улучшилось.

Помещикам это не особенно нравилось, что понятно само собой. Особенно недовольны были бароны тем, что для урегулирования крестьянской барщины приходилось измерить всю крестьянскую землю, что требовало много денег, а землемерная комиссия и ее работы находились под наблюдением петербургского Комитета по лифляндским делам, где среди других друзей Сиверса заседал также граф Меллин, гордо заявивший: «Я представитель не дворянства, а страны (ландрат)».

Однако, крестьянам новый закон принес немного радости. Начиная с 1805 года Россия вела беспрестанные войны с Наполеоном. Кроме того, в 1807 и 1808 г.г. страну постиг неурожай; да кроме того Наполеон принудил Россию участвовать в так называемой «континентальной системе».

Эта система совершенно разорила внешнюю прибалтийскую торговлю, которая по преимуществу велась с Англией. Конечно, надо признать, что полной изоляции Лифляндии не было, и торговля с Англией окончательно не прекращалась. Контрабандные пароходы отправлялись и приходили под тем или иным нейтральным флагом, и при помощи всевозможных уловок судовладельцы получали огромные барыши. Особенную известность получил и почти превратился в пословицу так называемый «тенерифский флаг». Еще в сороковых годах прошлого столетия старожилам были известны несколько рижских богатеев, достигшие своего благосостояния благодаря «тенерифскому флагу».

После наполеоновских войн наступило, хотя и короткое, но блестящее время земледельческого расцвета. В течение первых двадцати лет девятнадцатого столетия цены на хлеб в Западной Европе сильно возросли. С 1816 по 1820 г. в Лондоне пура пшеницы стоила приблизительно 9 рублей; в Германии пура пшеницы стоила свыше пяти рублей (1 центнер—10,31 марки); пура ржи в то же самое время в Пруссии⁹⁴ стоила четыре рубля (1 центнер—7,58 марки).

При капитализме изменение рыночных цен в одном государстве не может не отразиться на изменении их во всех остальных капиталистических странах. Рост цен на хлеб в Европе не мог остаться без влияния на прибалтийские хлебные цены. И, действительно, в Риге цены на хлеб в рублях были следующие:

Г о д ы	1 ласт пшеницы	1 ласт ржи
1811 — 1815	105	59
1816 — 1820	125	86

Рост хлебных цен способствовал расширению посевной площади. В период за 1811—1815 г.г. из Риги было вывезено в среднем 852 ластва пшеницы и 10.236 ластов ржи в год *). Между тем, в 1816 году уже было вывезено 3.355 ластов пшеницы и 16.354 ластва ржи, а в 1817 году—8.453 ластва пшеницы и 66.490 ластов ржи. При этом улучшенные методы земледелия позволяли получать с прежних участков земли более высокие урожаи. Естественным следствием повышения урожайности явилось переполнение европейского рынка хлебом несоответственно спросу, и цены начали падать. Так, например, в Берлине один шфель хлеба в пфеннигах и зильберггрошах стоил:

Г о д ы	Пшеница	Рожь	Ячмень	Овес
1801—1810	96,4	72,8	57,1	41,5
1811—1820	82,6	56,9	47,0	35,4
1824	43,1	24,1	20,5	16,9
1825	39,11	23,8	20,8	15,0 ⁹⁵)

Вследствие падения хлебных цен и цены на имения падали с такой быстротой, что часто при продаже имений с аукциона помещики не могли вырученными деньгами даже покрыть своих долгов банкам.

То же самое происходило и в Лифляндии. Цены на пшеницу, которые в 1820 году доходили до 125 рублей за ласт, в 1821—1825 г.г. упали до 81 рубля, а в 1826—1829 г.г. до 79 рублей. Цена на рожь также дошла с 86 до 51 и 45 рублей. Вместе с тем цены на землю, которые с 1811 по 1820 г. поднялись до 4.820 рублей за соху, в период времени 1821—1825 г.г. упали до 4.395 рублей. С 1801 по 1810 г. было продано с торгов лифляндских имений—28, с 1811 по 1820 г.—51, с 1821 по 1830 г.—33 и с 1831 по 1840 г.—15⁹⁶).

Приведенные цифры ясно говорят за то, что Лифляндия дошла до полного аграрного кризиса, что доказывает, что капитализм уже успел занять господствующее положение в управлении хозяйственной жизнью страны. Но при капитализме работник не может быть прикреплен к земле: производитель должен быть полностью отделен от средств производства.

*) Кстати сказать, населения в Риге в 1811 году было всего 32.955 человек.

Это — первая заповедь капитализма. Против этой заповеди грешили крестьянские законы 1804 года, по которым все еще допускалось прикрепление крестьян к земле; кроме того, эти законы стесняли развитие капиталистического хозяйства тем, что на каждую соху (20 работоспособных крестьян обоего пола) допускали не больше 72 пурных - мест пахотной земли. Если бы крестьяне продолжали обрабатывать землю по трехпольной системе и производили бы только хлеб, то законы 1804 года были бы в общем и целом сносны. Но развитие земледельческой техники и рыночные требования заставляли перейти к более рациональным формам полеводства.

Вовлеченные в процесс капиталистического круговорота, лифляндские бароны скоро отказались от старинных способов земледелия. Конкуренция на мировом хлебном рынке заставляла их хозяйничать по-новому. Пользовавшийся в то время большой популярностью писатель по аграрным и экономическим вопросам Таер, переведивший сочинения английских экономистов, горячо рекомендовал заняться овцеводством по английскому образцу⁹⁷).

До сих пор единственными продуктами, пускаемыми помещиками на рынок, были хлеб и спирт (водка). Теперь развились скотоводство и травосеяние. Сначала, правда, перешли лишь к улучшенной трехпольной системе, при чем пахотная земля делилась на три поля, из которых одно засевалось озимыми хлебами, другое яровыми, а третье, находившееся раньше под паром, засевалось либо бобовыми растениями, либо картофелем.

Картофель в Прибалтийских губерниях распространился лишь во второе десятилетие прошлого столетия, и то сначала только у помещиков. В крестьянских хозяйствах он долго оставался лишь для личного употребления.

В гораздо большей степени, чем картофель, изменило условия лифляндского земледелия другое растение — клевер. Клевер в Прибалтийском крае появился в 1801 году, но сеяние его развилось только после освобождения крестьян и распространения овцеводства.

Овцеводство появилось как важнейшее средство для поднятия земледелия и побудило лифляндских баронов к сеянию клевера в большом количестве и к переходу на улучшенное трехполье, а затем и к семипольной системе.

Однако, все начинания упирались в крестьянские законы 1804 года. При введении многополья надо было увеличивать крестьянскую барщину, а закон этого не позволял. Переход к улучшенному хозяйству требовал увеличения посевной площади имений, что могло быть достигнуто путем присоединения крестьянской земли*), а это законом не дозволялось.

---

*) Закон 1804 года устанавливает размеры пахотной земли (для 726 лифляндских имений) в 381.578 пурных - мест, включая сюда и паровые поля.

Что же оставалось делать? Надо было или отменить законы 1804 года, или отказаться от рационального хозяйства и конкуренции на мировом рынке с европейским земледельцем. А вместе с тем надо было бы также отказаться от привившихся уже европейских обычаев. Это было невозможно. Поэтому была сделана попытка найти выход за счет крестьянина. Начались новые притеснения крестьянства.

Эстляндские и курляндские помещики нашли способ содрать с крестьянина последнюю шкуру и избежать тех неприятностей, какие постигли их лифляндских собратьев. При этом они оставались «либеральными», «гуманными» и т. д.

Незачем было говорить и писать, что у крестьян отбирают их законные права и их собственность, а надо было говорить, что их освобождают от крепостной зависимости (т.-е. от их исконных, не подвергавшихся никогда оспариванию, прав на обрабатываемую землю). Освободить — это звучало красиво, либерально и гуманно, а, между тем, предоставляло помещикам все, чего они добивались.

Александр I не постеснялся подписать предложенный помещиками проект «освобождения», который являлся самой горькой обидой, какая когда-либо была нанесена латышским крестьянам. Екатерина Вторая отдала (3 мая 1783 года) помещикам сотни казенных имений, она душила крестьян подушным налогом, чтобы пополнить изъян в государственной казне, причиненный этой отдачей имений; Александр I своим «освобождением» отдал помещикам всю землю латышских крестьян. Не крестоносцы, напав на жителей Прибалтийского побережья, превратили латышей в чужих людей в своей же стране, — это сделано так называемым «освобождением». Доказать это — является одной из важнейших задач этой книги.

Одним из самых главных требований капиталистической системы производства является отделение рабочих-производителей от средств их производства. Александр I, отделив латышских крестьян от их земли, таким образом только исполнил требование нарождающегося капитализма.

Всемиловнейше подписанный царем
Закон 1819 года об освобождении. 26 марта 1819 года новый закон заботится о том, чтобы освобожденные от земли крестьяне не освобождались от службы своим господам.

«Освобождение» началось в день св. Георгия (23 апреля) 1823 года. В этот год освобождалась первая часть дворохозяев, годом позже — вторая часть дворохозяев, еще год спустя — первая часть батраков и в 1826 году, в день св. Георгия — вторая часть батраков. Но «освобожденные» пока еще не могли передвигаться, как им хотелось бы. В течение первых трех лет они не смели оставлять своих приходов; в течение следующих трех лет им разрешалось передвигаться только в границах своего уезда (в то время в Лифляндии было восемь уездов); по исте-

чении же шести лет «освобожденный крестьянин» имел право селиться по всей губернии, но не имел права оставлять Лифляндию.

Особенно строго запрещали оставление пределов Лифляндии законы, подписанные царем Николаем I 29 ноября 1832 г. Если крестьянину необходимо было хотя бы на небольшой промежуток времени уехать в другую губернию, он мог получить паспорт только по письменному разрешению коллегии ландрагов; а такое письменное разрешение нельзя было получить иначе, как по удостоверению волостного суда, за подписью барона, свидетельствующего, что нет препятствий к отъезду данного лица (§§ 25 и 64).

Желавший наняться батраком мог (после 1832 года) искать себе хозяина по всей Лифляндии, но был обязан в течение трех лет (т. - е. от одной ревизии до другой) оставаться в той волости, к которой был приписан (§ 254). Шестнадцатый пункт освободительного закона строго устанавливает число душ одного двора, а 22 пункт устанавливает содержание батраков; выше которого никто не смеет ни просить, ни давать.

В такие, до смешного ограниченные, формы вылилось освобождение крестьян от крепостной зависимости. Но тем большей полнотой отличалось и тем более основательно было продумано и разработано во всех подробностях освобождение крестьян от их частной собственности и освобождение помещиков от всяких обязанностей по отношению к крестьянам.

Крестьянские законы 1819 года (часть I, пункт 1) отнимают у крестьян всю их землю и отдают ее в полную собственность баронам. Освобожденные от своей земли, но прикрепленные в пределах губернии, крестьяне должны были либо умирать с голоду, либо просить у барона какого-нибудь занятия. Барон, если он был милостив, уступал крестьянину по «свободному договору» крестьянский двор (который до сих пор, кстати сказать, по неотъемлемому праву принадлежал крестьянину и только теперь превратился в собственность барона). За свою «милость» барон, понятно, брал такую плату в виде барщины и податей, что у крестьянина оставалось только самое необходимое, чтобы с трудом перебиваться со дня на день. Договор, или контракт, теперь были «свободным» в том отношении, что барон имел возможность свободно наложить на крестьянина такие повинности и барщину, какие только ему вздумалось. Крестьянин же должен был со всем мириться, так как не было закона, который бы его защищал; барон же был освобожден от выполнения постановлений законов 1804 и 1809 г.г.

Останавливаясь на причинах, которые заставили прибалтийских помещиков требовать освобождения своих крепостных, мы видим, до чего стеснительными и неприятными для лифляндских баронов были законы 1804 и 1809 г.г. Отсюда мы можем заключить, до какой степени им было приятно «освобождение крестьян».

Вторым весьма приятным «освобождением» для лифляндских баронов было то, которое определялось восьмым пунктом законов, гласившим: «С самого обнародования сего постановления помещики освобождаются не только от всякой ответственности в платеже крестьянами общественных и казенных податей, относящихся как к лицу их, так и к земле помещика, которую они пользуются, но и от обязанности давать им для вспоможения ссуды» (Полное Собрание Законов Российской Империи, 1 изд., том 36, приложение к № 27735, стр. 545).

До этого «освобождения» крестьянин не мог умереть с голоду: когда у него не хватало продовольствия, барон обязан был по закону ему помочь. В 1819 году бароны были освобождены от этой обязанности, как и от ответственности за внесение крестьянами казенных налогов.

Читатель видит, что освободительный закон 1819 года освобождал лифляндских помещиков от всего, что им было неприятно, а крестьян от всего, что более или менее могло обеспечить их существование. Но, освобождая помещиков от всех обязанностей и ответственности и увеличивая тяготы крестьян, казна рисковала не получить с крестьян следующих податей. Поэтому была придумана и построена сложная механика, которая как бы в насмешку была названа «самоуправлением освобожденных крестьян». Строение этой механики было следующее.

Всех освобожденных крестьян разделили по «волостям», которые правильнее можно было бы назвать помещичьими участками или имениями, потому что их границы совпадали с границами земли, принадлежащей одному помещику. Только по желанию самого барона можно было делать исключение из общего правила (§§ 57, 58 и 59).

Таким образом, в 1819 г. слово «волость» вторично меняет свое значение. Сначала это была этнографическая единица, затем она сделалась экономической — в смысле помещичьего участка, а в 1819 году — превратилась в административное учреждение, машину для взимания податей.

Внутреннее управление и суд в волостях по закону 1819 г. были точно урегулированы. На первом месте стояло мирское общество, на втором — волостной старшина, на третьем — мирской (волостной) суд, на четвертом — волостная полиция*), которая иногда почему-то величалась волостным правлением, на пятом — приходский суд, на шестом — уездный суд, на седьмом — гофгерихт (не надо смешивать с курляндским гофгерихтом), на восьмом — генерал-губернатор.

---

*) В тексте закона она называется попеременно: то «волостной полицией», то «вотчинной полицией», то «волостным правлением».

Прим. переводчика.

Мирское (волостное) общество. Волостной старшина. Мирской (волостной) суд.

Мирским обществам в лице волостных собраний принадлежала ничтожная роль. Они созывались обычно по распоряжению волостной полиции, чтобы выслушать предложения последней. Волостные собрания могли состояться только с разрешения волостной полиции, которая могла запрещать их по своему усмотрению за исключением случаев избрания волостных должностных лиц. Созывающий волостное собрание без разрешения полиции подвергался наказанию (§§ 72, 73 и 74). Решение волостных собраний входило в законную силу только по утверждению волостной полицией. Если последняя была несогласна с решением собрания, то она имела право требовать перерешения вопроса. Если же она считала подобное решение нецелесообразным, то могла просто-напросто отменить его. В последнем случае волостям предоставлялось право жаловаться в приходский суд (§§ 78—80). Так было установлено законом; на практике же все эти вопросы решались проще: чтобы не терять времени на обсуждение каких-либо вопросов на волостных собраниях, волостная полиция заранее предreshала и сообщала председателям волостных собраний, какое решение по тому или иному вопросу должно вынести волостное собрание.

Волостных старшин было по два в каждой волости. Они же являлись заведывающими волостными хлебными магазинами. По закону они считались представителями волости (мирского общества) и защитниками ее интересов.

Зачастую они решали дела, подлежащие рассмотрению схода, самолично, так что волостной полиции достаточно было договориться с ними, чтобы не созывать общих собраний (§§ 85, 88, 95 и 514).

В каждой волости был волостной (мирской) суд, который состоял из председателя и заседателей, не меньше двух (§§ 75, 98 и 100). Волостной суд имел безапелляционное право налагать штрафы до 5 рублей и подвергать аресту или принудительным работам сроком до трех суток и телесному наказанию до 30 пар розог.

Как волостные старшины, так и председатели волостного суда и заседатели выбирались на волостных собраниях. Выборы происходили следующим порядком: на каждую должность волостным собранием избиралось 3 кандидата, которые представлялись на утверждение волостной полиции. Волостная полиция утверждала одного из них, но могла также признать всех кандидатов непригодными. В последнем случае избирались три новые кандидата, одного из которых волостная полиция уже обязана была утвердить (§ 90 и 101). Таким образом, волостная полиция могла отвести пять лиц, избранных волостным собранием, и утвердить только шестого. Естественно, что при таких условиях на практике выработался простой порядок:

председатель волостного собрания запрашивал полицию, кого она желает видеть избранным—и это лицо и избиралось. Отрешить волостных старшин от должности мог приходский суд, которому, кроме того, принадлежало право временно отстранять от должности и волостных судей. Окончательно отрешать от должностей волостных судей мог только уездный суд (§§ 96 и 133).

Волостной суд не только разбирал дела и карал преступления в указанных размерах, но также управлял волостным (мирским) обществом. В границах волости председатель волостного суда был обязан исполнять и полицейские обязанности (§ 216). Как судебная инстанция волостной суд был более обременен делами по жалобам на баронов, чем по тяжбам между крестьянами. По требованию помещика волостной суд должен был выселять из домов крестьян и расторгать заключенные контракты. Как полицейское учреждение он должен был следить за тишиной и порядком в волости и привлекать к ответственности всякого крестьянина, который в каком-либо смысле вел себя непристойно (например, всуе распевал хоралы, т. е. церковные песни), ловить беспаспортных и бежавших от дворохозяев батраков и т. д. Как административное учреждение суд должен был заботиться об исправлении дорог, об охране подорожных столбов и границ, заботиться об обеспечении бедных, взимать подати, набирать и ловить рекрутов, следить за выполнением барщины в пользу волостей, церкви и казны, охранять волостной сундук и т. д.

Выше мы приводили перечень наказаний, к коим волостные суды могли приговаривать без права обжалования. Приходится, однако, отметить, что значение термина «без права обжалования» ограничивалось тем, что ни один приговор волостного суда сам по себе не входил в силу: все они нуждались в утверждении волостной полиции. Последней в отношении волостных судов принадлежало право так сказать прокурорского надзора—она могла приостановить всякое решение суда или передать дело на рассмотрение высшей инстанции. По своей полицейской роли волостной суд всегда был прислужником волостной полиции: он доносил ей обо всем, что сделал и что собирается делать, передавал ей арестованных «преступников» и обязан был исполнять все ее приказания, даже когда признавал таковые незаконными (§§ 115, 117, 118, 131 и 132). Заседания волостного суда должны были происходить в помещичьем имении тогда, когда того требовала полиция. Прекрасное «самоуправление», не правда ли, читатель?

Волостная (вотчинная) полиция.

Самым характерным из всех учреждений для «освобожденных» латышей надо признать волостную полицию, во главе которой стоял помещик. Уже выше, говоря о мирских собраниях, волостных старшинах и волостном суде, мы видели, что все

учреждения крестьянского «самоуправления» были лишь ширмами, за которыми стояла волостная полиция. Она не только могла назначать должностных лиц и диктовать решения волостным собраниям, — она являлась также посредницей между волостным собранием и уездным судом и гофгерихтом. Только при посредстве своего помещика и полиции латышский крестьянин мог обратиться к уездному суду или гофгерихту. Вся корреспонденция волостного суда или волостного собрания с высшими учреждениями проходила через руки волостной полиции и, в случае надобности, перехватывалась последней. Предписания правительственных учреждений, адресованные учреждениям волостного самоуправления, — все проходили через руки полиции. Последняя следила также за тем, чтобы эти предписания выполнялись. А для того, чтобы полиция и помещики всегда могли по своему усмотрению пользоваться аппаратом волостного самоуправления, один член волостного суда постоянно дежурил в имении (§§ 114, 141, 142 и т. д.). Кроме того, полиции принадлежала большая административная власть: она следила за порядком и спокойствием в границах волости. В этом отношении волостное собрание целиком было подчинено наблюдению и руководству полиции и поддерживало ее, если нужно было приводить в исполнение решения волостного суда, т. е. приказание той же полиции.

Волостная полиция по своему усмотрению могла арестовать и предать приходскому или уездному судам следующих лиц: 1) крестьян, не подчинявшихся решениям волостного суда, 2) крестьян, чьи преступления, по мнению полиции, заслуживали большей кары, нежели волостной суд мог наложить, 3) всяких нарушителей спокойствия на территории волости, кем бы они ни были, не исключая даже должностных лиц, 4) лиц низших сословий, даже если они не принадлежали к волостному обществу (например, ремесленников); таких лиц она имела право отдавать волостному суду для наказания, 5) всех преступников, пойманных на территории волости (§§ 136—140).

Если крестьянин хотел выписаться из волости, или хотя бы временно покинуть ее, он должен был выправить у волостной полиции паспорт. Волостной суд должен был строго следить, чтобы ни один крестьянин не оставил без паспорта границ волости. Крестьянина, который без паспорта оставлял свой приход или оставался вне волости по истечении срока паспорта, по требованию полиции объявляли с церковной кафедры бродягой и беглецом, при чем всякий, кто его встретит, должен был тащить его в имение (§§ 144, 145 и 148). Для того, чтобы внушить крестьянам подобающее полиции уважение, она располагала следующими полномочиями: в случаях, если кто-либо из дворовых людей или крестьян, находящихся на помещичьих работах, нарушил покой помещика, или причинял барону какой-либо ущерб, грубил, не повиновался, или не отдавал следуемой чести

и, наконец, если выполнял работу не так, как требовалось, она могла заключить под арест на двое суток, на воду и на хлеб, и подвергнуть телесному наказанию в 15 пар розог (§§ 151 и 152). Понятно, что на основании таких законов можно было «наказывать», когда только это было угодно.

Самой замечательной чертой в правах волостной полиции было, однако, то, что они распространялись также и на дворохозяев. Крестьянский закон 1804 года совершенно освобождал дворохозяев от баронских розог (§ 138); если дворохозяин совершил преступление, на него можно было жаловаться в суд. Новый освободительный закон освобождал дворохозяев от этой привилегии и баронов от этого неприятного ограничения. «Свободного» латышского дворохозяина теперь можно было пороть сколько угодно без всякого суда.

И — на этом надо остановиться — «освободительный» закон на практике всегда пополнялся «похвальными обычаями» (*löbliche Gewohnheiten*) и благоприобретенными привилегиями (*wohlerworbene Rechte*), которые, хотя и не были включены в пункты закона, но тем не менее входили в житейскую практику. Один из этих «похвальных» обычаев требовал, чтобы крестьянин после того как получил определенное количество розог, вынимал кошелек и платил за «науку» (обычная такса была 15 копеек). В благоустроенной стране, управляемой на культурных барских началах, каждая услуга оплачивается, в том числе и розга! Другой такой же похвальный обычай, который в некоторых районах оставался в силе до шестидесятых годов XIX столетия, состоял в том, что ни один «свободный» латышский крестьянин не мог жениться без баронского на то соизволения. И таких похвальных обычаев было много.

Жаловаться на волостную полицию можно было только в случаях превышения ею своей, почти неограниченной, власти. Однако, и в таком случае подобная жалоба должна была натолкнуться на многие препятствия... Во-первых, закон запрещал крестьянам жаловаться письменно или через уполномоченных. Все жалобы должны были приноситься лично и словесно. Во-вторых, для того, чтобы подать жалобу в губернском городе, надо было оставить границы своего прихода, что было невозможно без выданного той же полицией паспорта. Правда, закон устанавливал, что в течение двух дней паспорт должен был быть выдан, если не было к тому законных препятствий. Но каких только нельзя было придумать законных препятствий! Если полиция по «законным причинам» отказывала в выдаче паспорта, крестьянин мог жаловаться в приходский суд. Суд, в свою очередь, требовал объяснения от помещика и только после его заключения мог дать паспорт или отказать. В последнем случае у крестьянина не было другого выбора, как жаловаться словесно уездному суду на решение приходского суда. Но как же мог он дойти до уездного суда без паспорта,

если не хотел быть объявленным с церковной кафедры беглым и бродягой (§ 148). С другой стороны, если приходский суд решал выдать крестьянину паспорт, то барон имел право обжаловать такое решение. Итак, в каждом отдельном случае у барона было достаточно способов, чтобы как можно дольше оттянуть возможность на него жаловаться.

Если же крестьянину, несмотря на всевозможные препятствия, в конце концов все-таки удалось дойти до уездного суда и там доказать, что барон, по своему праву начальника полиции, подверг его дикому, бесчеловечному, одним словом, баронскому издевательству, что тогда происходило? Закон 1804 года определял строгие наказания помещикам за бесчеловечное обращение с крестьянами: 300 талеров штрафа или лишение прав управления имением и предание уголовной ответственности; закон же 1819 года освободил баронов от подобных неудобств. Единственное, чему его мог подвергнуть уездный суд, это—временное лишение прав начальника волостной полиции. Однако, власть полиции этим не уничтожалась, а только сам барон лично не мог участвовать в издевательствах над крестьянами. Он должен был передавать права начальника (председателя) полиции своему управляющему, руководителю работами или кому-либо из своих служащих. В этом-то и состояло все наказание (§§ 154, 155).

Но закон 1819 года вложил в руки прибалтийских баронов не только кнут, но и вкусный кусок пирога. Этот кусок пирога состоял в том, что барон получил возможность освобождать своих любимцев от военной службы. Дело в том, что дворохозяева и их старшие сыновья были по закону освобождены от воинской повинности. Барон же имел возможность любому крестьянину дать двор или лишить его двора. Набор рекрутов был обязанностью не волостного собрания, а—как выше сказано—волостного суда, а суд в полной мере находился в руках полиции, был ее верным слугой, и решения волостного суда не входили в силу без утверждения полиции. Кроме того, у баронов была возможность по своему усмотрению освобождать некоторое количество молодых людей от военной службы, причисляя их к дворовым. Из первой сотни крестьянских душ барон имел возможность освободить от военной службы четырех, от каждой следующей полсотни—одного. Таким образом, в волости из 500 крестьянских душ барон имел возможность освободить от рекрутчины и причислить к своей прислуге 12 парней, которых также в любое время он мог лишить этой милости (§ 500—503).

Еще несколько характерных черточек отличают от всех иных судебных, полицейских и административных учреждений это специфическое прибалтийское изобретение, которое носило по закону 1819 года название волостной полиции. Как бы широки и почти безграничны ни были права и круг деятельности полиции, по закону она не являлась необходимым органом в си-

стеме лифляндского управления. Все в ней было случайно и зависело от личной воли отдельного лица. У барона не было неперменной обязанности брать на себя обязанности начальника волостной полиции или передавать ее своему уполномоченному. Он мог просто-напросто, отказаться от своих полицейских прав на время или навсегда. В случаях такого отказа власть волостной полиции без всяких формальностей переходила к волостному суду (§§ 134 и 135). Вотчинная полиция имела право вмешиваться во все волостные дела, но на ней не лежало ни малейшей ответственности за порядок делопроизводства. Так, например, правительственные постановления, которые надо было довести до сведения всех жителей волости, передавались волостному суду через полицию; но в случае, если волостной суд не известил того или иного жителя волости, полиция не несла за это никакой ответственности (§ 141). Далее. Один ключ от волостных магазинов и один от волостного денежного сундука находился при волостной полиции; полиция определяла, сколько кому можно давать в долг, ревизовала (если ей хотелось) магазины и волостной сундук, но при этом она не несла никакой ответственности за нехватки товаров или недочеты денежных сумм (§§ 514 и 515). Одним словом, бароны имели неограниченное право вмешиваться в дела волости, но на них не лежало никаких обязанностей или ответственности. Такова была организация волостной полиции.

Приходский и уездный суды. Гофгерихт. Генерал-губернатор.

О других судебных и государственных учреждениях можно сказать немного. Приходский суд являлся следующей инстанцией после волостного суда. Он принимал жалобы на решения волостного суда и рассматривал его приговоры, давал ему директивы и выполнял (так же, как и волостной суд), кроме судебных, также и полицейские и административные обязанности. Над ним был уездный суд, а за ним высшая судебная инстанция — гофгерихт. Решения последнего могли быть обжалованы лишь в сенат, и только в кассационном порядке. Кроме того, по просьбе одной из сторон генерал-губернатор мог предписать гофгерихту пересмотреть данное дело, а если тот не соглашался на пересмотр, то можно было подать прошение на высочайшее имя.

У крестьян были свои заседатели: трое в приходском суде и двое в уездном. Заседатели не избирались непосредственно волостными собраниями, а посылались из числа крестьянских заседателей низших учреждений: утвержденные помещицей полицией (а фактически назначенные ею) члены волостного суда выбирали из своей среды трех заседателей в приходский суд, а крестьянские заседатели в приходских судах одного уезда — двоих судебных заседателей в уездный суд. Помимо этих немых, просеянных через семь сит крестьянских представителей, все судьи и секретари были прибалтийскими баронами, которые по

своей судебной должности получали жалованье или часть его от дворянства и по большей части избирались на дворянских ландтагах.

Общая оценка закона 1819 года. Таково было юридическое положение латышских крестьян после издания освободительного закона. Читатель видит, что этот закон по отношению к крестьянскому закону 1804 года и его дополнению 1809 года является шагом назад. Объяснить это нетрудно. Дело в том, что закона 1804 года крестьяне добились путем волнений в течение двадцати лет (1784—1803 г.г.). Этот закон ставил себе целью успокоить крестьян удовлетворением их требований. Но описанные внешние условия не дали возможности крестьянам и после 1804 года жить в благополучии. Поэтому в 1809 году пришлось издать еще некоторые дополнения и исправления. После этого начался расцвет земледелия. Защищенные от баронского кнута крестьяне вздохнули легче. Но бароны скоро взялись по своей инициативе за введение новых реформ и «улучшение» положения крестьян. Поэтому-то новые реформы вышли такими, что только бароны могли им радоваться. Этот пример ясно показывает, до чего лицемерны и глупы те уверения, которыми призывают народ спокойно ожидать реформ, которые якобы будут даны господствующим классом и брошены ему сверху. Выработанные господствующим классом и брошенные выжидающему народу эти реформы никогда не принесут добра трудящимся слоям, какими бы красивыми фразами они ни были прикрыты.

ГЛАВА XIV.

Свободные договоры.

Как овцы поедали латышских крестьян.

Закон 1819 года „освободил“ лифляндских крестьян от всякой земельной собственности и от всякой защиты против чрезмерной эксплуатации помещиков. Теперь клевер и картофель могли открыть капиталистическую эпоху в земледелии. И на латышского крестьянина легло двойное бремя: капиталистическая эксплуатация, соединенная с крепостными порядками, так как (читатель сам это видит) закон 1819 г. и свободы, дарованные им, не были свободой, а лишь баронским бесстыдством. Рассмотрим, какое влияние на земледелие и положение крестьян оказывали новые условия.

Альбрехт Таер, известный аграрный теоретик, еще в начале столетия (в 1809 году) высказывал мысль, что тот лифляндский помещик, который займется в широких размерах овцеводством, заслужит благодарность потомства. Но пока существовал крепостной порядок, никто не мог следовать его призыву. С отменой крепостного права для Лифляндии наступила еще невиданная пора, подобная той, которую описывает Томас Мор в Англии, а именно: овцы съедали сотни освобожденных крестьян.

По просьбе некоторых лифляндских и эстляндских помещиков царь Александр I уступил помещикам для нужд овцеводства одно казенное имение и ассигновал из государственной кассы крупную сумму денег. В целях особенного поощрения дела правительством был учрежден для Лифляндии особый комитет по овцеводству, в который входил также один представитель от лифляндского дворянства (будущий ландрат и директор лифляндского дворянского кредитного товарищества Филипп фон-Шульц. По предложению этого комитета губернатор возбудил ходатайство перед министром финансов об отпуске для нового предприятия субсидии от казны. Правительство отдало дворянству в аренду на 24 года два казенных имения (Торгель и Авинорму Перновского уезда) за крайне ничтожную плату и, кроме того, отпустило 43 тыс. рублей звонкой монетой. На эти средства дворянство в при-

надлежащем ему имени Трикатен открыло образцовое заведение по овцеводству. Лифляндская экономическая ассоциация взяла на себя обязанность по содержанию ученых овцеводов и инструкторов. В 1836 году было учреждено в Юрьеве особое общество овцеводов. Уже в 1832 году в Лифляндии было 32 больших овцеводства с 15.308 овцами, а в 1841 году — 106 хозяйств с количеством овец в 101.000 голов.

Чтобы можно было успешно хозяйничать по новому методу, нужно было увеличить размеры помещичьих земель. С этой целью выгоняли из своих домов находящихся поблизости крестьян, а дома переносили на другие места. Иногда, правда, дома и строения оставляли, но поля присоединяли к полям имения. Хотя изгнание крестьян, по большей части, означало только переселение их на другие места, однако, помощь, которую должны были получать крестьяне для основания нового хозяйства, и вознаграждение за понесенные труды и убытки были крайне ничтожны. Параграф 484 законов 1819 года предоставлял в таких случаях дворохозяину право требовать от помещика вознаграждение. Но последнее не могло превышать годовой аренды за крестьянский двор.

Сколько дворохозяев было таким образом съедено овцами, точно определить нельзя. Так как при переносе крестьянских домов с места на место бароны присоединяли к своей земле крестьянские участки, оцененные по шведскому методу в талерах, а отводили взамен этого крестьянину немеренную и не подвергавшуюся оценке землю, при чем оценка ее была произвольная. На бумаге казалось, что после присоединения крестьянских земель к имениям и отвода им новой земли крестьянская земля даже увеличилась. С 1819 по 1846 г. к пахотной земле имений было присоединено 19.824 талера таксированной крестьянской земли, т. - е. 248 сох — около 900 крестьянских дворов. Но в то же время число новых дворов, основанных на землях имений, захватило пространство в 21.615 талеров или 270 сох. Господствующий класс всегда умеет грабить так, что, глядя со стороны, кажется, будто несчастная жертва еще обязана благодарить своего эксплуататора.

Как бы то ни было, остается фактом, что в продолжение 25 лет баронские овцы съели и согнали с насиженных мест по меньшей мере 1000 латышских крестьян. Притом это произошло в то время, когда лифляндским губернатором был Гаммель (по-немецки баран).

Из 13 волостей овцы прогнали всех крестьян без исключения. По этому поводу секретарь статистического бюро лифляндского дворянского собрания в своем донесении 23 февраля 1906 года прибалтийскому генерал-губернатору Сологубу коротко говорит: «Некоторые волости остались совершенно без крестьянской земли. Это объясняется тем, что крестьянская земля в этих волостях за период времени с 1819 по

1849 год, т.-е. когда был в силе крестьянский закон 1819 года, вся присоединена к мызной земле—землям помещиков».

Однако, не только те из крестьян, которые вылетели из своих дворов, почувствовали острый зуб овцы. Все латышские крестьяне в это время были «освобождены» от своих дворов-усадеб. Они получали землю только в пользование на основании «свободных договоров». Эти договоры заключались помещиками на очень короткие сроки. До закона 1819 года контрактов не существовало. Крестьяне по закону были обязаны нести в пользу помещика барщину и повинности, и тот же закон устанавливал высоту этих повинностей. Теперь отношения между помещиком и крестьянином приобрели частный характер. Однако, если всмотреться в дело внимательно, то увидим, что изменилась только их форма, а не содержание. Крестьянские повинности и налоги оставались старые и по усмотрению барона могли быть как угодно увеличены. Те повинности, которые ранее регистрировались в волостных книгах (вакенбухах), теперь рассматриваются как низшая ступень повинностей. Даже на былей и будочников свалилось проклятье восхваляемого освобождения. Их также сгоняли со своей земли для того, чтобы присоединить последнюю к земле помещика. Барщина становилась все тяжелее. Теперь уже барщинников не занимали работой по исправлению строений, по уходу за парками и садами, не заставляли участвовать в охоте и рыболовстве, а принуждали к тяжелым земледельческим работам. Особым приемом широкой эксплуатации крестьян и высасывания из них как можно больше труда и поту был баронский метод сдельной работы, при котором каждому крестьянину отводился участок поля для обработки.

Крестьянские беспорядки после 1819 г.

Таким образом, крестьяне вполне вкусили сладость освобождения, и уже в мае 1819 года вновь начались крестьянские бунты. Для солдатских штыков в некоторых волостях Рижского, Верроского и Перновского уездов нашлась работа. В других местах (например, в Новопебальге, Венденского уезда) суды и правительственные учреждения лишь с трудом поддерживали мир и спокойствие.

Генерал-губернатор Паулуччи строго приказал разыскивать агитаторов, которые будто бы со злым умыслом подговаривают крестьян к восстанию против царских милостей. В 1822 г., в день св.Мартина (10 ноября), часть крестьян должна была собраться на общее собрание и дать ответ перед волостным судом, оставят ли они в своем пользовании и после дня святого Георгия 1823 года те дома, в которых жили до сих пор. Почти все ответили отказом, при чем заявили, что не будут барщину нести. На это генерал-губернатор объявил, что каждый, кто злонамеренно делает подобное заявление, подлежит немедленному выселению из дома и преданию уголовному суду. При этом

еще раз было предложено полиции разыскивать пропагандистов.

Крестьяне не поддавались таким увещаниям и не могли понять, как, после объявленной во всех церквях царской милости об освобождении от баронов, у последних, однако, остались не только все старые права, но к ним присоединилось еще много новых, как, например, право подвергать дворохозяев телесным наказаниям.

Невыразимое разорение и обнищание, которому подверглись крестьяне, еще увеличились после неурожая 1832 и 1834 г.г. В конце 30-х годов много писалось о причинах этого разорения, при чем важнейшими причинами считались короткие сроки контрактов, пьянство и перекупка сельско-хозяйственных продуктов спекулянтами.

Рассмотрим все эти причины по порядку. Первой и самой важной из них, конечно, являются контракты.

Закон 1819 года разрешал крестьянам вступать в договорные отношения с помещиками словесно или письменно, заключая контракты на срок не свыше 50 лет

Условия аренды как причина обнищания крестьян.

(§§ 479 и 480). Закон (§ 54) также позволяет крестьянам приобретать в свою собственность землю, за исключением баронских имений и участков мызной земли*). Но все помещичьи имения, вместе с относящимися к ним крестьянами, были заложены в основанном в 1802 году дворянском кредитном товариществе. Это товарищество на своем генеральном собрании 1821 года постановило, что каждый, кто закладывает обществу свое имение, прежде чем получить субсидию, должен письменно обязаться ни в коем случае не уменьшать ни своих ипотек, ни инвентаря имения. При таких условиях о какой-либо продаже крестьянских дворов не могло быть и речи. Кредитные учреждения не раз оказывались могущественнее министерских кабинетов. Если бы какой-нибудь лифляндский барон вздумал продать крестьянских дворов уменьшить свои ипотечи, то общество имело право сейчас же потребовать с него весь долг полностью. Дворянское кредитное товарищество всегда старалось отклонять всякие нововведения и реформы, которые в какой-либо степени могли бы стеснить права баронов на неограниченное управление своей и крестьянской землей согласно закона 1819 г. В 1833 г. генеральное собрание дворянского кредитного товарищества большинством голосов отклонило пред-

---

*) Нельзя не отметить, что § 31 крестьянского закона 1804 г. устанавливал, что все крестьяне Лифляндской губернии имеют право покупать земельные участки и могут управлять этими участками, продавать их и завещать по наследству наравне со всеми остальными условиями. Это главным образом относилось к покупке имений: крестьянских дворов никто продавать тогда не мог—они были неотъемлемой собственностью барщинных крестьян.

ложение отдавать крестьянам их дома в пожизненную аренду. Обер-директор кредитного товарищества фон-Транзе мотивировал этот отказ тем, что «введение пожизненной аренды лишило бы раз навсегда помещиков возможности увеличивать свои доходы и повышать ценность земли: помещик ограбил бы таким образом сам себя и своих наследников»⁹⁸).

На практике, значит, не могло быть и речи о пожизненной аренде и полной продаже крестьянских дворов; более того: даже не было речи о пятидесятилетней аренде. Для того, чтобы в любое время и по своему усмотрению увеличивать крестьянскую барщину и урезывать крестьянскую землю, контракты заключались обыкновенно словесно и на срок не более года. Правда, закон требовал, чтобы такие словесные контракты записывались в книгах уездного суда, но на практике такая запись никогда не производилась, а если когда-либо это и случалось, то это не имело никакого значения, так как записывающий—секретарь суда—был наемным слугой дворянства (§§ 480 и 481). Условия контракта, конечно, всегда диктовались баронами. Но помимо перечисленных в контракте, законом признавалась еще целая вереница условий, которые причислялись к «похвальным обычаям» и потому подразумевались сами собой, без записи в контрактах. Кэтим «похвальным обычаям», например, принадлежало условие, по которому арендатор не имел права без особого разрешения помещика вырубать лес и корчевать новые поля. Если арендатор получал такое разрешение, то он не имел права собирать с такого поля больше 3 урожаев. Арендатору, кроме того, строго запрещалось продавать сено и солому.

В какой степени заключенный с крестьянином договор по свободному контракту ограничивал своеволие барона, могут показать некоторые пункты «освободительного закона». Если барон требовал выселения дворохозяина из его дома и расторжения заключенного с ним контракта на том основании, что крестьянин, по мнению барона, плохо хозяйничает, запускает строения, ухудшает поля или не исполняет условий, обязательных по контракту, — волостной суд (члены которого, как нам известно, юридически утверждались бароном, а фактически им назначались) рассматривал жалобу и объявлял контракт недействительным. Хотя арендатор имел право обжаловать решение волостного суда, однако, «чтобы положить конец неразумному хозяйничанью», арендатор немедленно выселялся из дому, и его имущество описывалось, чтобы до разбора дела в высшей инстанции было обеспечено исполнение решения волостного суда (§ 130).

Если волостной суд не мог признать (по жалобе барона) дворохозяина виновным или возражал против требования барона, то даже в таком случае, несмотря на свои возражения, тот же волостной суд был обязан под ответственностью барона

выселить арендатора из его дома. Суд имел в таком случае, однако, право (но не обязанность) просить приходский суд, чтобы тот отменил постановление (после того, как крестьянин уже выселен из своего дома) или потребовал от барона возмещения убытков. Приходский суд мог попытаться склонить барона к соглашению, но выносить приговор против барона не отваживался. Если барон не соглашался на уступки, то первой инстанцией, которая могла вынести по отношению к нему какой-либо приговор, был уездный суд (§§ 131, 170 и 172). Всякое требование, которое предъявлялось на основании контракта и не оспаривалось противной стороной, могло быть приведено в исполнение насильственным путем (§ 486). В такой же степени подлежал удовлетворению иск барона к крестьянину, если последним не выполнялось требование закона и если он не мог представить в залог столько имущества, чтобы все его повинности были полностью обеспечены. Если бы впоследствии оказалось, что требование барона было совершенно необосновано, то крестьянин получал от барона возмещение убытков, и последний, помимо того, обязан был уплатить штраф в пользу волостной казны (§ 487). Если арендатор по каким-либо причинам отказывался от исполнения взятых на себя по контракту обязательств, волостной суд принуждал его выполнить контракт (§ 488).

Следовательно, барону было достаточно заявить, что арендатор плохо хозяйничает или не исполняет взятых на себя по контракту обязанностей и даже лишь высказать сомнение или опасение, что в будущем он станет плохо хозяйничать, чтобы волостной суд был обязан описать имущество крестьянина и выгнать его из дому, даже в том случае, если суд ясно сознавал всю необоснованность баронской жалобы и его опасений. У выгнанного таким образом из дому крестьянина оставалось только одно право: испросить у барона паспорт, чтобы отправиться в уездный город для подачи личной словесной жалобы на того же барона. Осуществить это, однако, было, как мы указывали выше, чрезвычайно трудно. Для того, чтобы отнять у такого своевольного крестьянина возможность когда-либо и за что-либо жаловаться на барона, умудренные опытом практики придумали вставлять в контракт такие пункты и вводить в него такие повинности и сложные обязанности, которые по самому существу своему никогда не могли быть выполнены. На деле выполнения таких контрактов никто и не требовал, пока арендатор повиновался. Жесткие контракты являлись в руках барона лишь оружием на случай, если бы крестьянин вздумал возроптать против своего эксплуататора.

Если так несложно было отменить любой контракт и выгнать из дома дворохозяина, то можно себе представить, насколько легче было прогнать рабочего, который «свободно» нанялся батраком. Тут достаточно было сослаться на непослушание, противоречие, плохой пример и т. д. (§ 468). При этом

помещики не ограничивались одним увольнением. Барон выдавал выгоняемому рабочему аттестат, где имел возможность очернить его так, что в другом месте он не мог уже найти работы. Если бойкотируемый таким образом рабочий подавал жалобу, то суд требовал от него доказательств того, что обвинение барона не соответствует действительности. Но как было доказать рабочему, что он не болтлив, не ленив, не сварлив, не прожорлив и т. д.?

Вообще в Лифляндии дело обстояло так, что крестьянин ни как арендатор, имеющий определенные права и сроки, ни как рабочий, работающий по найму, никогда не мог на основании кантракта, заключенного с бароном, считать свое положение законным и устойчивым, жить он мог только в том случае, если барон это милостиво разрешал. Поэтому тот, кто умел так вести дела, чтобы у крестьян с бароном никогда не были ясны счета, т.-е. чтобы у крестьянина было всегда много долгов, невыполненных повинностей и т. д., считался помещиками прекрасным управляющим и руководителем работ.

Спиртные напитки. Само собой разумеется, что этого одного было уже достаточно, чтобы вся Лифляндия была одолеваема нищетой, разорением, деморализацией и голодом. Но интересно отметить, что газеты того времени не столько жалуются на бесправное положение свободных крестьян и «свободные контракты», сколько на производство спирта, широкую жизнь крестьян и многочисленных перекупщиков крестьянских продуктов.

Еще при трехпольной системе земледелия производство спирта было сильно распространено. Но последнее особенно развилось в конце двадцатых годов, когда было усвоено искусство добывать спирт из картофеля. К тому времени не было ни одного имения без собственных спиртных заводов и водочных кухонь. В 1836 году в Лифляндии насчитывалось 168 больших водочных заводов и 432 водочные кухни⁹⁹). Гнать водку было монополией помещиков (царский указ от 29 ноября 1810 г.). За право торговать водкой в погребах и корчмах бароны платили казне налог: сначала 60 коп., с 1811 года—1 рубль и с 1821 года 2 рубля с ведра. Однако, налог этот взимался не с фактически проданного количества водки, а исчислялся по числу баронских душ (царские указы от 11 декабря 1811 года и 28 января 1821 года). Таким образом, чем больше барон мог спить свои «души», тем меньше он платил акцизу с ведра фактически выпитой водки. Обмен водки на хлеб и лен сильно способствовал распространению алкоголя. Право выменивать сельско-хозяйственные продукты на водку было также баронской привилегией. Каждый барон имел право продавать водку только жителям своей волости—своим душам. При этом установилась строгая такса: за одну пуру ржи можно было получить 12 штофов водки, ячменя—8, овса—5, льна—15 (Патенты

лифляндского губернского управления от 22 октября 1830 года и 15 декабря 1833 года).

Вечно пьяные крестьяне сильно опускались, и в 1836 году ландтаг постановил запретить обмен водки на продукты натурою, а в следующем году и продажу в погребах. Но правительство не утвердило такого запрещения, так как от этого якобы мог получиться убыток казне вследствие сокращения доходов арендаторов казенных имений. Только спустя шесть лет постановление ландтага было утверждено. В связи с этой борьбой, которая велась ландтагом, вопрос о пьянстве в тогдашних газетах и брошюрах сторонниками трезвости обсуждался многократно. Но, с другой стороны, не было недостатка и в защитниках пьянства, или, по крайней мере, противниках всяких ограничительных мер против торговли водкой¹⁰⁰). Царское правительство, конечно, было за водку. Когда в 1838 году несколько пасторов затронули вопрос об учреждении общества трезвости, министр внутренних дел высказался решительно против этого. Им было передано, что пасторы могут распространять свое учение о трезвости сколько им угодно в проповедях, но не такими чрезвычайными мерами.

Само собой понятно, что «до гроба преданная» престолу консервативная часть дворянства с радостью приветствовала поход министра против обществ трезвости. Картофельная водка, это—единственная культура, которую бароны принесли в Прибалтику. Это подтверждается печалью, которая недавно охватывала баронов при закрытии какой-либо корчмы и радостью при появлении защитников водки в мундирах, которые приказывали открыть все корчмы, да еще угрожали жителям уезда, в противном случае, денежными штрафами и телесными наказаниями*). То же было и раньше; однако, прежде, повидимому, мещанское общество не было еще так развращено, как теперь. Эти события следующим образом освещает Юлиус Эккарт**): «Я еще теперь краснею, вспоминая, как в то время один врач рассказывал в доме моего отца об одном бароне, занимавшем высокую должность и разбогатевшем от продажи и производства водки, который не постыдился всеми средствами понуждать своих крестьян, вступивших в общество трезвости, выписаться из него, и который сам, с бутылкой водки в руке, пошел со своими крестьянами в корчму во главе шествия». К сожалению, этот барон не единственный, кто в таких формах защищал консервативную политику.

---

*) Автор говорит здесь о событиях 1905 года, когда революционные органы самоуправления закрывали корчмы, а царское правительство их вновь приказывало открыть.

Прим. переводчика.

**) Юлиус Эккарт—журналист и либеральный общественный деятель первой половины XIX столетия.

Прим. переводчика.

**Перекупщики. За-
рождение латыш-
ского капитализма.**

Вопрос о пьянстве являлся менее важным, чем вопрос о перекупщиках сельско-хозяйственных продуктов. Во время шведского господства деятельность таких перекупщиков строго преследовалась. Крестьяне, чтобы не подвергаться обману и чтобы горожане не были лишены продовольствия, могли продавать свои продукты только на определенных рынках и ярмарках. В своих имениях бароны имели право держать для продажи только немного соли и железа. Никаких других товаров продавать крестьянам и покупать у них они не смели. Особенно строго было запрещено объезжать деревни и скупать там земледельческие продукты; также запрещено было перекупать продукты у крестьян по дороге в город или на рынок. В конце XVIII столетия баронам было разрешено покупать хлеб у своих крестьян, но вообще еще соблюдались шведские законы. В 1810 и 1812 г.г. правительство разрешило крестьянам торговать своими продуктами как в городах, так и в деревнях (постановление государственного совета от 8 декабря 1810 года и царский указ от 11 февраля 1812 г.). С этого времени купцы начали жить в деревнях, открывали там лавки, покупали на месте крестьянские продукты и продавали их в городах. Особенно падки они были до льна, который, начиная с 1824 года, крестьяне сеяли в большом количестве, потому что цены на хлеб пали очень низко.

Такие купцы и перекупщики скоро богатели: во-первых, они не имели конкуренции, во-вторых, крестьяне находились полностью в их лапах, так как они успевали задолжать «под всходы», т.-е. под ожидаемый урожай; в третьих, не последнюю роль при этой торговле играла водка ¹⁰¹).

Большая доходность подобных предприятий побуждала и многих дворохозяев оставлять свои хозяйства и заняться торговлей. Простодушный пахарь как в трезвом, так и в нетрезвом виде подвергался частым обманам со стороны этих дельцов. Жалобы на перекупщиков, которые разрушают и благосостояние и нравственность крестьян, стали всеобщими. В 1836 году ландтаг хотел запретить перекупку товаров, но правительство этому воспротивилось. В 1839 году ландтаг решил идти дальше и обратился по этому вопросу к министру. Маленькие лифляндские города также жаловались правительству, что их совсем разоряют перекупщики. Правда, число живущих в маленьких городах торговцев в первую половину XIX столетия было очень ничтожно. Количество торговцев всех трех гильдий и мещан, занимавшихся торговлей, было следующее:

Г о д ы:	Вольмар.	Венден.	Валк.	Юрьев.	Верро.	Феллин.
1801 г. . .	73	25	23	119	32	23
1810 г. . .	26	22	20	92	10	15
1835 г. . .	12	12	16	65	15	17

Ходатайство помещиков и просьба горожан были правительством отвергнуты, и местные кулаки, восхваляя свои патристические убеждения, продолжали выжимать из латышского крестьянина соки, которых не успели еще высосать бароны. Этим «прекрасным делом» было заложено основание национальных латышских капиталов.

Эпоха, последовавшая за освобождением крестьян и характеризующаяся понижением общего уровня крестьянской жизни как в материальном, так и в нравственном отношении, породила первых латышских капиталистов. Поэтому и латышская пресса, которая в действительности является защитницей интересов латышских капиталистов и выразительницей их желаний, не находит достаточных слов для выражения своего восторга по поводу освобождения крестьян. В 1869 году торжественно праздновался пятидесятилетний юбилей освобождения крестьян, и мы несколько не удивимся, если в 1919 году наша национальная буржуазия попытается вновь устроить празднования юбилея по поводу столетия этой проклятой реформы *).

Общий взгляд на реформу 1819 года. Реформа 1819 года явилась самым жестоким насилием, какое когда-либо было произведено над латышским крестьянином. С этим согласно даже царское правительство и многие мало-мальски честные ученые и политики. Так, например, прибалтийский генерал-губернатор барон фон-дер-Пален сообщал в своем донесении царю, что жалобы крестьян на чрезмерные повинности вполне основательны и являются следствием закона о свободных контрактах между баронами и крестьянами. При заключении свободных контрактов барон мог включать в них всякие пункты, какие ему желательны, а крестьянин, который и долгами и другими обязательствами и даже по смыслу закона прикреплен к своей волости, только в редких случаях мог уйти в другую волость, чтобы искать подходящих условий труда. Такого же мнения был о реформах 1819 года товарищ министра внутренних дел Сенявин, который в 1845 году объезжал Лифляндию. Даже в журнале Государственного Совета (отдел, посвященный законодательству и экономике) в 17 номере 1860 г. при разборе одного нового законопроекта говорится о лифляндском крестьянском законе 1819 года следующее: «При введении этих новых порядков благосостояние лифляндских крестьян сильно ухудшилось».

---

*) Празднование это не состоялось, так как Октябрьская революция опрокинула все расчеты господствующих классов.

ГЛАВА XV.

Освобождение крестьян в Курляндии.

Курляндское герцогство и его конституция.

Прежде чем перейти к рассмотрению событий новейшего времени (крестьянских восстаний и реформ) в Лифляндии, необходимо разобрать вопрос о развитии аграрных отношений в Курляндии. Известно, что после разложения Ливонского орденового государства Курляндия сделалась самостоятельным герцогством под суверенитетом Польши. В таком положении она находилась 234 года, до 1795 года, когда она была присоединена к России¹⁰²).

Курляндские герцоги были почти независимы от Польши. Только по смерти каждого герцога его наследники должны были получать утверждение последней. Всесильное дворянство ограничивало власть герцогов больше, чем польское главенство. Первый герцог, Готгард Кетлер, вступив на престол 7 марта 1562 года, подтвердил права и привилегии всех слоев населения в тех пределах, как они развились во время господства (особенно к концу) орденовых магистров и во время нашествия Иоанна IV. Но помещикам этого было мало, так как они видели, что их лифляндские собратья под все милостивейшим крылом польского правительства получали гораздо более широкие привилегии, чем они. Готгард Кетлер скоро был принужден дать дворянам большие привилегии; эти привилегии были даны 20 июня 1570 года и известны под именем «привилегий Готгарда».

После смерти Готгарда Кетлера его сыновья Фридрих и Вильгельм получили общее утверждение на курляндский герцогский престол и хотели править совместно. Но они не смогли поладить между собою, и их ссоры приводили к дальнейшему расширению помещичьих привилегий, так как давали повод польскому королю вмешиваться в дела Курляндии и устраивать их по польскому образцу. В 1677 году польский король дал Курляндии конституцию, так называемую *Formula Regiminis* и сборник законов — *Statuta Curlandica*¹⁰³).

По конституции, дарованной королем, наряду с герцогом стоят четыре представителя дворянства: ландгофмейстер, канцлер, обербургграф и ландмаршал; к ним еще присоединяются два

советника с юридическим образованием. Эта коллегия из шести лиц и была высшим правительственным учреждением в Курляндии, а также и высшим судом (гофгерихтом). Она вела все правительственные дела и могла «напоминать» герцогу и «предупреждать его» (*ermahnen und warnen*), если он нарушал закон.

До 1617 года в состав ландтага входили все помещики (владельцы имений). Но § 105 новых законов курляндского устава воспретил владеть имениями представителям других классов, кроме дворян; тогда в ландтаге стали заседать только дворяне. Более того: в ландтаге получили право голоса и такие дворяне, у которых не было имений, но был некоторый капитал, приносящий доход, если только эти дворяне обязывались участвовать в расходах, намеченных ландтагом. Таких дворян (без имений, но с капиталом и правом голоса в ландтаге) называли рентнерами (*рантье, Rentenirer*). Вообще порядки, введенные в 1617 году, превратили Курляндию в дворянскую республику, во главе которой стоял герцог, воля которого была полностью подчинена воле дворян.

После смерти герцога Фридриха-Казимира, в 1698 году, Курляндия оставалась без герцога до 1758 года, и дворянство управляло Курляндией самостоятельно.

Положение курляндских крестьян. Власть помещиков над крестьянами была неограничена. Не было никаких законов, регулировавших отношения между баронами и крестьянами¹⁰⁴). Только в случае присуждения крестьянина к казни должно было быть вынесено постановление уголовного суда, состоявшего из соседних баронов и представителей от крестьян (курляндский устав, § 62); всякие иные решения были во власти помещика. О том факте, что уголовные суды должны были довольно часто собираться на предмет обсуждения вопросов о смертной казни, свидетельствуют книги законов того времени. Вот несколько примеров из составленных бароном Саккеном «Пильтенских статут», 28 октября 1611 года утвержденных польским королем Сигизмундом III. В IV части этих «статут» находится положение о наказаниях: за богохульство и чародейство сжигают на костре; за избивание родителей отрубает руку; мятежникам отрубает голову; разбойников и убийц пытаются калеными клещами и после того первых колесуют, а вторых подвергают копчению на костре (*mit Feuer geschmaucht*); зачинщиков беспорядков можно было убивать и без суда; за употребление неправильных весов и мер, за лже-свидетельство и за прелюбодеяние — смертная казнь, за воровство свыше 60 гульденов, за воровство со взломом, за воровство в церкви или на мельнице, а равно за укрывательство таких воров, за чеканку фальшивой монеты и нарушение границ и рубежей — виновный сжигается на костре и т. д.

Особенно подробно были разработаны в курляндских законах статьи о беглых крестьянах¹⁰⁵). Еще в середине XVII века

существовало положение, по которому крестьяне, не получившие поддержки от своего помещика в голодное время и бежавшие в города, не могли быть возвращаемы помещикам. Но современем, под влиянием лифляндских порядков, и эти положения были отменены. В параграфах 56 и 59 курляндского устава говорится, что вдовы и девушки могут без разрешения своего барона выйти замуж за крепостного из другой волости и таким образом оставить пределы волости; в последнее же время разрешение барона надо было покупать за 20 талеров. Брак между крестьянами одной волости допускался только с разрешения барона.

Продавали крестьян часто, то поодиночке, то целыми семьями. Крестьянское имущество принадлежало барону, что ясно подтверждается курляндским уставом (§§ 52, 59 и 60): «если крепостной бежал, он должен быть возвращен своему помещику со всем имуществом, что он взял с собой, или что он приобрел за время своего отсутствия; если вдова крепостного вышла замуж за крестьянина другой волости — все ее имущество остается у прежнего помещика, который, однако, может дать ей приданое по своему усмотрению; если такая вдова, при выходе замуж в чужую волость, берет с собой без ведома помещика свое имущество, то не только она, но и те, кто помогли ей отвезти это имущество, подвергаются наказанию, как за воровство».

Земледельческий труд и крестьянская барщина были совершенно несоразмерны с площадью земли и ее плодородием. Земля еще в начале XIX столетия была не мерена, и площадь полей определялась по количеству засеваемого хлеба ¹⁰⁶⁾.

Курляндский устав (§ 63) предоставлял баронам право издавать для своих волостей какие угодно законы, лишь бы они не противоречили курляндской конституции. Этим правом пользовались многие.

Старейшей из всех книг законов является «Крестьянский Суд» барона Бера, помещика в имении Угаль и Вергаль. Эта книга законов издана в 1770 году на латышском языке. Цель книги определяется сентиментально-лицемерным изречением: «чтобы слава божия в моей волости не нарушалась». В книге находим следующие пункты: если отдельный дворохозяин не мог выполнить всех ложившихся на него повинностей, то суд, состоящий из управляющего имением, руководителя работами и двух «добропорядочных» дворохозяев, определял: «пришел ли крестьянин в бедность и голод вследствие божьего наказания через падеж скота и вред полям, или он пришел к этому состоянию вследствие лени и беспутной жизни». Тот же суд следил за тем, чтобы у каждого дворохозяина было необходимое количество пахотной земли и лугов и чтобы не было недостатка в батраках. Каждый батрак должен был оставаться у дворохозяина не менее трех лет. Суд должен строго наказывать его

за беспутную жизнь, сварливость, непослушание, чародейство, незаконный уход со службы. Особое внимание волостные законы обращают на излишнюю роскошь и обжорство на крестьянских свадьбах, крестинах и похоронах.

Таковы же законы барона Бриггена, изданные в 1780 году. Они требуют особенно строгого наказания для лесных воров и крестьян-охотников. В таком же духе составлены книги законов барона Фиркса (1791 г.) и барона Пфейлицер-Франка (1793 г.). Последние запрещают хоронить пьяниц на общих кладбищах вместе с «добропорядочными» людьми и приказывают хоронить их «без песнопений и молитв где-нибудь в болоте». Во время пасхи все домохозяева должны относить в имение курки от своих охотничьих ружей, где последние и хранятся до Иванова дня.

Из числа курляндских помещиков одиннадцать издали для своих крестьян подобные законы; названия их перечислены в указателе латышской литературы, составленном Напьерским¹⁰⁷). Ни один из этих сборников законов не отказывает баронам в праве продажи крестьян и присвоения крестьянской земли. Однако, есть основание полагать, что положение крестьян в Курляндии не было хуже, чем в Лифляндии. Еще в XVIII столетии курляндские бароны жили очень просто. Поля и имения не были обширны и обрабатывались плохо. Сельско-хозяйственных предприятий не было совсем. Поэтому барщина не могла быть чрезмерной. Казенные налоги и государственные повинности были ничтожны. Постоянных государственных налогов совсем не было. Только во время войны нужно было давать лошадей и кавалеристов, но и эта повинность в 1727 году была превращена в денежный налог. Несколько дюжин человек постоянного войска герцог мог содержать на доходы от казенных имений, составлявших две пятых всех курляндских имений. В аренду они отдавались только дворянам¹⁰⁸).

Царские милости и крестьянские бунты.

После присоединения Курляндии в 1795 году к России курляндские крестьяне также познакомились с царскими милостями¹⁰⁹). Несмотря на то, что указ Екатерины II от 15 апреля 1795 года обещал неприкосновенность прав и свобод дворянам, горожанам и другим слоям населения, однако, уже 1 мая того же 1795 года общероссийский таможенный закон распространяется и на Курляндию. 24 декабря 1796 года царское правительство дарует Курляндии рождественский подарок: рекрутскую повинность. 18 декабря 1797 года царское правительство распространило и на Курляндию изданный в 1783 году закон о подушном налоге. Были введены различные новые налоги, крепостные пошлины, акциз на спиртные напитки и водку. Кроме того, в 1797 году по царскому приказу были расквартированы в Курляндии четыре полка пехоты и один полк кавалерии. 30 ноября 1806 года Александр I учредил особый

полк местной охраны для защиты границ от французского нашествия: Курляндия должна была мобилизовать и вооружить 1.200 человек. В 1807—1808 г.г. в Курляндии был общий неурожай и голод, после которых наступил аграрный кризис. В 1812 году подоспела война с французами, во время которой Курляндия должна была дать провианту на 15 миллионов рублей (в эту сумму не включены убытки от сожженных домов и растоптанных проходящими войсками полей, а также не включена гужевая повинность крестьян).

Все это привело курляндских баронов к нищете, тяготы которой они, конечно, взвалили на крестьян, стараясь расширить свое хозяйство и увеличить крестьянскую барщину. Вследствие этого терпению курляндских крестьян также пришел конец.

Первый большой крестьянский бунт в Курляндии начался в 1806 году, после того, как было приказано составить полк охраны для борьбы против французов. Несмотря на свою темноту, курляндские крестьяне слышали о великих событиях во Франции и ожидали Наполеона, как своего освободителя.

Неизвестный анонимный писатель рассказывает, что после поражения французов, когда пришли вести, что войско Наполеона погибло в русских снегах и болотах, крестьяне плакали горькими слезами¹¹⁰). А царь приказывал с оружием в руках отгонять от курляндских границ этого освободителя. Это было последней каплей, переполнившей чашу. Начался общий крестьянский бунт.

Уже ранее некоторые бароны указывали, что крестьяне не могут долго терпеть такого положения. Так, например, Ульрих-фон-Шлиппенбах еще в 1803 году на ландтаге предлагал пильтенским помещикам облегчить положение крестьян. Также безуспешно в том же году этот вопрос был поднят на Митавском ландтаге канцлером Курляндского гофгерихта Людинсгаузен-Вольфом. В 1805 году Иллукстский барон Засс и курляндский вице-губернатор Брискорн возбудили перед министром финансов ходатайство об уменьшении повинностей казенных крестьян, особенно увеличившихся с тех пор, как царское правительство подарило своим фаворитам четырнадцать тысяч казенных крестьян, вследствие чего в пять раз увеличились повинности и барщина остальных крестьян. Хотя результат этого прошения принес бы больше пользы арендаторам казенных имений, чем крестьянам, однако, правительство обратило на него внимание только в 1809 году, т.-е. после трехлетних непрерывных крестьянских восстаний. Царь приказал избрать следственную комиссию, которая, однако, работая под давлением помещиков и арендаторов имений, в конце концов повела дело так, что часть чрезмерных повинностей превратилась в нормальную барщину, а часть возмещалась наложением на крестьян особого налога.

О том, как энергично правительство вместе с курляндскими баронами боролось против крестьян, доказывает следующий факт: в 1811 году шесть представителей курляндских крестьян подали на царское имя подробно разработанный план, каковы должны быть и как должны проводиться в жизнь крестьянские реформы. «Не казенные свидетельства (так называлась экстраординарная барщина казенных крестьян) убивают крестьян, — говорится в этом прошении, — но обычная барщина поглощает наши лучшие силы и наше лучшее время; она не дает нам возможности во-время засеять поля и собрать хлеб, она — вечный источник нашего горя и голода». Поэтому крестьяне просят отменить всякую барщину и наложить на казенных крестьян единый денежный налог, который они будут платить арендатору до истечения срока его аренды, после чего этот налог будет уплачиваться казне. При этом выражалось желание, чтобы имения были разбиты на участки и отданы в аренду крестьянам, которые отвечали бы за их хозяйство перед казной круговой порукой. Этот подробный план был передан царем комитету по прибалтийским делам, а последний переслал его курляндскому удельному управлению. Последнее передало дело губернатору, губернатор переслал министру финансов, последний — опять комитету по прибалтийским делам и комитет (в декабре 1814 года) опять министру финансов с характерной надписью: «дело не спешно» (*die Sache pressiert nicht*). Такова была общая судьба всех прошений на царское имя.

Крестьянский бунт, однако, показал баронам, что надо что-то сделать. Чтобы избежать реформ, подобных свалившимся на голову лифляндцев в 1804 году, они порешили «освободить» крестьян. Освободительный закон, подписанный царем 25 августа 1817 года, оказался еще более тяжелым для крестьян, нежели лифляндское «освобождение».

**«Освобождение»
курляндских кре-
стьян.**

Закон об освобождении курляндских крестьян изготовлен в той же лаборатории и отлит в те же формы, как вышеописанный лифляндский «освободительный» закон.

Поэтому было бы излишне разбирать и критиковать его по пунктам. Я лишь передам вкратце, как отзывается об этом законе один крупный латышский деятель в брошюрке, напечатанной в 1860 году на немецком языке¹¹¹).

Все права, которые по закону 5 августа 1817 года предоставляются курляндским крестьянам, могут быть выражены только в отрицательной форме. Прежде всего надо спросить, чего «свободные» крестьяне не смели делать, и если после этого останется что-либо дозволенное, то это и составляло положительные права крестьян.

По этому закону «свободные» курляндские крестьяне не имеют права, во-первых, оставить границы своей губернии; во-вторых, переселиться на жительство в город; в-третьих, изби-

рать для себя какое-либо другое занятие вместо земледелия; в-четвертых, жениться или выходить замуж без разрешения барона; в-пятых, собираться с какой-либо, законом дозволенной, целью без разрешения барона; в-шестых, хранить огнестрельное оружие без дозволения барона; в-седьмых, защищать свои интересы перед судом через уполномоченного; в-восьмых, подавать письменные прошения и жалобы судебным или административным учреждениям, при чем тот, кто составляет для крестьян подобные прошения или жалобы, подвергается наказанию. Кроме того, крестьянин не имеет права жаловаться на барона без письменного на то разрешения самого барона; в-девятых, крестьянин не имеет права купить, наследовать или каким-либо иным способом приобрести в свою собственность дворянскую землю.

После этих запрещений следует перечень обязанностей и повинностей, которые «свободные» крестьяне должны выполнять: крестьяне дают государству рекрутов, иными словами, несут воинскую повинность, платят казенные налоги, несут водостные повинности, барщину и оброки.

Первой и важнейшей судебной инстанцией для крестьян является барон, которому принадлежит право по своему усмотрению назначить крестьянину 15 пар розог. Подобное решение барона не подлежит обжалованию, т.-е. никакая власть в мире не может вмешиваться в это дело и отменять или даже отсрочивать исполнение «приговора». Наказание должно быть приведено в исполнение немедленно и без всяких возражений и только после исполнения крестьянин имеет право осведомиться, за что его отдубасили, и в том же порядке выпросить у барона письменное разрешение на принесение жалобы в уездный суд.

Хозяйственные отношения между «свободными крестьянами» и баронами, как и в Лифляндии, регулировались «свободными контрактами». Крестьяне должны были принимать всякие условия, какие бы только ни вздумал предложить барон. Единственное, что могли они делать, это — обойти несколько ближайших баронов и разузнать, не заключает ли кто-либо из них контрактов на более человеческих основаниях. Система аренды по большей части практиковалась следующая: крестьяне должны были платить довольно крупную арендную плату и, помимо того, нести все важнейшие повинности, которые выполнялись ими во время крепостного права (когда они не платили никакой аренды). При этом барщину в пользу помещика должны были отрабатывать в любое время, когда барон или его управляющий того потребует. Портится ли в это время созревший крестьянский хлеб, или мокнет под дождем сено — в расчет не принималось. Однако, и эти в высшей степени выгодные для баронов контракты заключались ими только на очень короткие сроки. Правда, непосредственно по освобождении крестьян некоторые бароны заключали контракты на шесть, а то и на де-

сять и двенадцать лет, но по большей части и особенно в более позднее время заключались только краткосрочные контракты.

Если крестьянин носил хорошие сапоги, держал более или менее хороших лошадей или вообще чем-нибудь обращал внимание барона на свою состоятельность, то на следующий год арендная плата безжалостно увеличивалась. Краткосрочные, на год заключаемые контракты, предоставляли баронам возможность использовать всякое изменение рыночной и сельско-хозяйственной конъюнктуры и извлекать из него пользу.

Привилегия дворохозяев и их старших сыновей (не подлежащих рекрутчине) привлекала большое число крестьян арендовать помещичьи участки, так что число арендаторов было более, нежели у баронов было дворов. Многие крестьяне подписывали заведомо невыполнимые контракты, надеясь как-нибудь протянуть один год.

Крестьянская земельная собственность в Курляндии.

«Освободив» крестьян от права всякой собственности на принадлежавшую им до сего времени землю, закон 25 августа 1817 года все милостивейше предоставлял крестьянам право покупать ее в свою собственность. При этом покупать помещичью землю было нельзя. Так как в Курляндии в это время вся земля за исключением казенных имений принадлежала баронам и так как вышеперечисленные и еще другие более мелкие ограничения не давали возможности крестьянам откладывать сбережения, то такое право на приобретение земли не стоило ломаного гроша. Это подтверждается отсутствием до самого 1863 г. крестьянской земельной собственности в Курляндии. Собственниками своих усадеб были только 42 дворохозяина: в деревне Кониинг (по некоторым сведениям потомки бывших курляндских старейшин) и еще двое — Бугуль и Муйжнек — в Туккумском уезде, которые получили свои дворы в собственность еще в орденские времена; кроме того, 19 крестьян купили свои дворы у казны.

Цель закона, в особенности «освободительного», должна состоять в том, чтобы защищать слабых от сильных, но закон 1817 года не отвечает и не пытается отвечать этому требованию. Наоборот, из крепостных, принадлежавших отдельному барону, закон 1817 года превращает курляндских крестьян в крепостных и плательщиков всего курляндского дворянства.

После освободительного закона 1817 года ни один барон не имел «своих» крепостных, и личный интерес заставлял каждого барона эксплуатировать как можно больше тех крестьян, которые временно оказались в его руках. Когда один крепостной был совершенно обобран, можно было приниматься за другого. Закон 1817 года позаботился, чтобы не было недостатка в таких крестьянах. До тех пор пока последний курляндский крестьянин не умер с голоду, или не свалился под непосильной работой, бароны могли быть спокойны, так как ни один крестьянин

не мог жить без помещика (уехать в город, перейти в другие губернии или заняться ремеслом было запрещено). При этом надо иметь в виду, что у курляндского барона, как бы он ни мучил крестьян, совесть никогда не могла заговорить: он никогда не нарушал закона. Достаточно было барону только строго придерживаться пунктов закона, и крестьянин мог валиться под гнетом чрезмерных повинностей. Если русские крестьяне могли желать, чтобы помещики выполняли предписания закона, то латышские «освобожденные» крестьяне опасались только одного— как бы их барон не вздумал его придерживаться.

Таков был всемилостивейший царский подарок— восхваляемые освободительные законы для латышских крестьян.

ГЛАВА XVI.

Крестьянские беспорядки сороковых годов.

Неурожай и голод.

Если что-либо может быть названо естественным и неизбежным при вышеописанных условиях, то это—крестьянские беспорядки. Эксплуатируя всеми способами и высасывая из крестьян все жизненные соки, их легко было привести к такому состоянию, когда уже нечего было у них взять. Пришло время, когда крестьянам нечего стало есть и нечем было восстанавливать необходимую для труда рабочую силу. Чтобы отвлечь в таких случаях внимание умирающих с голоду крестьян от настоящих причин разорения, эксплуатирующие классы обыкновенно любят сваливать всю вину на божье наказание, постигшее людей за их грехи в виде неурожая. Так же как великая русская революция *) началась после повторных неурожайных годов, так и крестьянские беспорядки 1841 года разгорелись ярким пламенем после трех неурожайных годов.

Искать причину народных бедствий в одном неурожае было бы легкомысленно. Фразы о «неурожайных» годах произносятся с лицемерной целью обманывать народ; может быть, они дают также некоторое успокоение совести эксплуататоров. В Прибалтийском крае бог не может послать никакого «неурожая»; здесь никогда не бывает так много дождя и такой засухи, чтобы хлебные злаки могли не удаваться. «Неурожай» и голод начинаются только тогда, когда крестьяне до того измучены и загнаны на помещичьей барщине, что у них нет возможности сколько-нибудь сносно вспахать и засеять свои поля. Это хорошо объяснил бывший директор французского департамента земледелия Тисеран в одном своем письме, адресованном русскому министру земледелия и напечатанном в «Земледельческой Газете» в 1900 году. Тисеран указывает, что неурожай, который вызывается чрезмерно сухими или дождливыми летами, легко может быть устранен, если начать более или менее сносно обрабатывать поля.

*) Автор разумеет революцию 1905 года.

Прим. переводчика.

«Если такую землю, как чернозем, только царапать сверху, если она никогда не пропахивается глубже 8—10 сантиметров и если она притом же при насыщении водою поглощает до 40% влаги своего веса,—количество, повидимому, близко подходящее к действительности, — то такая земля и после самых обильных дождей, и после таяния снегов никогда не может образовать в слое запаса более 500.000 кг воды на гектар. Если исключить из этого количества те 8% влаги, при отсутствии которых останавливается всякая растительность, и притом принять в соображение потерю воды через испарение, то станет очевидным, что такая почва сохранит в себе не более 200—250 килограмм воды—количество, едва достаточное для доставления урожайности в 8 гектолитров с гектара. Буде же, напротив, посредством хорошей пашни, повторенной надлежащее число раз, образуется пахотный слой двойной глубины, т.-е. в 20 сантиметров, и притом хорошо разрыхленный, то он, при одинаковом количестве выпадавших дождей и при одинаковом таянии снега, сохранит в себе запас в миллион литров воды, равномерно распределенный в почве; такое количество воды и необходимо для образования 8.000 килограмм растений (стеблей, корней, листьев и зерен с 20% влажности), или 20 гектолитров зерна с гектара. В последнем случае растения, имея в своем распоряжении двойное кубическое содержание земли, будут иметь возможность свободно развиваться в ней свои корни, стебли, будут сильнее, и лучше покроют поверхность земли, а при наступлении временной засухи будут способны дольше выжидать новых дождей, которые снова возобновят запас воды и доведут его до того размера, который представляется необходимым, чтобы земля постоянно содержала в себе достаточное количество влаги для удовлетворения потребностей растительности. Но этим не исчерпывается еще польза глубокой пашни: из глубоко вспаханной и хорошо разрыхленной земли под влиянием солнечных лучей и сухих ветров испаряется гораздо менее влаги, чем из разделанной плохо и поверхностно. Вследствие этого глубокая пашня лучше сохраняет в себе запас воды, при чем в пахотном слое постоянно поддерживаются надлежащие прохлада и сырость, т.-е. условия, благоприятные для растительности». И далее: «Глубоко вспаханная и хорошо разрыхленная земля представляет преимущество еще и в том отношении, что она меньше страдает в дождливые годы от избытка влажности, благодаря свойству легче пропускать через свою толщу излишнюю воду в глуболежащие слои» *).

Я привел это объяснение французского ученого по двум причинам: во-первых, как доказательство того, что «неурожай-

*) «Земледельческая Газета», 1900 г., № 4, статья «Французский агроном о поднятии производительности нашего чернозема».

ные» годы не являются «божьим перстом», так же как и естественным бедствием, а только — общественным явлением, которое доказывает, что крестьяне до того закрепощены, темны и бедны, что не могут и не умеют сколько-нибудь сносно обработать свою землю; во-вторых, как предупреждение, что после введения в Латвии «нормального уравнительного хозяйства», согласно проектам наших националистов и народников, и у нас также могут вдруг случиться «неурожайные» годы, как «наказание божье», ибо у «нормального» землевладельца по этим проектам по большей части не будет ни сельско-хозяйственных машин, ни достаточного числа лошадей.

Но я напоминаю это лишь мимоходом. Для нас важно было лишь указать, что везде, где крестьяне подвергаются чрезмерной эксплуатации, последняя скоро наткнется на свою естественную границу — голод. Умиравшие с голоду крестьяне не имеют возможности восстановить свою рабочую силу, а эксплуататорам ничего не остается для высасывания. Буржуазия вину этого ищет не в общественных условиях, а сваливает на бога.

В конце тридцатых годов латышские крестьяне пережили тяжелое время. Крестьянские амбары были пусты; то же можно сказать о волостных магазинах; поля плохо засеивались, — крестьян постиг голод в полном смысле этого слова. Они не только не могли больше работать на помещичьей барщине, но были принуждены по старому обычаю обратиться к баронам за помощью.

Но всех просителей быстро отваживали, чтобы не возбудить в них тщетных надежд. Теперь ведь крестьяне уже двадцать лет как свободны и должны были бы научиться заботам о самих себе...

На этой точке зрения стояли не только отдельные бароны, но также кредитное товарищество, к которому лифляндское губернское управление обратилось в 1841 году с просьбой взять на себя поручительство в деле покупки хлеба для умирающих с голоду крестьян. Кредитный конвент лифляндских баронов грубо отказал в удовлетворении этого прошения, указав, что, согласно закону 1819 года, у баронов нет никаких обязательств по отношению к крестьянам ¹¹²⁾.

Потрясающую картину тогдашнего положения латышских крестьян рисует один русский чиновник, который был прислан сюда после 1841 года: «Мы никогда не забудем рассказа одного врача. Он как-то привел в чувство умирающего крестьянского юношу. Родители юноши выражали свое неудовольствие по поводу успешной работы врача. Они полагали, что гораздо лучше было бы их сыну умереть, чем вернуться к жизни затем, чтобы вновь умирать медленной голодной смертью».

Естественно, что большинство крестьян не имело желания ни умереть сразу, ни медленно подыхать с голоду. Выход из такого бедственного положения и способ освободиться от не-

Мечты крестьян о «теплых странах».

сносного баронского ига представлялся в виде переселения в «теплые страны,» т.е. во внутренние российские губернии, о плодородии которых крестьяне узнали от евреев-переселенцев, которые в 1840 году из Курляндии уехали в Бессарабию.

Такое желание крестьян, конечно, баронам было не по душе, и они обратились к своему приказчику, тогдашнему генерал-губернатору Магнусу фон-дер-Палену, чтобы тот «охладил» мечту крестьян о переселении. Генерал-губернатор приказал расследовать дело и найти пропагандистов, которые якобы уговаривают крестьян на этот преступный поступок. Пойманных мнимых пропагандистов и «уговоренных» ими крестьян, которых оказалось в Риге большое количество, подвергли разным пыткам и тюремному заключению. Все эти пытки происходили на законном основании, так как законами 1819 года крестьянам запрещалось оставлять границы своих приходов. Бароны, понятно, не давали паспортов тем крестьянам, которые отправлялись в Ригу, чтобы испросить разрешения на выезд «в теплые страны». Все такие просители являлись в губернское управление без законных паспортов, а за такое преступление, конечно, подвергались жестокому наказанию.

Сам генерал-губернатор барон фон-дер-Пален в своих официальных донесениях министру внутренних дел докладывал, что крестьяне подвергались телесным наказаниям в губернском управлении и после того, как им обривали половину головы, отправлялись этапным порядком в свои волости *). И не только тех, кто появлялся в Риге, но даже тех, кто только хотел туда отправиться, хватали, пороли и истязали. Искали и пытали не только генерал-губернатор и губернское управление, но особенно всесильная волостная полиция и, вместе с нею, лютеранские пасторы (священники).

Церковь на службе у помещиков.

Прибалтийские лютеранские священники (пасторы) всегда были и остаются до сих пор более ненавистными врагами народа, чем сами бароны. Владея пасторатами **) и крепостными, а позднее, являясь господами над арендаторами пасторских имений, они всегда непосредственно участвовали в эксплуатации крестьян совершенно так же, как и бароны. Кроме того, они получали свои приходы (места) только по милости баронов, и потому не могли ограничиться лишь тем, что сами эксплуатировали своих крестьян («пасторских людей»), но должны были

*) Один сектант рассказывает, что каждый крестьянин, который являлся в Ригу, чтобы испросить разрешение переселиться на юг, получал по личному приказанию генерал-губернатора сто розог. Секретный агент правительства, государственный советник Липранди, удостоверяет, что строго следили за тем, чтобы наказанные аккуратно платили 15 коп. за наказание ¹¹³.

**) Пастораты—имения, находящиеся в пользовании пасторов (натуральная плата за несение пастырских обязанностей).

Прим. переводчика.

заботиться еще и о том, чтобы баронские крестьяне и наемные рабочие были как можно более эксплуатируемы. Свою роль пособников в деле эксплуатации они выполняли разными способами. Автор одной анонимной брошюры, изданной в 1866 г., говорит, что «во многих местах, а может быть везде, где в имени находится церковь (кирка), существует порядок, что по воскресеньям крестьяне получают в церкви указания, когда и куда явиться для работы: по окончании богослужения с церковной кафедры объявляется порядок барщины». С церковных кафедр объявлялись и имена беглых крестьян. Пасторы, как гласит выписка из известной книги проповедей, всегда проповедывали: «Слушайся своего господина, слушайся его госпожу, а если ты не послушаешься, то о твоём непослушании напишут на твоей спине». Еще одна черта: прибалтийские лютеранские пасторы всегда были и остаются злейшими противниками школ и образования. Так, например, автор упомянутой брошюры говорит, что «в общем надо признать неоспоримым фактом, что помещики сделали для школ гораздо больше, чем лютеранские пасторы. Дворянство уже в течение тридцати последних лет обращает большое внимание на науку и дает своим детям хорошее образование. Поэтому курляндские бароны по большей части являются друзьями просвещения». Но иначе обстоит дело с пасторами. Они всегда считали и считают своей священной обязанностью держать крестьянство в крайней темноте, чтобы было легче держать его в рабстве».

Как наши «пастыри душ» неистовствовали против крестьян, которые хотели уйти от своих богом данных господ и искать себе пропитание в «теплых странах», об этом свидетельствует статья одного набожного пастора в газете «Cella Biedris» (№ 10, 1863 года). В этой статье пастор восхваляет «преданного» слугу церкви, некоего Якова Нейланда, о котором между прочим говорит: «Он пользовался своей властью и не скупился на тридцать (надо понимать: пар розог), так как он придерживался слов Соломоновых: коню — кнут и ослу — узду, а безумцу — розги. Его властная рука творила чудеса; поэтому приход должен с благодарностью его помнить. Это был беспокойный год, которого мы не забыли до сих пор (после двадцати двух-то лет!), год сумятицы, когда дьявол осмелился бросать свое семя в божий приход. В то время и в нашем приходе появились люди, которые взывали: «если весь мир уходит, чего же нам ждать»... Тогда старый Нейланд запрещал им это, и его слово было сильнее, нежели слова пасторов, которые тогда раздавались со всех кафедр. Во время самого большого возбуждения умов он узнал, что один дворохозяин нашего прихода и несколько безземельных хотят записаться на отъезд. Но наш старик не дремал. Он приказал притащить бунтовщика в имение и дать ему тридцать пар розог, так как тот не получил от волостной полиции необходимого паспорта».

То, что спустя четверть века почтенный пастор с таким удовольствием и сочувствием, шамкая губами, мог восхвалять выжившего из ума старика только за то, что тот исполнял роль шпиона и палача, и что другие лютеранские пасторы не только не исключили его из своей среды, но даже не выступили против него в печати, — свидетельствует о низком нравственном уровне прибалтийских священников и о том участии, какое они, без сомнения, принимали в подавлении беспорядков.

Новая религия как революционная идеология крестьян.

Поведение лютеранских пасторов, самое отвратительное представление о котором могут дать газеты и статьи, написанные самими же пасторами, отчасти объясняет, почему волнения в сороковых годах получили свое выражение в желании крестьян перейти из лютеранства в православие. Я говорю, что это объясняется безобразным поведением лютеранских пасторов только отчасти, ибо основной смысл такого явления в том, что всякое широкое общественное движение и борьба по необходимости должны выражаться в какой-либо идеологической форме. Единственная идеология, которая тогдашним крестьянам была доступна, это — религия. Поэтому недовольство крестьян своими баронами выразилось в их борьбе против баронской веры и их церкви. Вот где корень, из которого также выросли у нас разные секты — братцев, баптистов и др. В этом — основная причина, почему крестьянские беспорядки сороковых годов находили свое выражение в переходе из лютеранства в православие: перемена веры была лишь идеологической скорлупой, в которой скрывались реальные требования крестьян, которых не могли не видеть и не слышать немецкие бароны и царское правительство. Но ни те, ни другие не могли объяснить, почему эти стремления соединены с отпадением от «немецкой» веры. Бароны и пасторы всю вину сваливали на русского епископа Геринарха *) и разосланных якобы им агитаторов; русские же чиновники и писатели (например, Юрий Самарин) искали этих причин в превосходстве православного исповедания. Ошибаются, конечно, как те, так и другие.

Голод принуждал крестьян восставать против эксплуататоров, а при восстании была нужна идея, во имя которой можно было бы бороться и страдать. Не отдавая сами себе отчета, почему это так, крестьяне объединялись вокруг единственной враждебной баронам идеи, которая была доступна крестьянам, — вокруг ненавистного для баронов и пасторов православия.

Губернское управление, местные правительственные учреждения, бароны, пасторы, низший церковный персонал, церковные попечители и все остальные сторонники рабства разньюхи-

*) См. М. Морошкин, «Записка о деле латышском при преосвященных Геринархе и Филарете («Православное Обозрение», т. II, Москва, 1886 г., стр. 469).

Прим. переводчика.

вали, преследовали и пытали всякого, кто восхвалял православие так же, как потом стали преследовать всякого, кто говорил о социализме или коммунизме. Однако, местной работы палачам, конечно, не хватало; необходимо было перенести травлю восставших крестьян за пределы Прибалтики. Бароны сумели в Петербурге распространить мнение, что среди крестьян усиливается «злой дух противоречия, который грозит неслыханным кровопролитием», уничтожением всех помещиков и всяких культурных учреждений.

Одним словом, все эти выкрики очень походили на те, что раздаются сейчас *) в черных листках и в Риге, и в Митаве, и в Петербурге. Даже много жалоб было на социализм и коммунизм, который как раз в то время входил в силу, и следы коего видели в движении латышских крестьян, — особенно в их требовании передать в их пользование землю, которая принадлежала им до 1819 года и после «освобождения» была присвоена баронами.

Усмирение восстания.

Само собой разумеется, что жалобы на крестьян, которые передавались в Петербург через губернатора и иными путями, не оставались без результата. Император Николай I в 1841 году ввел в Лифляндию больше войска, чем Петр I при завоевании этой провинции.

Уже в начале июля генерал-губернатор барон фон-дер-Пален послал из Курляндии в Венден полсотни казаков, отдав их под команду одного «усердного» помещика, уездного депутата фон-Гагемейстера, который уже раньше писал, что без кровопролития обойтись нельзя. В то же время фон-дер-Пален просил правительство, чтобы оно разрешило послать из Гольдингена в Венден, Валк и Вольмар полк пехоты. В первой половине августа месяца генерал-губернатор послал в Венден, Валк и Юрьев батальон Шлиссельбургского охотничьего полка. Затем послал две роты того же полка в Вольмарский и Рижский уезды. В конце августа по настойчивой просьбе генерал-губернатора царь приказал Ладожскому пехотному полку без промедления отправиться в Лифляндию из Ковны.

Концентрация войска в Лифляндии была необходима для того, чтобы в Петербурге думали, что Лифляндии на самом деле угрожает всеобщее восстание или, как говорил генерал-майор Дуппельт, «сицилийская кровавая ночь против баронов».

Приблизительно в то же время, когда со всех сторон в Лифляндию прибывали войска (13 августа), генерал-губернатор начал разъезды со стратегическими и административными целями по Венденскому, Вольмарскому, Верроскому и Юрьевскому уездам. На пути его везде встречали толпы крестьян, которые жаловались на обиды со стороны помещиков и подавали ему

*) В 1905 г. Прим. переводчика.

разнообразные прошения и жалобы. Генерал-губернатор выслушивал жалобы, обещал их расследовать и вообще по возможности помочь. Как сам он писал, кое-где он даже помог раздобыть для крестьян семена. Однако, каковы были размеры этой помощи, установить невозможно; следует, во всяком случае, предполагать, что от этой материальной помощи крестьяне поправиться не могли. Но в одном отношении путешествие генерал-губернатора имело большое значение: видя неопишное разорение крестьян, выслушивая их жалобы на то, что тут или там голод унес много жертв только потому, что барон весь хлеб из магазинов пустил на производство водки и т. д., барон фон-дер-Пален в некотором отношении преобразился из Савла в Павла. По крайней мере с этого времени в его донесениях правительству мы встречаем местами указания, что отношения баронов к крестьянам невыносимы, и что в этом кроется одна из важнейших причин беспорядков. Такими донесениями генерал-губернатор возбудил против себя гнев лифляндских баронов в гораздо большей степени, нежели ныне Сологуб *). От своего «сотоварища», мол, они могли ожидать гораздо более «благонамеренного» поведения, а вместо этого он вдруг начал говорить о каком-то невыносимом крестьянском положении. «Долой же слабых чиновников-попустителей!» — раздалось из среды баронов: «солдат сюда, солдат!».

Правительство не переставало присылать солдат. Помимо присланных уже полков, еще пришла вторая бригада (три батальона) второй гренадерской дивизии и одна дивизия казаков имени наследника цесаревича. Теперь сам Пален пришел в ужас, не зная, как содержать такое войско в неурожайной голодной провинции. Он сообщил в Петербург, что возбуждение крестьян вовсе не так сильно, и что нет возможности расквартировать в Лифляндии столько войска. Но император Николай желал верного успеха и не обращал внимания на возражения барона Палена. Да как можно было обращать внимание? Ведь при петербургском дворе даже лакеи и кучера знали, что дикие латышские крестьяне серьезно взялись за дело, желая съесть последнего барона. Сам генерал-губернатор ведь в свое время доносил о трех душах раздирающих преступлениях бунтовщиков: в двух волостях Эстляндии крестьяне, вооруженные колами, не захотели выдать «бунтовщиков» ассессорам, требовавшим их выдачи и сопровождаемым солдатами, а в иении Вебер крестьяне даже осадили именные председатели гофгерихта Транзе вместе с солдатской командой, численностью в 10 человек.

Извещая правительство об этих страшных происшествиях, генерал-губернатор еще присовокуплял, что с 1 мая по 1 августа 1840 года лифляндские крестьяне купили всего 87 пудов 35 фунтов охотничьего пороха, а между тем с 1 мая по 1 августа 1841 г.

*) В 1906 г.

Прим. переводчика.

они закупили целых 126 пудов 24 фунта. Таким образом он мог считать статистически доказанным, что безопасность прибалтийских баронов и правительственных учреждений уменьшилась ровно на сорок процентов.

Естественно, что, зная это, царь Николай I не мог жалеть солдат. Но что же делали в Лифляндии солдаты? Они «усмиряли» так же, как и теперь *): ходили по деревням под предводительством помещиков или других местных шпионов, искали и ловили пропагандистов, устраивали заседания военно-полевого суда и увечили латышских крестьян. Юрий Самарин в некоторых своих статьях дает картину этой «усмирительной» работы. Из его статей мы можем получить представление о тогдашних «славных подвигах» баронов и царского войска. По решениям военных судов, учрежденных вместо обычных судов в Риге и Юрьеве, 45 крестьян были приговорены к шпицрутенам, 55 — к розгам и 8 несовершеннолетних — к порке. Кроме того, из этих 108 лиц, после применения телесного наказания часть была сослана в Сибирь, 5 человек отданы в солдаты с условием, что в случае непригодности они подлежат ссылке в Сибирь, 5 — в арестантские роты, четверо присуждены к принудительным работам. Одного старого солдата гоняли через строй солдат из 500 человек, другого заставили пройти сквозь тот же строй два раза и еще одного даже три раза **).

Но так же, как теперь *), находятся «врачи», открыто утверждающие, что четыреста ударов для латышского крестьянина ни в коем случае не является зверством, так и в то время прибалтийские публицисты утверждали, что 1.500 солдатских ударов — сущие пустяки ¹¹⁴). При этом надо иметь в виду, что царские офицеры всеми силами старались угождать «культурным» баронам. Обыкновенно они запрашивали баронов, как почетных полицейских, сколько по их мнению полагается ударов тому или другому «преступнику» и ставили в строй лучших солдат своей команды ¹¹⁵).

Следует, однако, отметить, что все бунты сороковых годов на самом деле бунтами вовсе не являлись. Крестьяне ни на кого не нападали и никого не грабили. Они только оборонялись и в некоторых местах противились аресту «пропагандистов» — самых уважаемых в волости крестьян. Вообще это враждебное баронам движение выражалось почти исключительно в агитации в пользу перехода в православие. Это было таким «преступлением», за которое только «культурные» бароны могли признать справедливым наказание в 1.500 ударов шпицрутенами. Бароны

*) В 1906 году.

***) «Гнать сквозь строй» значит подвергнуться телесному наказанию шпицрутенами, которыми были снабжены стоящие в строю солдаты; наказываемый с обнаженной спиной должен был идти быстрым шагом мимо этого строя, при чем каждый солдат должен был нанести один удар.

Прим. переводчика.

Прим. переводчика.

радовались убийству или калечению «пропагандистов», и, понятно, царское правительство, которое всецело находилось под влиянием помещиков, доставляло им это удовольствие. Начальником «славного» третьего отделения был в то время прибалтийский граф Александр Бенкендорф, министром финансов преданный баронским интересам Канкрин, два брата фон-Веймарн занимали в Петербурге важные посты и умели постоянно поддерживать там хорошее мнение о баронских делах и баронской культуре. При таких условиях лифляндские «правители», начиная с фон-дер-Палена и кончая стариком Нейландом, могли беспрепятственно хозяйничать, как им хотелось.

Деятельность царских чиновников. Однако, пришло время, когда бароны должны были с грустью признать, что на земле нет ничего вечного. Их заступники в Петербурге вдруг сошли со сцены: Бенкендорф умер, и его место занял русский, граф Орлов; Канкрин был отставлен от должности, а братьев Веймарн отравили их соперники.

Теперь уже бароны не могли самостоятельно ворочать делами в Прибалтике. Первым следствием перемен в Петербурге было отозвание из Риги Палена и назначение вместо него генерала Евгения Головина. Последний ни в коей степени не может быть отнесен к гуманным или либеральным администраторам. В русской истории его имя звучит приблизительно так же, как во французской истории имя генерала-палача Галифе. Головин был палачом декабристов, также одним из главнейших усмирителей польского восстания в 1831 году и самым безжалостным преследователем униатов. Но, по сравнению с чиновниками из баронов, латышским крестьянам он показался ангелом.

Головин назначил на все важнейшие административные должности чиновников, независимых от дворянства, частью русских, частью и немцев. Он принимал крестьянские жалобы на баронов и приказывал их внимательно расследовать; назначил комиссию, которой поручил ревизовать волостные и городские хозяйства в Прибалтийском крае; назначил даже, под председательством действительного статского советника Пошмана, комиссию для ревизии деятельности немецких правителей и судей. Комиссия Пошмана отдала под суд целый ряд «уважаемых и культурных» баронов, как, например, асессора строительной комиссии камер-советника Бергена, директора канцелярии лифляндского губернатора Гольдгаммера, инспектора богоугодных учреждений Эрасмуса, секретаря коллегии помощи голодающим (позднее контролера) фон-Рикгофа и др. Комиссия по ревизии хозяйства прибалтийских городов, которая состояла из чиновников министерства внутренних дел: Ханькова, Штакельберга, Вульфа, Кафера, Беклемишева, Рудницкого, Самарина и Головина, сына генерал-губернатора, обошлась так неприветливо с богобоязненными прибалтийскими правителями, что один немецкий писатель желчно

писал об этом: «Поведение комиссии было таково же, как позднее сенаторских ревизий (в 1882 году). Они смотрели с недоверием и подозрением на всякий существующий авторитет, обращались со старыми корпорациями (классовыми обществами дворян и купцов) точно с бандами заговорщиков; рассматривали все явления только с теневой стороны и почти беспрестанно приглашали подчиненных высказать все, что у них накопилось в сердцах против своих господ, — точно во вражеской стране, а не в провинции, где положение, несмотря на все невзгоды, однако, во много раз лучше, нежели во внутренней России, и в лояльности которой не может быть ни малейших сомнений».

Теперь прибалтийские бароны поняли, что одними розгами, шпицрутенами и другими пытками нельзя успокоить крестьянские умы. Они начали размышлять и говорить о реформах.

ГЛАВА XVII.

Аграрные реформы сороковых годов.

77 дополнительных параграфов к Крестьянскому Уложению 1819 г.

Несмотря на то, что лифляндские бароны и царские чиновники в один голос кричали, что крестьянские восстания 1841 г. были не чем иным, как следствием успешной деятельности злонамеренных агитаторов, все же они не могли не признавать, что корень всего зла лежал в невозможных аграрных условиях. Лифляндский дворянский съезд уже в октябре 1841 года избрал особую комиссию, которой поручил разработать законопроект аграрных реформ и представить его следующему ландтагу. Комиссия пришла к заключению, что «важнейшей причиной крестьянских беспорядков надо считать бедность крестьян и необеспеченность их земель; что нужно отбросить принцип, введенный законом 1819 года, в силу которого барон является единственным собственником земли; что целью всех реформ должен быть переход всей находящейся в пользовании крестьян земли в полную их собственность и т. д.»

В ландтаге по поводу предложений комиссии возникли большие дебаты и споры. Нельзя было, однако, не признать правильности ясно выраженного и доказанного общественным деятелем бароном Нолькеном взгляда, что «создание многочисленной группы крестьян-дворохозяев, которая по отношению к своей земле пользовалась бы такими же правами, какими пользуются помещики по отношению к своей, является делом первой важности, так как можно представить много примеров тому, что существование дворянства зависит от существования в общественном организме Прибалтийского края консервативного элемента»¹¹²). Однако, в новых аграрных законах, которые были «высочайше утверждены» 23 января 1845 г. и известны под названием «77 параграфов», ни слова не говорится об ограничении баронской монополии на землю.

Первый из этих 77 параграфов гласит: «Крестьянское Уложение 1819 года, предоставляющее барону неограниченное право собственности и право пользования всей землей, остается не-

прикосновенным». Второй параграф устанавливает, что также остаются в силе положения закона 1819 года о регулировании отношений между помещиками и крестьянами при помощи свободных контрактов. Из этого можно заключить, что так называемые аграрные реформы 1845 года ничего не изменяли. Однако, я изложу их вкратце, так как они хорошо рисуют положение «свободных» латышских крестьян после 1819 года.

Параграф 12 закона 1845 года устанавливает, что нельзя считать пропущенным рабочий день, если крестьянин, пришедший на помещичью работу, не мог быть допущен к последней по независящим от него обстоятельствам. Из этого мы заключаем, что до сего времени на счет крестьянина относили даже не во-время пошедший дождь, наводнение и т. д., чем могли прерываться задуманные помещиком работы. Далее, закон запрещает посылать крестьян на барщину, а также брать их на гужевую повинность во время сенокоса, жатвы, а также осенью и весной во время распутицы. Следовательно, до тех пор это практиковалось.

В §§ 42, 43 и 44 говорится, что, если после продажи с аукциона крестьянского имущества не собирается достаточная сумма для уплаты долга помещику, то крестьянин должен отработать недостающее, но срок подневольной службы не может превышать одного года. Значит, до сего времени барон имел возможность держать крестьянина у себя за счет старого долга сколько ему хотелось.

Те же положения устанавливают, что семейного крестьянина нельзя требовать на помещичью работу больше четырех дней в неделю (холостого же ежедневно), и рабочий день (считая в среднем за круглый год) не может превышать двенадцати часов. Следовательно, барон имел возможность удлинять рабочий день летом за счет его естественного сокращения зимой. И все же эти реформы восхвалялись, как улучшающие положение крестьян. Спрашивается, сколько же часов работали крестьяне до тех пор? Далее. Если крестьяне обязаны были ездить на работу в имение, которое находилось далеко от деревень, то каждые 20 верст приравнивались к одному рабочему дню. Раньше (можно предполагать) на это не обращали внимания или, по крайней мере, не считали за полный рабочий день. Наконец, закон 1845 года устанавливает, что, за исключением спешных работ во время жатвы и сенокоса, барон не имеет права требовать со двора на свои работы больше половины того числа работников, какое по закону полагается на каждый двор. Следовательно, до того времени даже на охоту или корчевание пней и т. п. барон имел право требовать хотя бы всех своих крестьян.

Из этого краткого обзора читатель видит, что «высочайше утвержденные» 77 дополнительных параграфов к Крестьянскому Уложению 1819 года служат прекрасной характеристикой

тогдашнего положения крестьян. Надо еще отметить, что насколько нам известно, эти законы не вошли в Полное Собрание Законов Российской Империи, а равно не объявлялись никогда лифляндским генерал-губернатором и губернским управлением в официальном порядке. Об их существовании узнали исключительно по маленькой брошюрке, написанной на немецком языке под заглавием «Высочайше утвержденные дополнения к крестьянским законам 1819 г.»¹¹⁷). В виду всего этого нет никаких оснований предполагать, что бароны их соблюдали.

**Крестьянское По-
земельное Уложе-
ние 1849 г.
Барщинная аренда.**

Пока бароны надеялись на помощь царских штыков, шпицрутенов и розог при ликвидации голода и созданных им волнений, до тех пор о серьезных реформах не могло быть и речи. Но при Головине царское правительство (хотя и ради собственных, панславистских, руссофильских целей) начало до некоторой степени следить за поведением баронов и обращать больше внимания на крестьянские жалобы и стоны. Это в свою очередь заставило баронов серьезно задуматься над вопросом об аграрных реформах, а справедливость слов барона Нолькена сделалась понятной и доступной даже для самых недалководных из них.

Однако, когда помещик думает о реформах, он старается придумать хитрость, которая дала бы возможность обмануть весь мир и между тем, согласно старинным порядкам, содрать с крестьянина последнюю шкуру. На языке помещиков именно такая хитрость и называется реформой. Подобной реформой, утвержденной правительством 9 июля 1849 г., явилось Крестьянское Поземельное Уложение 1849 года (Полное Собрание законов, № 23385).

Крестьянское Поземельное Уложение 1849 года не только оставляет в силе самую страшную петлю, которая душила лифляндских крестьян, — свободные арендные контракты, но даже затягивает ее сильнее при помощи нового постановления о признании нормальным видом аренды «барщинной аренды» (Frohnpracht). Это — такое изобретение прибалтийской баронской культуры, какого не знает никакая наука о праве и для которого на европейских языках не существует даже термина *). Это слово первый раз появляется в § 4 Крестьянского Уложения 1849 года. В дальнейшем это слово и понятие перешло и в крестьянские законы 1860 года: помещики умеют заботиться о том, чтобы преемственность в специфических законах, поддерживающих их «культуру», не нарушалась.

Термин «барщинная аренда» означал договорный контракт, по которому арендатор обещал барону вместо аренды барщину.

*) В тексте Уложения 1849 г. этот вид аренды назван «барщинною оброчкой» (Полное Собрание. Закон. Росс. Имп. собр. II, том XXIV, стр. 416).
Прим. переводчика.

Всякое посредничество закона в целях установления соотношения между уровнем «барщинной аренды» и пространством и плодородием земли, признается совершенно недопустимым. Бароны объясняли это тем, что нет возможности произвести «правильную» оценку земли так, чтобы она соответствовала как интересам арендатора, так и барона.

Таким образом, один из главнейших корней крестьянского разорения (неограниченная барщина на основании «свободных контрактов») был не только сохранен, но даже снова был посажен в тучную почву; только эта старинная феодальная форма эксплуатации была окрещена новым капиталистическим именем.

Но для успокоения арендаторов-барщинников этого было мало. Нужно было делать вид, что предпринимается еще кое-что. Действительно, Крестьянское Уложение 1849 года может дать повод к ложным выводам, что оно как бы ограничивает беспредельные права баронов на волостную (мирскую) землю. В громких фразах закона объясняется, что свободные арендные контракты могут повредить благосостоянию крестьян, если оставить баронам право беспрепятственно отнимать у крестьян землю и присоединять ее к имениям. Поэтому якобы необходимо отделить податную землю от мызной земли. Податной, или волостной, землей следовало признать ту, которая отмечена в планах как отданная, согласно закона 1804 года и его дополнений от 1809 года, в пользование крестьян. Закон 1849 года предписывает использовать эту землю только путем отдачи ее в аренду (за барщину) крестьянам данной волости.

Этим постановлением лифляндские бароны очень гордятся и не перестают восхвалять его как гуманное облагодетельствование крестьян. Лифляндское дворянство и лучший его литературный слуга и вместе с тем основательный знаток аграрного вопроса А. фон-Тобиен, восхищаясь этим «прогрессивным крестьянским аграрным законом», утверждает, что крестьянство благодаря этому закону получило якобы монопольные права на волостную землю ¹¹⁸).

Рассматривая дело ближе, мы, однако, видим, что и эти постановления не дают основания воспевать хвалебные гимны великодушию лифляндских баронов. Тобиен только потому мог воспарить на крыльях официального вдохновения, что он простодушно смешивает «крестьянскую» землю с «барщинной» землей и говорит о неотъемлемой крестьянской земле там, где закон 1849 года говорит только о «повинностной» (податной) земле.

Податная земля отделялась от помещичьей не по причине какого-либо расположения к крестьянам или ради их интересов, но для того, чтобы поставить помещичью землю в привилегированное положение с освобождением ее от всяких повинностей. Помещичья земля была признана неподатной землей (schatzfrei) или по российской терминологии «обеленной землей». Подат-

ная земля (Gehorchsland), наоборот, сделалась «черной». Даже те налоги, которые барон принимал на себя для поддержания дворянских учреждений, впоследствии стали устанавливаться по количеству податной земли.

Податная земля не обязательно и не всегда оставалась в крестьянском пользовании. Закон устанавливал, что она также могла перейти в собственность горожан или дворян или передана в их пользование; только лица из сословия мещан или дворян, приобретая ее в собственность, должны были принять на себя несение тех повинностей и налогов, которые ложились на эту землю, не теряя, однако, при этом никаких прав и преимуществ, присвоенных своему сословию.

Если бы податная земля, отделенная от помещичьей в 1849 году, действительно была «крестьянской землей», как это старались доказать официозные представители дворянства, то закон 1849 г. привел бы к тому положению, какое существовало с 1804 по 1819 год, т.-е. до «славного освобождения крестьян». Необходимо было бы только сделать последовательно еще шаг вперед и превратить «барщинную аренду» (Frohnpacht) в «барщинный откуп» (Frohnkauf). Но мы видим, что новые методы земледелия в связи с травосеянием, клевером, картофелем, развитием овцеводства и т. д. не соответствовали крепостному праву, при котором крепостные живут на неотъемлемой крестьянской земле, а объем их повинностей строго определен. Отсюда все выкрики о неотъемлемой крестьянской земле и отделении ее от земли имений, при помощи которых лифляндское дворянство хотело замаскировать свои реакционные тенденции, что выразилось в протесте дворянства против предложения барона Фелькерзама и его друзей об уничтожении системы барщинной аренды при помощи крестьянского арендного банка. Проекты барона Фелькерзама, серьезно помышлявшего об улучшении положения крестьян, конечно, были провалены. Дело в том, что помещики всегда стараются сохранить преемственную связь аграрных отношений, т.-е. они хотят пользоваться преимуществами, которые созданы прогрессом в производстве и общественных отношениях, не отказываясь, однако, при этом от старинных способов эксплуатации крестьян. Этой проблемой бароны всегда занимались с большой охотой, выкидывая порой такие фокусы, которых постороннему наблюдателю понять невозможно. Так это было и в данном случае: то они говорят об обеспечении крестьян неотъемлемой землей, то о том, что эта неотъемлемая крестьянская земля может быть приобретаема в собственность представителями всех сословий. Все это происходит из желания воспользоваться благами новой капиталистической системы, не лишаясь, однако, несовместимой с ней системой крестьянской барщины.

Квотная земля. Имея в виду эти мотивы, мы поймем многое, что иначе в поступках прибалтийского дворянства кажется неясным. Поймем также и Крестьянское Поземельное Уложение 1849 года. Этот закон (§ 7) устанавливает, что вся земля, которая на основании крестьянского закона 1804 года была передана ревизионной и землемерной комиссией в собственность крестьян, теперь, хотя и рассматривается как собственность баронов, однако, не может быть использована иначе, как только отдачей в аренду крестьянам данной волости. Но следующий параграф (§ 8) уже прибавляет, что некоторая часть земли, которая в 1804 г. принадлежала крестьянам и которой они сейчас пользуются, присоединяется к помещичьей земле. Эта «некоторая часть» (*aliquoter Teil*) известна в Прибалтике под названием «квотной земли» *).

Утверждая отрезную «квотную землю» (от «неотъемлемой крестьянской земли»), закон 1849 года предоставляет или, вернее, оставляет баронам их право (согласно закона 1819 года) уничтожать крестьянские хозяйства и увеличивать (округлять) помещичьи поля так, как этого требует капиталистическая система земледелия. К каждой сохе неподатной мызной земли барон имеет право прирезать от «неотъемлемой крестьянской земли» от 36 до 108 пурных-мест пашни вместе с относящимися к ней лугами и выгонами. При этом не требовалось отрезать от каждого двора по кусочку, а можно было делать так, как угодно барону, целиком ли от одного двора или от разных (§ 12).

Таким образом, параграф закона о так называемой квотной земле является чем-то вроде черного входа, через который бароны протаскивают часть крестьянской земли, о неотъемлемости которой они успели прожужжать все уши. Отрезанная таким образом у крестьян квотная земля составляла ни больше ни меньше, как 259.694 десятины, или 17% тех 1.514.974 десятин, которые по закону 1804 года вообще были переданы в «неотъемлемое» пользование крестьян.

Даже борзописцы наших баронов и их слуги никак не могут назвать квотную землю «монополией крестьянского сословия»: как закон 1849 года, так и закон 1860 года оставляет ее в полной собственности барона. Бароны могут, по своему усмотрению, присоединять ее к земле имений, делить на мелкие участки или

*) В русской экономической литературе читатель найдет очень немного сведений о так называемой «квотной» (в Лифляндии) и «шести-дольной» (в Эстляндии) земле; все же можем рекомендовать следующие журнальные статьи: А. П. Василевский. «О шестидольной и квотной земле в Эстляндии и Лифляндии» (статья в «Русском Обзрении», сентябрь 1893 г., стр. 97—102); А. Башмаков. «Очерки поземельного устройства прибалтийских крестьян. История вопроса до эпохи объединительной политики» (в журнале юридического общества при Имп. С.-П.Б. Университете), — год XXV, 1895 г., книга VI, июнь, стр. 1—40).

Прим. переводчика.

соединять в крупные хозяйства, отдать в аренду, продать и т. д. Квотная земля считается прибавкой к помещичьей (мызной) земле.

Однако, нашлись люди, которые старались доказать, что эта земля присоединяется к помещичьей земле в интересах крестьян. С доходов от нее, видите ли, при отмене барщины бароны смогут содержать своих наемных рабочих. С этим доводом считались при определении количества квотной земли.

По крестьянскому закону 1804 года (§ 58) на каждый крестьянский двор размером в четверть сохи (20 талеров) должно было быть, кроме дворохозяина, еще двое рабочих, следовательно, на целую соху (80 талеров) должно было быть 8 рабочих. Далее, тот же закон 1804 года устанавливает, что сельско-хозяйственные рабочие вместо жалованья получают в свое пользование $1\frac{1}{2}$ пурных-мест пашни в каждом поле, или всего $4\frac{1}{2}$ пурных-мест *). Таким образом, на основании закона 1804 года для обработки одной сохи и содержания необходимых для этого сельско-хозяйственных рабочих требовалось 36 пурных-мест пахотной земли плюс соответствующее количество лугов и пастбищ; таким образом для содержания сельско-хозяйственных рабочих нужно было отрезать от «неотъемлемой» крестьянской земли 36 пурных-мест пашни на каждую соху помещичьей земли. При этом бароны имели право брать вместо одного пурного-места пашни — 3 пурных-места кустов или нови.

Основываясь на подобных выкладках, борзописцы из баронов и газетные прислужники дворянства восхваляют введение квотной земли, как идущей на содержание крестьянского сословия. Дело, видите ли, в том, что сельско-хозяйственные рабочие обычно являются представителями крестьянского сословия. На деле же, разумеется, это было не чем иным, как обманом, целью которого было приукрасить немного факт корыстного урезывания крестьянской земли.

В 1847 году в ландтаге, где обсуждался и готовился этот законопроект, было строго установлено и запротоколено, что «закон не может ограничивать пользование этой землей, отданной в полное пользование баронов, так как для волостей совершенно безразлично, селятся ли на квотной земле сельско-хозяйственные рабочие или они получают жалование из доходов с нее, или, наконец, они, если вообще имеются, расквартировываются на другой земле». Благодаря этому пункту отрезывали в свою пользу квотную землю даже те бароны, которые вовсе не держали сельско-хозяйственных рабочих, а обрабатывали свою землю при помощи крестьянской барщины.

Газетные прислужники баронов любили оправдывать отделение квотной земли от волостной тем, что будто бы эта

*) Полторы десятины.

Прим. переводчика.

земля предназначена для содержания сельско-хозяйственных рабочих. На этой почве произошел комичный эпизод. 18 февраля 1893 года царь издал указ сенату, которым упорядочивалось пользование квотной землей таким образом, чтобы она действительно шла в пользу безземельных крестьян. Этим законом запрещено было продавать квотную землю кому-либо другому, кроме крестьян, при чем разрешалось продавать только маленькими участками, не превышающими минимального крестьянского двора (восьмая часть сохи или 10 талеров). Против этого закона восстали лифляндские, эстляндские и эзельские помещики; они наводнили все министерства своими прошениями и протестами и склонили на свою сторону также лифляндского губернатора Зиновьева, упросив его написать правительству, что новый указ создает массу недоразумений и нужно как можно скорее его отменить: бароны, мол, никак не могут обходиться без права на бесконтрольное пользование квотной землей. Закон 18 февраля 1893 года, однако, так и остался неотмененным.

Так поладили бароны с квотной землей, которая составляла, приблизительно, шестую часть податной земли. Оставалось еще пять шестых (в цифрах 1.255.280 десятин) податной земли, кои обыкновенно и подразумеваются под крестьянской землей» *).

Однако, как выше было указано, и эта земля не заслуживает названия «крестьянской», а, пожалуй, всего-навсего «волостной»: она переходит и отчасти уже перешла в собственность мещан, дворян и представителей всевозможных других сословий. Последние в случае покупки волостной земли должны записаться только членами той волости, где они приобретают землю. Приписка же к волости означает только одно: что данное лицо берет на себя те казенные и волостные повинности, которые ложатся на податную землю. Но представители дворянства даже от этих повинностей могут быть при известных условиях освобождены. Если барон оставляет за собой или берет в свое пользование участок податной земли, которая расположена в его волости, то он может пользоваться ею в течение шести лет, не записываясь членом волости и, следовательно, не неся никаких, лежащих на землю, волостных повинностей. Одним словом, крестьянство как сословие не пользуется по отношению к этой земле никакими привилегиями.

Разница между квотной и волостной землей состояла только в том, что квотную землю барон мог использовать без

*) И которая, быть может, составляет то, что Тобиен называет «круговым крестьянским фидейкомиссом», т.-е. землей, на которую крестьянство имеет исключительные и монопольные права в отличие от всех остальных сословий. Прим. переводчика.

всяких ограничений, как ему угодно: он мог присоединить ее к своим полям, объединить в большие хозяйства для образования новых имений или же разделить ее мелкими кусочками между безземельными; волостную же землю нельзя было присоединять к помещичьим полям иначе, как только в обмен на другой равноценный участок помещичьей земли. Далее, — волостную землю нельзя было делить на участки более мелкие, чем одна восьмая сохи, или 10 талеров, и объединять в участки крупнее одной сохи или 80 талеров. Даже волостное общество, как таковое, не имело права приобретать в свою собственность участок земли, превышающий одну соху. Это право принадлежало только барону.

Таким образом, на «круговой фидейкомисс» крестьянского сословия, установленный якобы аграрным законом 1849 года, нельзя смотреть серьезно. На самом деле составители закона 1849 года даже не подумали о защите каких-либо интересов крестьянского сословия. Наоборот, вся их цель состояла в разделении крестьянского сословия на две части: на неимущих пролетариев и на маломальски обеспеченных и потому консервативных мелких земельных собственников. К образованию слоя мелких земельных собственников понуждали наших баронов постоянные восстания крестьян и руссофильская, враждебная немецким баронам, политика генерал-губернатора Головина. В консервативном слое мелких земельных собственников прибалтийское дворянство надеялось найти преданных защитников существующего строя и своих верных союзников. Это открыто было высказано бароном Нолькеном и являлось тогдашним идеалом большинства баронства, что подтверждает также Х. фон-Энгельгардт в своей истории дворянского кредитного товарищества ¹¹⁹⁾.

Крестьянский Арендный Банк.

В целях образования класса мелких земельных собственников (дворохозяев) был основан Крестьянский Арендный Банк, т.-е. учреждение, при помощи которого крестьяне могли откупиться от лежащих на крестьянской земле повинностей и барщины. Выкуп происходил в таком порядке: банк выдавал барону на известную сумму ценные бумаги (рентные обязательства), которые ежегодно приносили такую же прибыль, какую барон раньше получал в виде барщины и аренды; крестьянин, который при помощи банка откупился от барщины, обязывался уплачивать банку с избытком следуемый барону процент на его ценные бумаги. Таким образом в течение 40 — 50 лет собрался бы капитал, которым можно было бы уплатить барону весь следуемый ему от ценных бумаг доход. Благодаря этому с самого начала утрачивалась зависимость крестьянина от барона, так как последний получал свою аренду из банка, а крестьянин платил банку, а не барону.

Проект Арендного Банка, выработанный по саксонскому образцу, особенно усердно пропагандировал в Прибалтийском крае барон Гамилькар Фелькерзам. Благодаря этой агитации и настойчивости генерал-губернатора Головина, которому не хотелось снимать последнюю шкуру с крестьян, избранная лифляндским ландтагом комиссия уже в 1847 году выработала устав такого банка. По проекту, выработанному этой комиссией, Крестьянский Арендный Банк основывается и деятельность его гарантируется дворянством. Операции производятся в следующем порядке *): в купчих должна быть отмечена годовая аренда или стоимость барщины, которая не может превышать четырех рублей с талера земли. Исходя из этой суммы определяется цена земли. Если, например, крестьянин платил за четверть сохи, или 20 талеров, 80 рублей аренды в год (это высшая аренда, допускаемая законом), то капитал должен равняться 2.000 рублей, каковая сумма и считалась ценой одной четверти сохи крестьянской земли. 60% этой стоимости крестьянской земли, или капитализированной аренды, банк ссужал в виде ценных бумаг, 20% оставалось числиться за крестьянским двором, как аренда, и остальные 20% (в нашем примере это составляло бы 400 рублей) могли быть уплачены наличными. Арендный Банк, основанный и утвержденный Крестьянским Уложением 1849 года, мог в большой степени ускорить появление независимого от баронов крестьянского сословия, дворохозяев-собственников. Именно деятельностью Арендного Банка было заложено основание латышской «земельной собственности».

Деятельность Арендного Крестьянского Банка, однако, не дала результатов, на которые рассчитывал Гамилькар Фелькерзам и его друзья. Виною этому было то обстоятельство, что лифляндское дворянское Кредитное Товарищество видело в Крестьянском Банке своего опасного конкурента и боролось против него всеми средствами. Так как названное Товарищество существовало с 1802 года, и в нем были заложены почти все лифляндские имения, то Крестьянский Арендный Банк, помогая выкупу крестьянских дворов, имел всегда дело с Кредитным Товариществом, которое не упускало ни одного случая, чтобы не вредить своему конкуренту ¹¹⁹⁾. Этой именно конкуренцией объясняется тот факт, что с 1850 по 1863 год Крестьянский Арендный Банк участвовал посредником при продаже всего 192 крестьянских дворов (усадеб) на общую сумму 285.500 рублей.

Но, как выше уже было сказано, тут нет вины ни Крестьянского Арендного Банка, ни Поземельного Уложения 1849 года.

*) Здесь мы ссылаемся не на проект комиссии, а на текст устава, утвержденный и обнародованный вместе с Крестьянским Уложением в 1849 году. Правда, утвержденный текст мало отличается от текста проекта.

Остается фактом, что Крестьянское Поземельное Уложение 1849 года, основав Крестьянский Арендный Банк и упорядочив или, по крайней мере, возбудив вопрос о переходе с барщинной системы на денежную аренду и выкуп дворов, заложило основание слою латышских дворохозяев-собственников, что произошло с ведома и по желанию самих баронов.

Реакция после 1848 г. Начало националистического движения.

События 1848 года в Западной Европе (революция во Франции, Германии, Австро-Венгрии и Италии) сделали царя Николая I мнительным, и представителям прибалтийских баронов было нетрудно убедить его в том, что, если генерал-губернатор Головин со своей «бандой» (так бароны называли независимых от них чиновников) станут ломать прибалтийские порядки и разрушать установившиеся авторитеты, то революция неизбежно из Пруссии через Прибалтийский край проникнет в Россию. Николай испугался и спешно отозвал генерал-губернатора Головина из Риги, назначив на его место друга прибалтийских баронов — Суворова.

После отозвания Головина бароны не нуждались больше в латышских крестьянах для поддержки против «мусковитов», так как сам «мусковит» (царь) служил им поддержкой против латышских крестьян. Дворянство восстало теперь против «слишком либерального» Крестьянского Поземельного Уложения 1849 года. В 1854 году ландтаг избрал особую комиссию, которая и выработала подробный проект изменений Уложения 1849 года. При обсуждении проекта ландтагом в 1856 году Уложению 1849 года ставилось в вину, что оно слишком заботится о пользе крестьян за счет баронов. Мы знаем, что это ложь: Уложение 1849 года защищало не общие интересы крестьянского сословия, а интересы только одного слоя — крестьян-дворохозяев, при этом не за счет баронов, а как раз в их же интересах. Особенно строгой критике ландтага подвергся Арендный Банк, который, благодаря большим кредитам, предоставляемым крестьянам, являлся будто бы прямо губительным для прибалтийского уклада жизни. Затем ландтагу совсем не нравилось постановление закона 1849 года (§ 73) о том, что общества (общины) и товарищества могут приобретать землю в свою собственность *), так же, как и положение, по которому барщина являлась лишь переходной системой. Ландтаг требовал, чтобы барщина была признана «добрым и неприкосновенным» обычаем; чтобы обществам было запрещено приобретать землю; чтобы был закрыт Арендный Банк и чтобы было установлено, что каждому баронскому имению должно принадлежать не меньше восьми сох податной земли (Уложение 1849 года устанавливало, что баронское имение

*) С этим возражением правительство согласилось, и из текста законов 1860 г. спорный пункт был исключен. Таким образом только отдельные лица, а не товарищества и общества могли покупать в Прибалтике крестьянскую землю.

должно иметь не менее 900 пурных-мест *), не считая негодной земли; наличие при имении податной земли не принималось в расчет).

В указанном направлении шла баронская агитация в пятидесятых годах. Против нее была направлена агитация крестьян-собственников. Но последняя шла уже не во имя религии, а во имя народности.

Идея народности в то время была очень популярной, благодаря национальному освободительному движению в Италии, Венгрии и даже в Германии, целью которого было собирание и объединение маленьких разрозненных наций. Она сделалась близкой латышам потому, что враги прибалтийских баронов в России также стояли на точке зрения народности, хотя и по совершенно другим (реакционным) причинам: в России увлекались народническими идеями (славянофильством) во имя борьбы против революционных идей «гнилого Запада».

Я не имею возможности долго останавливаться на этой борьбе и отмечаю лишь ее хозяйственные причины и то, непонятное с первого взгляда, явление, что латыши питали доверие к русским реакционерам и ожидали помощи от царского правительства. Остается все-таки фактом, что даже такой палач как генерал-губернатор Головин и его панславистские чиновники казались латышским крестьянам ангелами только потому, что они ненавидели прибалтийских баронов, считая последних проводниками влияний «гнилого Запада».

---

*) Около 300 десятин.

Г Л А В А XVIII.

Реформы шестидесятых годов.

Влияние капитализма на крестьянские реформы.

Правительственные сферы, отчасти благодаря панславистским настроениям и направленной против баронов агитации ново-латышей, не обратили внимания на решения ландтага 1856 года по поводу «либерализма» Уложения 1849 года, и в утвержденном 30 ноября 1860 года новом Крестьянском Уложении мы находим все основные положения в пользу крестьян-собственников, которые раньше были включены в Уложение 1849 года.

Однако, надо иметь в виду, что русская и ново-латышская народническая агитация повинна в этом лишь отчасти. Большую роль сыграло естественное развитие сельского хозяйства. Развитие капиталистического способа производства (который производит главным образом товары для мирового рынка) должно было совершенно изгнать барщинную систему и ввести взамен ее денежную аренду. Пока лифляндские бароны рассуждали в своем ландтаге 1856 года о том, что барщинная система ни в коем случае не может быть рассматриваема как временная хозяйственная форма, — уже велись переговоры о постройке Митавской железной дороги; уже была намечена постройка железнодорожной линии Рига — Двинск, а открытый впервые в 1852 году телеграф приносил вести о ценах на товары и о курсе ценных бумаг. Именно поэтому дни барщинной системы были сочтены. Закон 1860 года не только признал эту систему переходной и временной, но даже установил, что в 1868 году, в день св. Георгия (23 апреля), должен окончиться срок действия всех барщинных договоров, и их место должна заступить денежная аренда. Эта же причина принудила лифляндское дворянство отказаться 10 марта 1866 года от своего монопольного права на владение имениями.

Выше мы уже говорили, что в начале XVIII столетия, когда Лифляндия была присоединена к России, в один и тот же день были утверждены две капитуляции: капитуляция дворянства, по которой лифляндские имения не могли принадлежать никому

кроме лифляндских баронов (*nobilibus livonis*), и капитуляция мещан, которая обеспечивала горожанам все права, коими они пользовались до тех пор (во время шведского господства мещанам принадлежало право приобретать имения в собственность). Следствием этой двойной капитуляции были постоянные споры и бесконечные судебные процессы, которые кончились тем, что сенатский указ 1789 года запретил мещанам покупать имения. Мещане не проливали из-за этого слез, так как у них оставалось право брать имение в аренду или в залог на девяносто девять лет. В 1802 году, однако, и это право было у них отнято, при чем срок залога был сокращен до десяти лет. В 1841 году, когда престиж баронов стоял особенно высоко, срок залогов был сокращен до трех лет, а в 1845 году недворянам было совершенно запрещено владеть в какой-либо форме лифляндскими имениями. Это, конечно, была крайность, которая никак не вязалась с развивающимся хозяйственным строем, и она должна была исчезнуть так же, как барщинная система. Имения, дворы и дома должны были приносить прибыль; это было единственным требованием, о соблюдении которого заботился капиталистический строй.

Дворохозяева - собственники и их правовое положение.

Для того, чтобы крестьяне могли платить высокую аренду, их благосостояние приходилось улучшить по крайней мере настолько, чтобы они могли приобретать необходимые земледельческие орудия, нужные для производства большого количества хлеба на рынок. С другой стороны, необходимо было предоставить дворохозяевам права и преимущества, позволяющие им эксплуатировать сельско-хозяйственных рабочих. Понятно, что бароны не получили бы никакой выгоды от того, что подняли бы права дворохозяев слишком высоко, и так сказать приравнили их к себе. Для них пропали бы те выгоды, которые высасывали дворохозяева из сельско-хозяйственного пролетариата. Поэтому крестьянские законы 1860 года (§ 1) устанавливают, что положения закона 1849 года о так называемых «свободных контрактах» остаются в силе.

Новый закон (§§ 616—648) оставляет волостной полиции все важнейшие права, которые принадлежали ей по закону 1819 года. Впоследствии всемогущество баронской полиции было немного урезано законом 1866 года и утвержденным царем постановлением Государственного Совета (1888 г.). Но и после этого волостная полиция (иногда она называлась мызной полицией) продолжала представлять из себя смешной пережиток докапиталистических времен.

Далее, закон 1860 года оставил в силе бессмысленное деление волостной земли на: 1) привилегированную помещичью, 2) отрезанную от крестьянской земли и отданную в полную собственность баронов — квотную землю и 3) волостную, которую бароны

обязаны отдавать в аренду крестьянам, при чем срок аренды определен в шесть лет (§ 6—10). Наконец, закон 1860 года устанавливает, что никому кроме местного барона не может принадлежать в границах волости больше одной сохи пахотной земли.

Обеспечив таким образом себе господствующее положение, бароны перешли к обеспечению положения дворохозяев. Не чем иным, как извращением исторических фактов, могут быть названы слова тех, кто говорит об улучшении положения крестьян. Реформы шестидесятых-семидесятых годов и не имели этого в виду. Даже генерал-губернатор Альбединский говорит в своем донесении царю: «Наше законодательство... было направлено главным образом на обеспечение немногочисленного, но экономически значительного слоя крестьян-дворохозяев. Таких дворохозяев и посейчас во всех трех губерниях не больше 90 тыс. (а именно: в Курляндии 20 тыс. при общем числе населения в 500 тыс. чел., в Лифляндии 45 тыс. при общем числе населения в 800 тыс. чел. и в Эстляндии 17 тыс. при общем числе населения в 300 тыс. чел.). Наше законодательство постоянно принимало меры к тому, чтобы обеспечить независимость этой части крестьян (а не всего крестьянского сословия! *Фр.Р.-А.*) от помещиков, от которых они берут в аренду свои земельные участки. С этой целью изданы законы, которыми определяются обязанности крестьян-арендаторов по отношению к баронам и ограничивается право последних по истечении арендных лет присоединить удобренную крестьянскую землю к имению или отдавать ее в аренду за более высокую цену».

Реформы шестидесятых годов защищали крестьян-арендаторов разными способами. Во-первых, было запрещено делить землю на меньшие участки, чем по 10 талеров на хозяйство. Благодаря этому бобыли или безземельные не имели никакой возможности сделаться дворохозяевами. С другой стороны, одному дворохозяину (и даже всему волостному обществу как юридическому лицу) было запрещено иметь в одной волости земли больше одной сохи — 80 талеров. Далее закон запрещает заключать контракты на срок менее шести лет (§ 119); если же по истечении срока контракта барон прогоняет арендатора или требует такой платы, какую тот вносить не в силах, то прежнему арендатору полагается некоторое вознаграждение («абтраг»). Чтобы бароны не обманывали и не колпачили крестьян при заключении купчих или арендных контрактов, закон требует заключения контрактов в определенной письменной форме и утверждения их комиссаром по крестьянским делам, каковым, конечно, являлись те же представители дворянства.

4 июня 1865 года даже был обнародован указ, по которому баронам запрещается подвергать дворохозяев телесным наказаниям. Благодаря этому дворохозяева сделались едва ли не настоящими людьми, особенно же потому, что тем же самым за-

коном им запрещалось подвергать телесным наказаниям своих сельско-хозяйственных рабочих.

Бесправное положение сельско-хозяйственных рабочих и безземельных.

Самой характерной чертой бесправного положения этих пасынков является то, что даже в волостном самоуправлении им позволялось участвовать не как полноправным крестьянам, а только как «десятичным людям» *), которые всецело подчинены воле и произволу дворохозяев. В контрактах о найме и условиях труда закон всегда держит сторону дворохозяев самым пристрастным образом. Об этом я имел возможность года два тому назад сказать несколько слов в агитационной брошюрке («Десятичные люди или мошки») и поэтому не буду сейчас на этом останавливаться. Сказанного достаточно, чтобы читатель мог понять общее направление и характер реформ шестидесятих годов. Достаточно перелистать прибалтийские законы, чтобы на каждом шагу встретить подтверждение моих слов.

Прежде чем закончить эту главу, я хочу отметить одно обстоятельство. Те, кто в 1860 году собирались вокруг латышской газеты «Peterburgas Avizes» («Петербургская Газета») и агитировали против баронов, с появлением класса крестьян-арендаторов, а затем и дворохозяев-собственников отчасти достигли своей цели. Они спокойно сошли с политической арены. Но практикуемая ими форма защиты интересов крестьянства, их идеологическое воплощение — идея народности — осталась. Только теперь во имя народности боролись уже не приниженные и голодные крестьяне против бесстыдных баронов и бессовестных пасторов, но во имя этой идеи веселились на «благотворительных» балах и пикниках сытые дворохозяева и латышские мещане, организовывая празднества и уча народ ползать на четвереньках и — упаси бог! — не высказывать неуважение к порядкам, установленным реформами шестидесятих годов.

Один наивный идеалист вздумал еще в семидесятих годах издавать демократическую газету в защиту идеи народности. Это был Юрий Матер **). Несмотря на талант и выдающиеся способности журналиста, он потерпел фиаско: те крестьяне, у которых народность была на устах, а, быть может,

*) На волостных собраниях (мирских сходах) безземельные участвовали только через своих представителей — по одному на десять безземельных, между тем как дворохозяева участвовали поголовно все. Таким образом каждый безземельный обладал десятой частью голоса и в политическом отношении являлся «десятичным» человеком.

Прим. переводчика.

**) Юрий Матер — латышский журналист семидесятих годов прошлого столетия, представитель беднейшего крестьянства.

Прим. переводчика.

и в сердце, не были демократами, а те слои латышских рабочих и ремесленников, которые эксплуатировались и голодали и потому были способны на борьбу, не отличались народническими настроениями, да и не могли уплачивать трех рублей за абонемент газеты. В конце восьмидесятых годов для этих слоев был основан орган «Dienas Lapa» («Ежедневный Листок»), который с самого начала стоял в оппозиции к официальному латышскому народничеству, хотя и сам, правда, не порвал еще пуповины, которая связывала его с народническим лагерем. Но и эта газета по своей высокой цене была недоступна сельскохозяйственным рабочим. Таким образом они все еще ждут органа, который защищал бы их классовые интересы. Все выходившие до сих пор газеты обращали внимание лишь на дворохозяев и на их классовые интересы. Я вкратце останавливаюсь на этом потому, что задачей истории является объяснить, как появилось все то, что привлекает внимание нашего поколения и оказывает то или другое влияние на ход общественного развития.

ГЛАВА XIX.

Продажа дворов (усадеб).

История вопроса о крестьянской зем- ельной собствен- ности.

Что в сущности представляет из себя продажа крестьянских дворов, и почему является безумием приобретать их в собственность, а не арендовать на условиях пожизненной аренды, охраняемой законом, об этом можно будет подробнее поговорить в другом месте при разборе вопроса о земельной аренде и ее капитализации в условиях развития капиталистического хозяйства. Укажем лишь вкратце на то, что лифляндским баронам еще с 1804 года принадлежало право продавать крестьянские дворы с относящейся к ним земель. Однако, пользоваться этим правом они опасались. Они боялись погрешить против своих интересов, имея в виду выгоды своих наследников и своего класса в целом: они должны были бы отказываться от возможности увеличивать крестьянские повинности в том случае, когда земля была бы приведена в больший порядок и лучше удобрена, и когда возросли бы цены на хлеб. Так продолжалось до конца сороковых годов, когда некоторые дальновидные бароны ясно увидели, что приближается время, когда увеличивать аренду будет уже невозможно. Они поняли, что пришло время подумать о продаже крестьянских дворов. Однако, и в то время большая часть помещиков всеми силами противилась этой продаже при помощи Крестьянского Банка. Но уже в сороковых годах они стали хлопотать о том, чтобы, в случае надобности, можно было продавать их при помощи Дворянского Кредитного Товарищества.

Дворянское Кредитное Товарищество приспособлялось к этому требованию, перенося на продаваемые дворы те долги банку, которые лежали на баронских имениях, и в 1864 году банк выработал новый регламент для таковой продажи. Следует, однако, указать, что защитники интересов латышских

крестьян уже тогда агитировали против приобретения дворов в собственность. У меня нет под рукой сочинений и речей современных деятелей, однако, пусть читатель поверит моему утверждению, если я в доказательство приведу слова одного прибалтийского барона. Один из самых горячих защитников идеи продажи крестьянских дворов и самых усидчивых изобретателей разных планов, как околпачить латышских крестьян, при помощи Кредитного Товарищества — г. фон-Раутенфельд — в 1863 году выпустил брошюру «Преобразование Лифляндского Кредитного Товарищества и Крестьянского Арендного Банка в целях продажи податной земли»¹²⁰). Автор этой брошюры утверждает, что «таких помещиков, которые были бы против продажи крестьянских дворов, теперь уже немного. У крестьян же, наоборот, благодаря анонимной агитации в прессе (предполагалась газета «Peterburgas Avizes» — «Петербургская Газета») и другим способам агитации, сильно уменьшилась страсть к покупке дворов».

Причина, побудившая баронов продавать дворы крестьянам.

Важнейшие причины, которые превратили наших баронов из противников крестьянской земельной собственности в горячих сторонников продажи дворов, были следующие:

1) дворохозяева, как арендаторы дворов, при благоприятствующих обстоятельствах умели скопить маленький капиталец. Как только барон замечал, что тот или иной крестьянин слишком «благоденствует», он обыкновенно повышал аренду. Однако, было совершенно нетрудно казаться с виду бедняком, а на самом деле накапливать капиталец. Сколоченные подобным образом деньжонки то тут, то там обнаруживались, например, при выкупе сыновей из рекрутчины. При виде крестьянских денег у баронов загоралось желание присвоить этот капиталец. Здесь самым лучшим способом оказывалась продажа дворов: крестьянин вынимал свои последние гроши и вносил их барону как задаток. Это и утверждает фон-Раутенфельд в своей брошюре, и в этом состояла главнейшая причина, почему латышские народники агитировали против покупки дворов;

2) начиная с 1840 года до самого конца прошлого столетия наблюдалось рост и падение хлебных цен по периодам в 10—12 лет. Каждый раз, как цены на хлеб начинали понижаться, баронов охватывал страх, как бы вместе с ценами на хлеб не понизилась и земельная аренда. Поэтому они стремились ее капитализировать и фиксировать на определенном уровне. Последнее объясняет, почему первое движение в пользу продажи дворов началось именно в 1849 году, т.-е. в том году, когда цены на хлеб на рижской бирже спустились до самого низкого уровня, какой только наблюдался в течение периода в 65 лет¹²¹). Сопоставляя цены на хлеб на рижской бирже с числом проданных крестьянских дворов, внимательный чита-

тель найдет довольно значительную связь между этими двумя явлениями *);

3) третьим поводом, побудившим баронов поспешить с продажей дворов, было то, что земельная аренда обнаруживала тенденцию к дальнейшему понижению вследствие повышения заработной платы сельско-хозяйственных рабочих. Развитие промышленности в городах, отвлекавшее все большее число сельско-хозяйственных рабочих**), предоставляло остальным возможность требовать более высокой заработной платы. Уже в начале шестидесятых годов бароны начали жаловаться на недостаток сельско-хозяйственных рабочих¹²²). И нужно было быть слепым, чтобы не видеть, что этот «недостаток» должен все время увеличиваться. Поэтому надлежало спешить капитализировать аренду, пока она не упала до минимума вследствие «непомерных» требований сельско-хозяйственных рабочих. Таким образом до 1901 года было продано 22.994 крестьянских двора, общим пространством земли в 1.134.771,08 десятины и до конца 1904 года — 23.778 дворов. Сколькими из этих дворов владеют их первые покупатели, мне не удалось установить. Однако, остается фактом, что ежегодно большое количество дворов продается с торгов. Так, например, в течение трех лет (с 1894 по 1896) рижским окружным судом были объявлены торги на 3.926 крестьянских дворов. С 1901 по 1904 г.г. только одно Лифляндское Дворянское Кредитное Товарищество назначило к торгам 1.945 крестьянских дворов ***).

Крестьяне вообще, и латышские в особенности, боятся торгов. Они согласны дать высосать из себя последние соки, безжалостно замучить на работе своих жен и детей, разрушить хозяйство, продать инвентарь и попасть в лапы ростовщикам, только бы избежать «позора», что их двор идет с аукциона. Если не забывать этого, то положение лифляндских дворохозяев и их земельной собственности оценить нетрудно. Нет слов, чтобы выразить все отвращение к цинизму секретаря лифляндского дворянства А. фон-Тобиена, который высмеивает известное стремление латышских крестьян спасти свое распадающееся хозяйство от торгов, добывая деньги, где только можно. В своем докладе о лифляндских аграрных условиях, который 23 февраля 1906 г. был подан генерал-губернатору Сологубу, этот газетный прислужник дворянства говорит: «Задолженность крестьян баронам была бы гораздо меньше, если бы крестьяне придержива-

*) См. приложение I—«хлебные цены на рижской бирже», стр. 212.

**) Население Риги в 1810 г. исчислялось в 32.955 чел., и число новых граждан, вносимых в городские книги, колебалось всего-навсего около 10 в год. В 1867 г. цифра населения достигла 102.000 чел., а в 1884 г. перевалила за 170.000. В Либаве в 1801 году было 4.506 чел. населения, в сороковых годах это число дошло до 10.000 ч., а в 1886 г. перевалило за 30.000 и во время последней переписи достигло 64.505 человек.

***) См. приложение II, стр. 194.

лись указанных в контрактах сроков уплаты, и если бы бароны не попустительствовали им отсрочками. Крестьяне в Лифляндии имеют привычку отдавать деньги только в том случае, если уплата требуется строго и безжалостно».

Продажа крестьянских дворов в Курляндии.

Крестьянские волнения в 1840 году и агитация ново-латышей в конце пятидесятых годов не остались без влияния и на соседние губернии. Эстляндские бароны, которые всегда выказывали больше дальновидности и политического смысла, нежели лифляндские, поспешили еще в 1857 году выработать приблизительно такие аграрные мероприятия, какие в Лифляндии появились только в 1860 г. Курляндские бароны, наоборот, придерживались своих традиций: шли с бычачьим упрямством по пути своих предков до тех пор, пока их не остановило восстание крестьян в 1860 году. Оно показало им, что надо искать новых форм эксплуатации, не соединяя денежной аренды с прежней барщиной и осуществляя ее при посредстве слоя дворохозяев. Для создания подобного слоя дворохозяев и была проведена крестьянская реформа по лифляндскому образцу^{*)}. По тому же способу после 1863 года началась продажа крестьянских дворов¹²⁰⁾.

Выше уже было сказано, что до 1863 г. в Курляндии было только 63 дворохозяина из крестьян. Закон 1863 года разрешил и упорядочил продажу дворов крестьянам наравне с представителями других сословий. Крестьянских дворов в частновладельческих волостях Курляндской губ. в то время было 11.906. Но из них 3.327 принадлежало к фидейкомиссным имениям, и к ним закон не относился; следовательно, продаже подлежало только 8.579 дворов. До осени 1864 года из числа этих дворов уже было продано 359, общим пространством земли в 45.191 пурных-мест на сумму в 1.419.651 рубль; из этой суммы 145.000 р. было внесено в виде задатка. Таким образом, мы видим, что пространство земли одного крестьянского двора, в среднем, равнялось 125 пурным-местам, а цена такого двора в среднем — 3.954 рублям. В течение первого десятилетия (1864—1873) было продано 2.744 двора пространством земли в 330.762 пурных-места на сумму в 9.684.739 рублей, из которых в виде задатка было дано 1.126.369 рублей 49 копеек, т.-е. 11% общей стоимости. Средняя цена пурного/- места земли равнялась 29 рублям, а средняя цена одного крестьянского двора — 3.529 рублям. 2.077 дворов, т.-е. 75% из всех проданных, были куплены их прежними арендаторами, 535 дворов посторонними крестьянами и 132 — непринадлежавшими к крестьянскому со-

^{*)} Я. И. Лудмер, борзописец курляндских баронов и митавский корреспондент «Нового Времени», говорит: «Заслуга закона 6 сентября 1863 года состоит в том, что он организовал (вернее, помог организовать) слой мелких земельных собственников» («Курляндская Губерния. Свод стат. данных XVI. Издание Курляндского статист. к-та». Митава, 1888. Стр. 32

словию. Необходимо еще отметить, что начиная с 1870 года в продажу шли также дворы фидейкомиссных имений, не подлежавшие продаже по закону 1863 года. В казенных волостях крестьянские дворы, коих было всего 6.789, или 36% всего числа курляндских дворов (18.695), пока еще не шли в продажу. В семидесятых годах продажа крестьянских дворов шла тем же темпом. Только в период времени 1876—1877 г.г. (во время Турецкой войны) число проданных дворов сильно сократилось. Это с большей наглядностью видно из соответствующей таблицы: (см. стр. 203).

С 1879 года начались «безумные» годы. Число купленных дворов сделало сразу большой скачок. В 1880—1881 году продано 818 дворов за 3.590.333 рубля, т.-е. на сумму, в три с половиной раза большую, нежели в предыдущие годы. Из этой суммы в виде задатка уплачено 262.484 рубля. За десятину земли платили от 57 до 146 рублей, смотря по плодородию. Средняя цена десятины была 86 рублей, следовательно, значительно выше, нежели в черноземной полосе России.

Юрий Матер и все, кто следили за аграрными событиями в Прибалтийском крае, с ужасом наблюдали безумие крестьян и предостерегали их в «Baltijas Zemkopis» («Прибалтийском Земледельце») и «Tiesu Vēstnesis» («Вестнике Права»). Матер прямо-таки писал, что не надо торопиться с покупкой и в особенности не надо давать такие большие задатки. Но чрезмерно высокие цены на хлеб и неестественно низкий процент, по какому кредитное общество предлагало деньги для покупки дворов (и притом только для этого), заставляли крестьян не слушаться этих предостережений. К тому же многие из них по своей простоте радовались зарождению якобы «латышской земельной собственности». Под Иванов день, когда дворохозяева привезли в Митаву свои денежки, там было такое ликование, точно они приехали получать эти миллионы, а не привезли их, чтобы бросить в глотку баронам. В 1881—1882 г.г. лихорадка достигла высшей точки. В этом году было закуплено 1.110 дворов в 152.062 пурных-места на сумму в 4.807.469 рублей, из которых в виде задатка было дано 318.740 рублей. Цены на землю доходили до 173 рублей за десятину, в среднем же составляли 94 рубля. С 1883 года число проданных дворов начинает постепенно сокращаться. В 1883 году, правда, было продано еще 895 дворов, но средняя цена теперь уже была ниже, чем годом раньше, а именно—92 рубля за десятину. В 1884 г. продано 537 дворов и в 1885 г.—309 дворов, но цена на землю повысилась до 111 рублей за десятину. В 1886 году уже было продано только 131 двор.

Таким образом, в течение двадцати лет, с 1864 по 1884 г., было продано 10.188 дворов. За них курляндские бароны выручили 38.527.960 рублей частью звонкой монетой, частью процентными бумагами.

Продажа дворов (усадеб) в Курляндской губ.

Г О Д Ы.	Число про- данных дворов.	Общее про- странство.	Пахотной земли.	Покупная цена.	Задаток.		К у п л е н о.		
					В р у б л я х.		Прежними архадато- рами.	Посторон- ними кре- стьянами.	Представи- телям других со- словий.
					В пурных-местах.	В р у б л я х.			
1873—1874	438	52.303	26.689	1.494.468	149.485	303	105	28	
1874—1875	416	48.892	25.710	1.512.351	124.118	314	65	37	
1875—1876	346	38.781	19.046	1.018.194	112.656	284	44	18	
1876—1877	150	16.980	8.294	517.462	43.332	111	33	6	
1877—1878	287	35.614	10.968	1.023.819	97.750	215	61	8	
1878—1879	538	64.170	31.127	1.963.809	152.586	480	51	7	
1879—1880	386	58.582	27.822	1.949.083	192.121	—	—	—	
1880—1881	818	123.815	51.912	3.590.333	262.484	—	—	—	

Экономические последствия покупки дворов.

Благодаря постоянному падению цен на хлеб (начиная с 1883 года) эти миллионы шли уже не на земледелие, а уходили в города, увеличивая городские промышленные капиталы и увлекая за собой сельско-хозяйственных рабочих, вследствие чего заработная плата последних возрастала. При повышении заработной платы рабочим и понижении цен на хлеб дворохозяевам стало очень трудно уплачивать проценты за несоразмерно дорого «закупленные» дворы. Однако, они не понимали, что причина всех их бедствий заключается в самом факте покупки дворов. Они видели вину в лености сельско-хозяйственных рабочих, в дороговизне их труда и их распушенности. Поэтому они хотели при помощи дворянства заставить и последних «закупиться», чтобы и их сделать довольными, послушными и почтительными. К этому сводились стремления представителей курляндских крестьян в губернском совете в 1906 году.

Мы ушли бы далеко в сторону от цели нашего исследования, если бы стали распространяться о том, каким образом эти стремления могли бы иметь успех. Задачей истории является раскрывать прошлое, а не загадывать о будущем. Поэтому, дойдя до XIX главы, я мог бы закончить свою книгу. Однако, мне кажется, что необходимо хотя бы в кратких словах обрисовать современные условия жизни латышских крестьян.

Г Л А В А XX.

Аграрные условия в Латвии после 1905 г.

Виды земельной собственности. Исходным пунктом для краткой обрисовки аграрных условий в Латвии после 1905 г. нам может служить доклад Александра фон-Тобиена от 23 февраля 1906 года генерал-губернатору Сологубу.

По данным А. фон-Тобиена, в Лифляндии имеется 985 волостей пространством в 3.794.252 десятины, которые распределены следующим образом:

	Число волостей.	Пространство в десятинах.
Баронских имений	729	3.153.977
Казенных имений	95	536.460
Патримоний и иных земельных участков . .	55	54.151
Пасторских имений	106	49.665

Баронские (юнкерские) имения. Важнейшей составной частью волости, вокруг которой вращается вся хозяйственная, а отчасти и политическая жизнь, является имение; а из имений наибольшую роль играют баронские имения, хотя и другие, т.-е. патримонии, казенные и пасторские имения, устроены по их типу и образцу.

Под баронскими имениями подразумеваются такие сельские хозяйства, которые под этим названием отмечены в земельных планах и записаны в ипотечных книгах. Почти ко всем имениям относится также крестьянская земля, что объясняется тем, что в недавнем прошлом, во время крепостных порядков, никакое имение не могло существовать без крестьянского труда. Однако, как уже выше было сказано, в Лифляндии находятся 24 имения

без единого крестьянского двора. Это произошло потому, что в тринадцати имениях всех крестьян «съели овцы», а в одиннадцати имениях барщинных крестьян совсем не было; все крестьяне, принадлежавшие к этим имениям, занимались рыболовством и платили барону повинности натурой (рыбой) или деньгами, но не барщиной. Для того, чтобы имения не потеряли своей отличительной черты «господских» обширных хозяйств, закон устанавливает, что территория имения не может быть менее 900 пурных-мест годной земли, из которых, по меньшей мере, 300 должно быть пашины. При этом лифляндские бароны, чьи имения, как известно, состоят, помимо привилегированной помещичьей земли, еще из квотной земли, определяли пространство имений, принимая в расчет только привилегированную помещичью землю. Однако, в Лифляндии находится 48 баронских имений общим пространством в 29.689 пурных-мест; эти имения не достигают указанной в законе минимальной величины, но, тем не менее, еще до 1819 г. отмечены в планах, как баронские, каковыми они остаются до наших дней. Сейчас не допускается только их больше урезать и уменьшать.

Новые баронские имения не могут быть основаны иначе, как только с разрешения ландтага и с утверждения губернского правления.

Важнейшими привилегиями дворян, владеющих имениями, являются: 1) право участвовать в ландтаге и уездных дворянских собраниях; 2) право гнать водку и варить и продавать пиво; 3) право открывать корчмы и заезжие дворы, считаясь с теми законами, которые о последних изданы; 4) право основывать в границах имения местечки и открывать рынки и ярмарки; 5) право рыбной ловли и охоты, которые закон предоставляет всем земельным собственникам, за исключением собственников - крестьян.

Право приобретать баронские имения в собственность принадлежит всем русским подданным, исповедующим христианство. Общее пространство лифляндских имений, без квотной земли, составляет 1.664.315 десятин, в Курляндии оно равняется 979.705¹ и в Эстляндии — 919.500 десятинам.

Лифляндские бароны на своих земельных участках построили также крестьянские дворы, из которых теперь продано 1.955 вместе с землею в 67.027 десятин. Следовательно, в непосредственной собственности баронов находится 1.597.288 десятин, из коих только 551.835 десятин используются для земледелия.

Так же, если не хуже, дела обстоят в Курляндии, где средняя величина баронского имения равняется 1.512 десятинам, а некоторые из них достигают величины среднего герцогства (например, Дондаген с 66.700, Поппен — 46.500, Пуссен — 10.000, Пуссенек — 19.500, Эдель — 10.600, Слека — 13.900, Сура —

14.900, Нурмуй—14.400, Кабиль—12.100, Стенден—10.300 десятин); пахотные поля имений редко превышают 300 десятин, и нормальным пространством полей (по утверждениям обер-таксатора Курляндского Кредитного Товарищества М. Блезе) надо считать 200 десятин пахотной земли с относящимися к ним лугами. Следовательно, широкая концентрация латифундий в одних руках в данном случае не способствует сельско-хозяйственной культуре.

Квотная и волостная земля. Общая площадь квотной земли составляет 256.318 десятин. Из нее продано до 1905 г. 71.506 десятин, которые делятся между 1.628 хозяйствами. Площадь земли проданных квотных дворов составляет в среднем 43,9 десятины. 5 января 1893 года, как уже было отмечено, правительство «по недосмотру» запретило продавать квотную землю кому-либо кроме безземельных крестьян и притом обязывало продавать ее мелкими участками, в 10 талеров каждый. Однако, и после этого запрещения, с 1893 по 1905 год, было продано 128 дворов с общей площадью земли в 5.397,59 десятины, так что средней нормой каждого такого двора является 42,17 десятины (20 талеров). Нарушение закона в данном случае объясняют тем, что такая продажа являлась лишь исполнением старых контрактов (до 1893 года). На основании закона 5 января 1893 года продано всего 9 участков квотной земли, общей площадью в 103,3 десятины, и отдано в пожизненную аренду 41 участок в 29,75 десятины. Из этого видим, что попытка основать мелкие «нормальные» хозяйства на квотной земле не удалась. Они в хозяйственном смысле непрактичны.

Волостной земли, или, как неправильно называют, крестьянской земли, в лифляндских баронских волостях имеется 1.233.344 десятины, которые разделены между 25.456 дворами, из которых до 1905 года (август месяц) продано 22.272 с 1.093.152 десятинами земли. Следовательно, среднее количество земли крестьянского двора равно 44,73 десятинам. Однако, действительная величина крестьянских дворов отличается большим разнообразием, а именно:

дворов меньше 1 десятины	41
от 1 до 5 десятин	55
» 5 » 10 »	49
» 10 » 20 »	779
» 20 » 30 »	4.075
» 30 » 40 »	5.744
» 40 » 50 »	4.550
» 50 » 60 »	2.890
» 60 » 70 »	1.782
» 70 » 80 »	1.057
» 80 » 100 »	834
» 100 » 120 »	251
» 120 » 140 »	79
» 140 » 160 »	44
свыше 160 »	42

Имена дворянства, городов, приходов и казны.

Особый вид баронских имений представляют из себя 6 имений, подаренные Александром I в 1810 году всему лифляндскому дворянству, и имения, принадлежащие городам Риге, Вендену, Пернову, Юрьеву и Феллину. Этим имениям принадлежат все привилегии и преимущества дворянских имений, они состоят из привилегированной помещичьей земли, квотной и так называемой крестьянской земли.

Имениям, принадлежащим лифляндскому дворянству в целом, запрещено продавать крестьянские дворы. Общая площадь их составляет из

земли мызной	18.591 десятины
» квотной	3.160 »
» крестьянской	13.977 »

Последней, т. - е. крестьянской земли, в общих имениях дворянства до 1886 года было продано 9.755 десятин. Дальнейшая продажа была приостановлена законом 1886 года, и таким образом остались непроданными 73 крестьянских двора с 4.222 десятинами земли.

Имения лифляндских городов (Риги, Вендена, Пернова, Юрьева и Феллина) состоят из:

земли имений (мызной)	49.305 десятин
» квотной	5.238 »
» крестьянской	31.124 »

Из них продано:

земли имений	1.102 десятины
» квотной	410 »
» крестьянской	21.297 »

Эти городские имения (Stadtgüter) не надо смешивать с патримониями городов Риги, Вольмара и Вендена, которые отличаются от дворянских имений тем, что они находятся в ведении местных городских дум, а не ландтага. Однако, и они, по образцу баронских имений, делятся на землю мызную, квотную и «крестьянскую», несмотря на то, что много этих участков состоят в пожизненной аренде городских мещан.

Эти имения состоят из:

земли имений	43.177 десятин
» квотной	2.994 »
» крестьянской	7.980 »

Из них продано:

земли имений	538 десятин
» квотной	77 »
» крестьянской	5.128 »

Сильно похожи на дворянские (хотя они немного ограничены в смысле привилегий) так называемые пасторские имения, которые даются в пользование лютеранским пасторам за исправление ими «должности». Держатели этих имений не имеют права основывать корчмы и гнать водку, однако, откры-

вать ярмарки и варить пиво дозволено и им. Надо отметить, что пасторские имения и их земельные участки, хотя и являются собственностью церкви, однако, принадлежат отдельным приходам, а не всей лифляндской лютеранской епархии, как целому.

Во всей Лифляндии имеется 106 таких пасторских имений, из которых 4 находятся в границах городских патримоний. Последние не имеют квотной земли. Но и остальные 102 пасторских имения только отчасти состоят из всех трех составных частей лифляндских имений—мызной, квотной и крестьянской земли.

21	пасторское имение	состоит	только	из	земли	мызной	
1	»	»	»	из	земли	мызной и квотной	
40	»	»	»	»	»	»	крестьянской
37	»	»	»	»	»	»	квотной и крестьянской
1	пасторское имение	состоит	из	квотной	и	крестьянской	
2	»	»	»	только	из	крестьянской земли.	

Всего под имения лифляндских пасторов в общей сложности отведено 49.665 десятин земли, которые распределяются следующим образом:

земли мызной	23.453	десятины
» квотной	3.074	»
» крестьянской	23.138	»

Продавать кому-либо в собственность пасторские имения законом запрещено.

Из лифляндских казенных имений в 1903 году под сельское хозяйство было отведено 344.538,33 десятины, а именно:

1) отданная в аренду мызная земля	48.720,49	десятин
2) в пользовании крестьян	264.260,63	»
3) » » приходов	5.795,01	»
4) » » православных церквей и священников	6.950,42	»
5) в пользовании православных школ	1.324,20	»
6) передано царскими распоряжениями	17.487,58	»

В непосредственном владении правительства находится 536.450 десятин лесных угодий. От казенных имений отделено и отчасти не продано 10.932 крестьянских участка с 252.375,5 десятин земли. А именно: 9.586 проданных участков с 246.879,45 десятин и 1.346 непроданных участков с 5.496,05 десятин.

Средняя величина казенных участков, проданных крестьянам, равняется 25,75 десятинам, следовательно, значительно меньше, нежели средняя величина проданных дворянских участков, которая равняется 44,73 десятинам.

Общие заключения о крестьянской земельной собственности.

Если мы подберем и сконцентрируем из всего вышеприведенного данные о той земле, которая нас особенно интересует, а именно о крестьянской, то увидим, что

в Лифляндии находится:

	Число дворов.	Десятин годной земли.
I. В дворянских имениях:		
На проданной мызной земле	1.955	56.459
» » квотной »	1.628	65.790
» » волостной »	12.272	996.220
» непроданной » »	3.184	126.041
II. В пасторских имениях:		
Непроданной крестьянской земли . . .	623	20.477
III. В казенных имениях:		
Непроданной крестьянской земли . . .	1.346	5.496
Проданной » » . . .	9.586	246.879
Итого	40.594	1.517.862

Следовательно, в среднем на каждый крестьянский двор приходится 37,38 десятин годной к употреблению земли. Так как, согласно данным переписи 1897 года, в Лифляндии насчитывается 398.064 мужчин крестьянского сословия, то на каждого крестьянина приходится 3,8 десятины земли, и на каждых 9,82 мужчин крестьянского сословия приходится один дворохозяин.

Земельная собственность в Курляндии.

В Курляндии пасторских имений имеется всего 90, с общим пространством в 24.000 десятин земли. В 1850 году было

97 пасторских имений с 25.466 десятинами. После этого в Баусском уезде подверглись разорению 3 пасторских имения, в Венденском — 1, в Гольдингенском — 2, в Новомитавском — 1 и Гробинском — 2.

Вместо них в Газенпотском и Иллукстском уездах прибавилось по одному пасторскому имению.

Из тех 24.000 десятин земли, которые ныне принадлежат курляндским пасторским имениям, относится к мызной земле 10.173 десятины и крестьянской — 13.567. Последняя отдана в аренду 422 дворохозяевам и разным мелким арендаторам.

Общее пространство курляндских казенных имений составляет 874.416 десятин. Но приблизительно половина из них (423.000 десятин) находится под лесами. Кроме того, к этим имениям относится: 14.000 крестьянских дворов, с землей свыше 370.000 десятин, которая в самое последнее время перешла в собственность их хозяев; 200 имений с 62.169 десятинами земли, 52 корчмы и 21 мельница, 205 сельско-хозяйственных отделений и 228 подчиненных лесному управлению арендных земельных участков, 11 отрезных арендных участков и 26 запасных сельско-хозяйственных участков ¹²⁴).

Крестьянских дворов в Курляндской губернии в общей сложности во всевозможных имениях, вместе взятых, было в 1899 году — 26.864 с землей в общей сложности 898.249 десятин. Следовательно, средняя величина крестьянского двора в Курляндии составляет 33,5 десятин.

Согласно данным переписи 1897 года, в Курляндии было 236.833 мужчины — сельских жителей. Следовательно, на 8,8 мужчин сельских жителей приходится один дворохозяин. Из этого мы видим, что так же, как и в Лифляндии, в Курляндии у дворохозяев имеется неоспоримое большинство голосов в волостных собраниях, так как закон рассматривает всех нехозяев как одну десятую человека, что сейчас и имеет решающее значение.

Хлебные цены на Рижской бирже.
(Одна пуря стоила в копейках.)

Год.	Пшеница.	Рожь.	Ячмень.	Овес.	Год.	Пшеница.	Рожь.	Ячмень.	Овес.
1840	—	62	48	56	1870	—	82	83	70
1841	101	60	44	40	1871	—	79	89	68
1842	86	56	43	42	1872	—	76	85	65
1843	62	51	41	38	1873	—	83	75	70
1844	—	47	46	40	1874	—	88	88	84
1845	93	72	68	62	1875	—	76	84	80
1846	97	75	71	64	1876	—	79	86	75
1847	101	81	72	61	1877	146	94	85	78
1848	86	51	46	39	1878	138	94	89	79
1849	76	43	37	33	1879	123	91	94	80
1850	74	41	40	35	1880	—	127	116	88
1851	—	52	47	43	1881	—	130	115	90
1852	—	54	62	47	1882	132	102	95	78
1853	—	89	65	51	1883	143	97	98	78
1854	69	52	67	54	1884	118	96	98	82
1855	96	72	68	63	1885	108	88	97	85
1856	104	89	86	62	1886	112	78	89	79
1857	113	73	86	62	1887	118	71	74	64
1858	—	66	67	63	1888	113	67	73	66
1859	—	63	66	66	1889	100	73	73	72
1860	—	69	71	65	1890	93	74	73	70
1861	—	79	76	67	1891	117	109	83	80
1862	—	83	77	66	1892	117	106	86	83
1863	—	68	65	48	1893	94	81	78	79
1864	—	60	60	53	1894	70	61	64	65
1865	99	75	63	63	1895	73	58	58	58
1866	—	84	85	72	1896	78	56	61	60
1867	—	88	94	79	1897	97	64	64	68
1868	—	139	108	88	1898	107	78	74	80
1869	—	93	82	70					

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. *Prof. Dr. Fr. Kruse*. «Urgeschichte des estnischen Volksstammes und der kaiserlichen Russischen Ostseeprovinzen Liv-, Est- und Kurland überhaupt bis zur Einführung der christlichen Religion. Moskau. 1846. I. u. II. Abteilungen, стр. 243—367.

2. *Tacitus*. «De origine, situ, moribus ac populis germanorum». Ч. 45. Русский перевод проф. Модестова с примечаниями и со статьей о Таците и его сочинениях: «Сочинения Корнелия Тацита. Том I. Агрикола. Германия». СПб., 1886.

3. *J. Voigt*. «Preussische Geschichte». Ч. I, стр. 50 и следующие.

4. *A. L. Schlötzer*. «Allgemeine nordische Geschichte». Изд. 1771 г. Стр. 10, 23, 106 и 194.

5. *A. von Richter*. «Geschichte der dem russischen Kaisertum einverleibten deutschen Ostseeprovinzen bis zur Zeit ihrer Vereinigung mit demselben». Riga, 1858. Т. I, ч. I, стр. 39 и 40. Одна из статей *A. Pухтера* переведена на русский язык: «Прибалтийский край и его население до прибытия немцев» в «Сборнике материалов и статей по истории Прибалтийского края». Riga, 1877. Том I; главы I и II; стр. 1—35.

См. также *Георгий Трусман*. «Введение христианства в Лифляндию». СПб., 1884. Стр. 137—162.

6. *G. Diedrich*. «Ein altes Verzeichnis der Bischöfe von Kurlands» (статья в «Mitteilungen aus dem Gebiet der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands». Riga, 1886. Кн. 13; стр. 245—252). Русский читатель может найти то же самое в книге *А. А. Арбузова*: «Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии». Перевод с немецкого III издания Влад. Бука. СПб., 1912.

См. также *Э. Вальтер*. «О местонахождении главного града чудских куров (корси), покоренного шведами в 853 году» (в 56 томе «Записок И. Академии Наук»; прилож. V. СПб., 1887: «Об этнографической поездке по Литве и Жмуди летом 1887 года», стр. 24—51).

7. *E. v. Sternberg*. «Livländische Bekehrungen, wie sie Herr Samarin erzählt». Leipzig, 1872. Стр. 74. Это есть не что иное, как перевод «Писем из Риги» *Ю. Ф. Самарина* (1849) с примечаниями *Э. фон-Штернберга*.

См. «Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригою и Ганзейскими городами в XII, XIII и XIV веках». СПб., 1857 (изд. академика Куника).

8. *A. von Richter*. «Geschichte der... deutschen Ostseeprovinzen...». Т. I; ч. II; стр. 120.

9. Das älteste livl. Ritterrecht; §§ 61—67. Das mittlere Ritterrecht; §§ 89—95. Сведения о «древнейшем лифляндском рыцарском праве», как и о «среднем, более распространенном рыцарском праве» русский читатель может найти в книге барона *А. Э. Нольде*: «Очерки по истории кодификации местных гражданских законов. Выпуск II. Кодификация местного права Прибалтийских губерний». СПб., 1914. Стр. 15—35. Можем еще указать книжку, составленную, по всей вероятности, бароном

Оскар фон-Радемом и графом Э. Сиверсом «Исторические сведения об основаниях и ходе местного законодательства губерний Остзейских». СПб., 1845. Стр. 133 и след.

10. Dr Friedrich Georg von Bunge. «Einleitung in die liv-, est- und kurländische Rechtsgeschichte und Geschichte der Rechtsquellen». Reval, 1849. Стр. 104. На русский язык переведена статья Ф. Г. Бунге: «Орден меченосцев» («Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края»). Рига, 1877. Стр. 36—43). Сведения об общественной и литературной деятельности Ф. Г. Бунге можно найти в «Биографическом словаре профессоров бывш. Дерптского университета». Юрьев, 1902.

См. также Л. А. Кассо. «Ф. Г. Бунге и остзейское гражданское право» (Журн. Мин. Юстиции, 1897 г. № 8, стр. 225 и следующие).

11. Prof. G. Hanssen. «Agrarhistorische Abhandlungen». Leipzig, 1880.

12. K. Kautsky. «Agrarfrage». Стр. 14. (К. Каутский. «Аграрный вопрос»).

13. Balthasar Russow. «Chronica der Provintz Lyfflandt etc». 1584. Стр. 31. См. «Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края». Т. II, стр. 167—404, и т. III, стр. 125—352, под названием «Ливонская хроника, в которой рассказывается, как была впервые открыта Ливония и обращена в христианство; кто были первые правители этой страны, начиная от первого магистра тевтонского ордена до последнего, и о подвигах каждого из них; о необычайных и чудесных событиях, совершавшихся в стране во время перемены ливонских властей и после того времени до 1583 года. Описано кратко и достоверно ревельцем Бальтазаром Руссовым» (1584 г.).

14. (Th. Schieman). «Der älteste schwedische Kataster Liv- und Estlands. Eine Ergänzung zu den Baltischen Güterchroniken, herausgegeben von Dr Th. Sch.». Reval, 1882.

15. Astaf von Transehe-Roseneck. «Gutsherr und Bauer in Livland im 17. und 18. Jahrhundert (Abhandlung aus dem Staatswissenschaftlichen Seminar zu Strassburg, Heft VII)». Strassburg, 1890. Стр. 12—13.

16. Prof. G. Hanssen. «Die Aufhebung der Leibeigenschaft und die Umgestaltung der Gutsherrlich-bauerlichen Verhältnisse in den Herzogtümern Schleswig und Holstein». St. Petersburg, 1861.

17. (H. von Jannau). «Geschichte der Sklaverey und Charakter der Bauern in Lief- und Estland». Riga, 1786. Стр. 130.

18. A. v. Richter. «Geschichte der dem russischen Kaisertum einverleibten deutschen Ostseeprovinzen bis zur Zeit ihrer Vereinigung mit demselben». Riga, 1858. Т. I, ч. I, стр. 56.

19. Bischof Dr C. C. Ulmann. «Lettisches Wörterbuch». Riga, 1872. Ч. I, стр. 177.

20. Prof. G. Hanssen. «Agrarhistorische Abhandlungen». Leipzig, 1880. Ч. I, стр. 50—53.

21. Gaupp. «Die germanische Ansiedlungen und Landteilungen in d. Provinzen des römischen Weltreichs». Breslau, 1844. Laboulaye. «Histoire du droit de propriété foncière». Paris, 1839.

22. Sugenhelm. «Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa». St. Petersburg, 1861. Введение.

23. Buchon. «Hist. des conquêtes et de l'établissement des Français dans les états de l'ancienne Grèce». Paris, 1846. Ч. I, стр. 59.

24. F. v. Bunge. «Einleitung in die liv-, est- und kurländische Rechtsgeschichte und Geschichte der Rechtsquellen». Reval, 1849. Стр. 65.

25. Летопись Генриха Латышского. «Gesta Alberti». Anno XIII § 7 и Ao XVI, §§ 7 и 9. См. «Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края», т. I, стр. 65—285: «Генриха Латышского Ливонская хроника, верный рассказ о том, как христианство и немецкое господство проложили себе путь в земле ливов, латышей и эстов. По рукописи, с исправлением поврежденных текстов, с латинского на немецкий перевел и объяснил Эдуард Пабст». Рига, 1877.

26. *Parrot*. «Versuch über die Lieven». Стр. 413. Русскому читателю можно рекомендовать книжку академика *Ф. И. Видемана* «Обзор прежней судьбы и нынешнего состояния ливов». С.-Петербург, 1878.
27. *Летопись Генриха Латышского*. «Gesta Meinhardi», § 10 и «Gesta Alberti», Anno XIV, § 7. *Adam Bremensis*. «De situ Daniae», стр. 224.
28. *K. Kautsky*. «Der Parlamentarismus, die Volksgesetzgebung und die Sozialdemokratie». Stuttgart, 1898.
29. *Garlieb Merkel*. «Die Vorzeit Livlands». Leipzig, 1820. Ч. I, стр. 42 и следующие.
30. *A. von Richter*. «Geschichte d. Ostseeprovinzen». Т. I, ч. I, стр. 54. Ср. с летописью (хроникой) Арнда.
31. *Fr. G. von Bunge*. «Einleitung in die liv-, est- und kurländische Rechtsgeschichte und Geschichte der Rechtsquellen». Reval, 1849. Стр. 43.
32. *Garlieb Merkel*. «Die Vorzeit Livlands». Ч. I, стр. 43.
33. *A. Hueck*. «Notizen über einige Burgwälle der Ureinwohner Liv- und Estlands» (статья в «Verhandlungen der gelehrten estnischen Gesellschaft». Сборник I, ч. I, стр. 48—67). Русский читатель найдет те же сведения в статьях, разбросанных в «Трудах десятого археологического съезда в Риге в 1896 г.». Москва, 1900.
34. (*H. von Jannau*). «Geschichte der Sklaverey und Charakter der Bauern in Lief- und Estland». Riga, 1786. Стр. 11 и следующие.
35. Доказательства к тому можно найти у *H. von Jannau*. «Geschichte etc.».
36. *Fr. G. v. Bunge*. «Geschichtliche Entwicklung der Standesverhältnisse in Liv-, Est- und Kurland»; глава 4. Также *A. von Richter*. «Geschichte der... Ostseeprovinzen...». Т. I, ч. II, стр. 142. См. *A. Pухтер*. «История крестьянского сословия в присоединенных к России Прибалтийских губерниях со включением новейших постановлений». Рига, 1860.
37. *Fr. G. von Bunge*. «Urkundenbuch». Dorpat, 1838. Ч. I, стр. 591 и 477.
38. *Balthasar Russow*. «Chronica der Provintz Lyfflandt etc». 1584. Стр. 18. См. «Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края», т. II, стр. 176 и след.
39. *C. J. Paucker*. «Die Quellen der Ritter-, Lehn- und Landrechte. Est- und Livlands». Dorpat, 1845. Стр. 84—90.
40. *Arndt*. «Livländische Chronik». Ч. I, стр. 168.
41. *A. von Richter*. «Geschichte der... Ostseeprovinzen». Т. II, ч. I, стр. 142.
42. *Balthasar Russow*. «Chronica etc.», стр. 6.
43. *J. D. Gruber*. «Origines Livoniae sacrae et civilis etc.», стр. 44, 46, 59 и 154. Историю местных Прибалтийских судов и местного гражданского права читатель найдет в книге барона *А. Э. Нольде* «Очерки по истории кодификации местных гражданских законов при графе Сперанском. Выпуск II. Кодификация местного права Прибалтийских губерний». СПб., 1914.
44. *Eichhorn*. «Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte», стр. 302, 304, 343 и 368.
45. *J. D. Gruber*. «Origines etc.». Стр. 86 и 91. Также *B. Russow*. «Chronica etc.». Стр. 6 (см. прим. 13).
46. *Fr. v. Runge*. «Die Stadt Riga im 13-ten und 14-ten Jahrhundert; Geschichte, Verfassung und Rechtszustand». Leipzig, 1872. По данному вопросу также разбросано много интересных статей и монографий в изданиях прибалтийских историков: в рижских «Mitteilungen etc.», в митавских «Jahresverhandlungen etc.» и др.
47. *A. von Richter*. «Geschichte etc.», стр. 75 (см. прим. 5).
48. То же, стр. 11.
49. *Balthasar Russow*. «Chronica et.», стр. 15—17. См. также *J. Voigt*. «Geschichte Preussens», ч. V, стр. 19 и следующие.

50. Об этом свидетельствует документ эзельского епископа Генриха от 1279 г. См. (*Барон О. фон-Раден и граф Э. Сиверс*) «Исторические сведения об основаниях и ходе местного законодательства губерний Остзейских». СПб., 1845. Часть II (земские законы... на острове Эзеле), стр. 125 и сл.
51. *Fr. v. Bunge*. «Geschichtliche Entwicklung der Standverhältnisse etc.». Стр. 9.
52. *A. v. Richter*. «Geschichte etc.». Стр. 396.
53. То же, стр. 11.
54. *Johann Schmiedt*. «Aufzeichnungen des Rahtsecretärs zu den Jahren 1558—1562; bearbeitet von Dr A. Bergengrün». Leipzig, 1892. Также *C. Schirren*. «Quellen zur Geschichte des Unterganges livländ. Selbstständigkeit». См. «Русск. Ист. Журнал», 1922 г., кн. 8 (издание Российской Академии Наук), ст. Готье и Рогинский.
55. *J. Schmiedt*. «Aufzeichnungen etc.», стр. 9, примеч. 3.
56. О роли Элардта Крузе и Матвея фон-дер-Рекке можно найти в источниках, указанных в примечаниях 54 и 55; также в статье *Реннера* в «Livländische Historien, herausgegeben von Hausmann und Höhlbaum», стр. 194. См. *Л. А. Арбузов*. «Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии». Перевод с немецкого III издания с 1 картой и 3 таблицами. СПб., 1912. Стр. 172—173.
57. *A. von Richter*. «Geschichte etc.», Ч. 2, гл. 2, стр. 153 и 154.
58. *Julius Eckardt*. «Die baltischen Provinzen Russlands». Leipzig, 1869. Стр. 10 и 11. Русский читатель найдет «привилегии Сигизмунда Августа» (Privilegia Nobilitati a Sigismundo Augusto Rege circa subjectionem universae Livoniae indulta. Datum Vilnae feria sexta post festum S.-Catharinae Anno 1561) в сборнике «Исторические сведения об основаниях и ходе местного законодательства губерний Остзейских». СПб., 1845. Стр. 45 и сл. Об общем духе реформ польских королей можно прочесть у *М. В. Довнар-Запольского*. «К истории земельной реформы в Лифляндии 1580—1592» (статья в сборнике «Труды X Археологического съезда в Риге в 1896». Москва, 1900).
59. «Mitteilungen aus dem Geb. der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands». Выпуск 17. Рига, 1900. Стр. 97—164.
60. *Ibid.* Стр. 463—600.
61. *Julius Eckardt*. «Livland im 18 Jahrhundert». Leipzig, 1876. Стр. 78 и 81. *H. v. Hagemeister*. «Materialien zu einer Geschichte Landgüter Livlands». 2 T. Riga, 1836—1837. Стр. 7. *R. J. v. Samsonmelstierna*. «Historischer Versuch über die Aufhebung der Leibeigenschaft in den Ostseeprovinzen, in besonderer Beziehung auf das Herzogtum Livland» (в сборнике «Das Inland», 1838).
62. *Astaf v. Transehe-Roseneck*. «Gutsherr und Bauer in Livland im XVII. und XVIII. Jahrhundert». Strassburg, 1890.
63. *Julius Eckardt*. «Livland etc.». Стр. 53. *H. Bruinink*. «Livländische Rückschau». Dorpat und Riga, 1879. Стр. 119 и 127.
64. *C. G. v. Ziegenhorn*. «Staatsrecht der Herzogtümer Kurland u. Semgallen». Königsberg, 1772. Стр. 312 и 313. *Fr. v. Bunge*. «Einleitung» etc. §§ 41 и 47.
65. *Robert Blaese*. «Das Näherrecht nach kurländischem und piltenischem Landrechte vom Anfang unserer Rechtsgeschichte bis auf die neueste Zeit» (Диссертация). Dorpat, 1851. Стр. 15.
66. *R. v. Helmersen*. «Geschichte des livländischen Adelsrechts bis zum Jahre 1561». Dorpat u. Leipzig, 1836. Стр. 4, 16, 28, 61, 127.
67. Грамота архиепископа Сильвестра Штодеवेशера (6 февраля 1457 г.); привилегия эзельского епископа (15 декабря 1524 г.); привилегия дерптского епископа Иоганна Гелингаузена (21 октября 1540 г.); привилегия орденского магистра Брюнгеня (14 декабря 1546 г.).
68. *Robert Blaese*. «Das Näherrecht etc.». Стр. 41. См. «Свод местных узаконений губерний Остзейских. Часть 2. Законы о состояниях». СПб., 1845. Стр. 173 и следующие (о «привилегиях Готгарда Кетлера»).

69. *A. v. Transehe-Roseneck*. «Gutsherr etc.». Стр. 16.
70. *Ibid.* Стр. 13.
71. *Fr. v. Bunge*. «Das Liv- und Estländische Privatrecht». Reval, 1847. Стр. 146. *R. v. Helmersen*. «Geschichte des... Adelsrechts etc.». Стр. 11, 35, 138.
72. *K. Marx*. «Das Kapital», Erster Band. Volksausgabe. Berlin und Stuttgart, 1923. Стр. 648, примеч. 191 — полностью относится также к прибалтийским условиям (*K. Маркс и Ф. Энгельс*. «Собрание сочинений». Том IV. Москва, 1920. Стр. 739, примеч. 232).
73. *Salomonis Guberti*. «Stratagema oeconomicum oder etc.» (Эта книжка отличалась большой распространенностью; в библиотеке Юрьевского университета имеются три издания ее: 1673, 1688 и 1775 годов).
74. Названный протест (31 июля 1590 г.) приведен полностью в указанной выше диссертации Цигенгорна (см. прим. 64).
75. *H. v. Jannau*. «Geschichte der Sklaverei und Charakter der Bauern in Liv-und Estland». Riga, 1786. Стр. 230.
76. «Livländische Landes-Ordnungen, nebst dazu gehörigen Plakaten u. St.» (ordinantz so Ao 1632 d. 1. Febr. publiciret etc.).
77. *Проф. А. Брикнер*. «Иллюстрированная история Петра Великого». Т. I и II. СПб., 1902 и 1903. Также статью Ф. Ф. Карлсона «История Швеции» в сборнике «Geschichte der europäischen Staaten». Gotha, 1875.
78. *C. Schirren*. «Livl. Antwort an Herrn Juri Samarin». Leipzig, 1869. Стр. 121. Из описаний современников на русский язык переведено «Достоверное описание замечательных событий при осаде города Риги... в 1709 г. до сдачи ее в 1710 г... Иоакимом Андреем Гельмсом... Напечатано в 1711 г.» (Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, том III, стр. 405—440).
79. *A. v. Tobien*. «Die Agrargesetzgebung im Livland in XIX. Jahrhundert». Berlin, 1899. Ч. I, стр. 99.
80. *Prof. Dr. O. Schmidt*. «Zur Geschichte der Ritter- und Landschaft in Livland» (в сборнике «Dorpater Juristische Studien», Band III. Dorpat, 1894).
81. *C. Schirren*. «Die Kapitulationen der livländischen Ritter- und Landschaft in der Stadt Riga vom 4. Juli 1710, nebst deren Confirmationen». Dorpat, 1865. Стр. 35. Текст «капитуляций» 4 июля 1710 г. можно найти в полном собрании законов Росс. Имп. под №№ 2277 (с городом Ригою), 2278 и 2279 (с дворянством). См. также «Свод местных узаконений губерний Остзейских». Ч. II, стр. 110 и след. Также «Содержание актов, состоявшихся при вступлении Лифляндии, Эстляндии и острова Эзеля в русское подданство» (Сборник... по ист. Прибалтийского края, том III, стр. 463—477).
82. *J. Wilpert*. «Das Recht des Güterbesitzes in Livland» (статья в газете «Das Inland», 1838 г., №№ 34 и 35).
83. *Prof. Dr. O. Schmidt*. «Zur Geschichte etc.», стр. 171. См. полное собрание законов Росс. Империи, № 2301 (о подтверждении «всех напред сего благоприобретенных привилегий... верного нашего рыцарства и земства в Лифляндии;» грамота 30 сентября 1710 г.).
84. *Dr J. Engelmann*. «Die Leibeigenschaft in Russland». Leipzig, 1884.
85. *Проф. А. Брикнер*. «История Екатерины Второй». СПб., 1885.
86. «Eines livländischen Patrioten Beschreibung der Leibeigenschaft, wie solche in Livland über die Bauern eingeführt ist» (в сборнике «Russische Geschichte», изд. Мюллера).
87. *A. v. Transehe-Roseneck*. «Gutsherr etc.». Стр. 193.
88. Там же, стр. 165. Также *Garlieb Merkel*. «Die freien Letten und Esten». Leipzig, 1800. Стр. 165.
89. «Topograph. Nachricht.» Ч. II, стр. 127.
90. *Dr. Fr. Bienemann*. «Die Statthalterchaftszeit in Liv- und Estland». Leipzig, 1886. Стр. 209.

91. *Julius Eckardt*. «Die balt. Provinzen Russlands». Leipzig, 1869. Стр. 254.
92. *A. W. Hupel*. «Die gegenwärtige Verfassung der Rigischen und der Revelschen Statthalterschafts». Riga, 1780. *Fr. Bienemann*. «Die Statthalterschaftszeit in Liv- und Estland». Leipzig, 1886. *J. Eckardt*. «Die baltischen Provinzen Russlands». Leipzig, 1869. Стр. 130—259.
93. *Garlieb Merkel*. «Die freien Letten und Esten». Leipzig, 1820. Стр. 169.
94. *Conrad*. «Preise d. landwirtschaftlichen Produkte von 1816—1895» в «Handwörterbuch d. polit. Oeconomie» издания Schönberg'a. Выпуск 4, часть 2, стр. 234.
95. *A. Ucke*. «D. Agrarkrisis in Preussen während der 20-er Jahre dieses Jahrhunderts». Halle, 1888. Стр. 71.
96. *Stryk*. «Beiträge zur Geschichte der Rittergüter Livlands».
97. *C. Fraas*. «Geschichte d. Landbaues und. d. Forstwirtschaft». München, 1865. Стр. 234. *O. C. Budberg*. «Beiträge zur Erweckung und Erweiterung rationeller Landwirtschaft in d. Ostseeprovinzen». Riga, 1832.
98. *Dr H. Engelhardt*. «Zur Geschichte der livländischen Güterkreditsozietät». Riga, 1902. Стр. 67 и 68.
99. *Johnson*. «Ueber Brantweinbrand und Brantweinverkauf in Liv- und Kurland» (статья в «Inland» 1836 г. № 52).
100. Статья в газете «Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Estland» под заглавием «Landwirtschaftliche Bedenken» (1828 г., №№ 37, 40 и 41); также статья в «Inland» под заглавием «Ueber Brantweingenuss und Brantweinent-sagung» (1838 г., № 44); там же «Der Brantwein» (1838 г., № 47). Из статей, направленных против трезвости, можно отметить «D. Gedanken eines Landwirthes über die Ursachen der gegenwärtig mit jedem Jahr zunehmenden Verarmung d. livländ. Bauern» («Provinzialblatt» etc., 1837, № 38).
101. *H. A. v. Bock*. «Ueber den Handel in Livland auf dem Lande» («Inland», 1836, № 51) и «Ueber den Verfall livländischer Landstädte» («Inland», 1837, № 1).
102. *C. G. Ziegenhorn*. «Staatsrecht der Herzogtümer Kurland und Semgallen». *Karl Cruse*. «Kurland unter den Herzögen». Mitau, 1836.
103. *C. v. Rummel*. «Die Quellen des kurländ. Landrechts». Ч. I. *T. Schiemann*. «Die Regimentsformell und d. kurländischen Statuten vom J. 1617». Mitau, 1876. *А. Э. Нольде*. «Очерки etc.». (*Бар. О. фон-Раден и граф Э. Суверс*). «Исторические сведения etc.» (см. примеч. 43 и 50).
104. *Ernst v. Rechenberg-Linten*. «Zustände Kurlands im vorigen und diesem Jahrhundert». Mitau, 1858.
105. *C. v. Rummel*. «Die Quellen etc». Ч. I, гл. XI.
106. *P. v. Keyserling und E. v. Derschau*. «Beschreibung der Provinz Kurland». Mitau, 1805. *Hans Hollmann*. «Kurlands Agrarverhältnisse» (в «Balt. Monatsschrift», 1893 г., № 40, стр. 343).
107. *C. E. Napiersky*. «Chronologischer Conspect der lettischen Literatur von 1587 bis 1830». Mitau, 1831.
108. *A. v. Heyking*. «Ein Paar Worte über die staatliche Finanzwirtschaft der Herzogtümer Kurland und Semgallen» (в «Sitzungsbericht der Kurl. Gesellschaft für Literatur und Kunst». Mitau, 1896. Стр. 9 след.).
109. *Б. Бильбасов*. Присоединение Курляндии к России» («Исторические монографии», т. II, стр. 205—266; статья на немецком языке была напечатана в «Balt. Monatsschrift», сборник 42, 1895). Также *Julius Eckardt*. «Jungrossisch und altlivländisch». Leipzig, 1871. Стр. 375—387.
110. (*Anonymer Aufsatz*). «Die Zustände des freien Bauerstandes in Kurland, von einem Patrioten». Leipzig, 1860. Стр. 32.
111. Там же. Стр. 8 и след.
112. *Dr. H. Engelhardt*. «Zur Geschichte des livländischen adeligen Güterkreditsozietät». Riga, 1902. Стр. 69.
113. Донесения генерал-губернатора министру внутренних дел от 13 и 16 июля 1841 г. за №№ 670 и 701 приведены в «Письмах» *Ю. Самарина*.

114. *H. A. v. Bock*. «Beiträge etc.». Том II, часть 6, стр. 462.
115. *E. v. Sternberg*. «Die livländische Bekehrungen, wie sie Herr Samarin erzählt». Leipzig, 1872.
116. *Dr. H. Engelhardt*. «Zur Geschichte etc.». Стр. 74.
117. «Allerhöchst bestätigte ergänzende Bestimmungen zu der livländischen Bauernverordnung von 1819. betreffend die auf Privatgütern wohnenden Bauern». Riga, 1845.
118. *A. v. Tobien*. «Die Bauernbefreiung in Livland». Thüringen, 1905. Стр. 22.
119. *Dr. H. Engelhardt*. «Zur Geschichte etc.». Главы III и V.
120. *H. v. Rautenfeldt*. «D.Reform des livländischen Credit-Sozietät und der Bauer-Rentenbank im Interesse des Gehorchslands-Verkaufes. Riga, 1864.
121. *A. Рухтер*. «О выкупе помещичьих крестьян преимущественно в оброчных имениях» (Журн. Землевлад. за 1858 г.)
122. *A. v. Heyking*. «Statistische Studien über die ländlichen Verhältnisse Kurlands». Mitau, 1862. (Под редакцией Карлберга) «Сборник статистических сведений по Лифляндской губернии». Изд. Лифл. губ. статистического комитета. Riga, 1886.
123. *А. Башмаков*. «Очерки поземельного устройства прибалтийских (курляндских) крестьян». (Журнал гражд и уголовн. права, 1893 г., ноябрь, книга 9, стр. (8—95).
124. «Статистика землевладения. Курляндская губ. Выпуск XLIV». 1905 г. См. также *М. И. Степанов*. «Землевладение и землепользование в Курляндской губ.» 1909 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр
Предисловие к русскому изданию	8
Памяти автора	15
Введение	15
Глава I. Приход немцев и первая «культура»	13
Рассказ историков об «открытии» Латвии и «порабощении» ее немцами	—
Сношения латышей с датчанами, шведами и русскими до прихода немцев	14
Вывод: общественные отношения изменяются только тогда, когда изменяются способы производства	15
Глава II. Волость, деревня, двор, имение	17
Некоторые предрассудки об особенностях общественного строя у латышей	—
Мирской уклад с общими пастбищами, лесами и лугами	18
Двор или дом и деревня	20
Волость и деревня	21
Влияние первобытного земледелия на рост собственнических тенденций	22
Первые земельные разделы	24
Имена и помещики	26
Глава III. Развитие классов	29
Теория насилия в применении к истории Латвии	—
Демократизм первобытного общества	32
Первое нарушение общественного равенства: отстранение женщины от общественной жизни и появление рабства	33
Роль личности в истории. Видвуд	36
Развитие класса воинов; его экономические причины	37
Конец первобытного демократизма	40
Общественный строй у латышей ко времени прихода немцев. Класс вельмож и воинов	—
Глава IV. Развитие крепостного права	44
Защита пришлыми рыцарями местных жителей за плату	—
Личная свобода местных жителей	45
Право собственности	46
Общественный строй, законы и нравы	47
Первые повинности в пользу рыцарей	49
Зачатки крепостного права	51
Основание Риги	52
Торговля и*деньги	53

	Стр.
Разложение старого мирского строя	55
Беглые крестьяне. Рабы	57
Превращение рыцарей в помещиков	59
Частная собственность на землю	61
Глава V. Дальнейшее укрепление крепостного права	63
Рыцарство и духовенство в мирное время	—
Нашествие Иоанна Грозного	65
Привилегии Сигизмунда-Августа	67
Положение страны при польском господстве	69
Присоединение к Швеции	71
Глава VI. Общественные классы и виды земельной собственности в крепостную эпоху	73
Имена и помещики	—
Национальность прибалтийских помещиков	76
Волость и крестьянские земельные участки	77
Расслоение крестьянства	79
Глава VII. Земледелие в начале XVII столетия	84
Земледельческая техника и скотоводство	—
Урожай и цены на земледельческие продукты	85
Торговля. Борьба между денежной и натуральной формами хозяйства	86
Глава VIII. Шведская эпоха	89
Попытка польского правительства улучшить положение латышских крестьян	—
Пропозиция шведского правительства	90
Шведские реформы	92
Положение крестьян во время господства шведов. Беглые крестьяне	94
Корни шведской политики	96
Поверка земельных прав дворянства	98
Ослабление крепостного права	99
Глава IX. Прибалтийские города в конце XVII века	103
Борьба между городами и дворянством из-за права эксплуатировать крестьян	—
Цеховой порядок в прибалтийских городах	104
Слабость капитализма, как причина нерешительности шведского правительства в деле реформ	106
Глава X. Великая Северная война	107
Участники войны	—
Разорение страны	108
Глава XI. Крепостное право превращается в рабство	110
Условия капитуляции и привилегии дворянства	—
Положение крестьян после Северной войны	111
Проекты реформ и либеральные идеи Екатерины II	115
Мрачная действительность времен Екатерины II	117
Первые шаги капитализма	123
Попытки борьбы с нарастающим капитализмом	126
Глава XII. Когда чаша терпения полна	128
Милости царского правительства прибалтийским помещикам	—
Крестьянский бунт 1784 г.	130
Чего добились крестьяне своим восстанием	131
Положение крестьян после реформ 1804 и 1809 гг.	135

	Стр.
Глава XIII. Отмена крепостного права	138
Экономические причины «освобождения крестьян»	—
Закон 1819 года об «освобождении»	141
Мирское (волостное) общество. Волостной старшина. Мирской (волостной) суд	144
Волостная (вотчинная) полиция	145
Приходский и уездный суды. Гофгерихт. Генерал-губернатор	149
Общая оценка закона 1819 года	150
Глава XIV. Свободные договоры	151
Как овцы поедали латышских крестьян	—
Крестьянские беспорядки после 1819 года	153
Условия аренды как причина обнищания крестьян	154
Спиртные напитки	157
Перекупщики. Зарождение латышского капитализма	159
Общий взгляд на реформу 1819 года	160
Глава XV. Освобождение крестьян в Курляндии	161
Курляндское герцогство и его конституция	—
Положение курляндских крестьян	162
Царские милости и крестьянские бунты	164
«Освобождение» курляндских крестьян	166
Крестьянская земельная собственность в Курляндии	168
Глава XVI. Крестьянские беспорядки сороковых годов	170
Неурожай и голод	—
Церковь на службе у помещиков	173
Новая религия как революционная идеология крестьян	175
Усмирение восстания	176
Деятельность царских чиновников	179
Глава XVII. Аграрные реформы сороковых годов	181
77 дополнительных параграфов к крестьянскому уложению 1819 г.	—
Крестьянское Поземельное Уложение 1849 г. Барщинная аренда	183
Квотная земля	186
Волостная земля	188
Крестьянский Арендный Банк	189
Реакция после 1848 г. Начало националистического движения	191
Глава XVIII. Реформы шестидесятых годов	193
Влияние капитализма на крестьянские реформы	—
Дворохозяева-собственники и их правовое положение	194
Бесправное положение сельско-хозяйственных рабочих и без- земельных	196
Глава XIX. Продажа дворов (усадеб)	198
История вопроса о крестьянской земельной собственности	—
Причина, побудившая баронов продавать дворы крестьянам	199
Продажа крестьянских дворов в Курляндии	201
Экономические последствия покупки дворов	204
Глава XX. Аграрные условия в Латвии после 1905 г.	205
Виды земельной собственности	—
Баронские (юнкерские) имения	—
Квотная и волостная земля	207
Имения дворянства, городов, приходов и казны	208
Общие заключения о крестьянской земельной собственности	210
Земельная собственность в Курляндии	—
Приложение I	212
Приложение II	213
Примечания	214